АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 10

ТАШКЕНТ·1973

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН" УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ • 1973

И 90

Сборник содержит статьи по археологии каменного и бронзового века, античности и средневековью, древней краниологии народов Узбекистана и т. д.

Книга рассчитана на археологов и всех интересующихся историей Средней Азии.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
А. А. АСКАРОВ

История материальной культуры Узбекистана. (Сборник статей. Отв. ред. А. А. Аскаров). Т., «Фан», 1973.
124 с. с рис. (АН УзССР. Ин-т археологии. Вып. 10).

902.6 (С52)

И $\frac{0162—116}{355(06)-73}$ 80—73

А. АСКАРОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН УзССР в 1971 году

В конце 1970 г. в системе Академии наук УзССР был создан новый научно-исследовательский институт — Институт археологии. За время своей работы коллектив института провел научно-исследовательские работы по тем направлениям, которые были намечены еще до его создания, и начал исследования по новой тематике.

1971 год — первый год новой пятилетки — ознаменовался большими научными достижениями как по изучению памятников первобытно-общинного строя, так и классового общества на территории Узбекистана.

Байсунский археологический отряд (руководитель У. Исламов) продолжал исследование жилища мезолитического времени в пещере Мачай, в которой наряду с кремневым и костяным инвентарем обнаружены черепа ископаемого человека — кроманьонца, что явилось третьей важной ступенью в изучении антропологических останков первобытного человека после нахождения скелета неандертальского мальчика в пещере Тешик-Таш и челюстей кроманьонского человека в Самаркандской верхнепалеолитической стоянке. Раскопки в пещерной стоянке Мачай на юге Узбекистана дали много нового материала и по изучению позднечетвертичной фауны. Новые открытия сделаны также по выявлению памятников палеолита в Самаркандской области.

Благодаря разведочной работе Среднезарафшанского отряда, руководимого Ю. Ф. Буряковым, в Нарпайском районе Самаркандской области открыты стоянки палеолитической эпохи в местностях Кутурбулак и Зирабулак. Археологические раскопки, осуществленные палеолитическим отрядом, руководимым Н. Х. Ташкенбаевым, на стоянке Кутурбулак, позволили выявить пять культурных горизонтов, в том числе слои с кострищем. Получено огромное количество кремневых изделий, характерных для мустьерской стоянки древнего каменного века.

Продолжалось исследование на многослойной стоянке Кульбулак Ахангаранского района Ташкентской области. Раскопки, проводимые М. Р. Касымовым на этой стоянке, были сконцентрированы на изучении более дробной стратиграфической шкалы памятника. При раскопках выявлено девять культурных слоев, относя-

щихся к древнеашельской, мустьерской и позднепалеолитической стадиям древнекаменного века. Собран огромный археологический материал, позволяющий создать не только более детальную хронологию, но и выделить особенности каменной индустрии каждого слоя, а также локальную группу памятников среднего палеолита Узбекистана.

Значительная работа осуществлена Ферганским мезолитическим отрядом, руководимым У. Исламовым, на стоянке Обишир Сохского района Ферганской области. При раскопках, произведенных здесь методом вскрытия широких площадей стоянки, получено огромное количество разнообразных кремневых изделий мезолитического периода, освещающих многие вопросы истории и экономики Ферганской долины среднекаменного века.

Стационарные археологические раскопки были продолжены автором данной статьи на поселении бронзовой эпохи Сапаллитепе — памятнике древних земледельцев южных областей Узбекистана. Во время двух полевых сезонов здесь было вскрыто более 40 жилых и производственно-хозяйственных помещений, построенных из сырцового кирпича крупного размера; оконтурены внешние стены в западной части поселения, явившиеся прототипом стен оборонительных сооружений. Выявлены «внутриквартальные» улицы и переулки, вскрыто более 30 захоронений под полом жилых помещений и под западной стеной коридоров. В каждом захоронении было обнаружено большое количество глиняных сосудов, изготовленных на круге быстрого вращения, отличной термотехники, великолепной отделки, но без каких-либо внешних украшений. В могилах находились также бронзовые предметы — топоры, браслеты, серьги, шилья, печатки, бусы разной формы из камня, посуда из кожи, зеркала и т. д.

Поселение, по-видимому, имеет строго продуманную планировку с системой двойных и тройных кольцевых стен оборонительного характера с внутристенными коридорами. Под их защитой располагались рудоплавильные мастерские, керамические печи, жилые дома и улицы.

Исследование этого уникального памятника древнеземледельческой культуры эпохи бронзы позволяет утверждать, что древнее население Узбекистана участвовало в формировании протогородской культуры Древнего Востока.

Значительные полевые работы были осуществлены на поселении Дальварзинтепа эпохи поздней бронзы в Андижанской области. Основные раскопки были сосредоточены на восточной части поселения, расположенной между двумя оборонительными стенами, где были начаты раскопки еще в 1970 г. Вскрыты культурные слои на участке длиной 70 *м* и шириной 4—10 *м* на площади около 600 $м^2$. Культурный слой вскрытого участка мощностью от 0,7 до 1,2 *м* отличается по характеру отложений от слоя на основной части поселения (цитадели и шахристана), где он включал оборонительные укрепления, относящиеся к нижнему строительному

горизонту поселения. На полу были выявлены очаги и хозяйственные ямы, в одной из них находились остатки захоронения. Скелет лежал в скорченном состоянии, на боку, головой на юг. В процессе раскопок собраны зернотерки, скопления битой посуды и др. В южной части раскопа также выявлены остатки массивной оборонительной стены, окружавшей поселок с юга. Стена проходит в направлении СВ—ЮЗ, глинобитная, толщиной в среднем 4 *м* и сохранилась на высоту более 1 *м*. На прилегающей части участка выявлено два уровня пола. При вскрытии стены обнаружено впускное захоронение. Скелет находился в вытянутом положении, на спине, головой на север. Возле захоронения кости барана. На лопатке барана лежал железный нож, рядом железный наконечник стрелы, крючок, черешок наконечника стрелы и костяная накладка на лук. Захоронение отнесено к тюркскому периоду.

Изучение северной оборонительной стены продолжалось на площади около 200 $м^2$. Она построена в нижнем культурном слое и сохранилась на высоту до 1 *м*. В северной части раскопа обнаружено два впускных погребения без вещей. Таким образом, раскопки, произведенные на двух участках поселения, выявили дополнительные данные об устройстве крепостных стен и о фортификации поселения в целом.

Успешно продолжались полевые археологические исследования по разработке темы «История рабовладельческого общества». Наиболее существенные и значительные по своим масштабам работы проводились Термезским отрядом, руководимым Л. И. Альбаумом, на буддийском храме античного времени—Фаязтепе. В текущем году вскрывались центральный дворик, ступа цилиндрической формы с колпакообразным куполом и парадное культовое помещение, украшенное монументальной стенной росписью и скульптурой. Основная масса росписей наносилась на ганчевую грунтовку стен и ниш и сохранилась на полу фрагментами вместе с ганчевой основой. Она включает изображения Будды, бодисатв, дароносцев и различные сцены, связанные с буддийским культом.

Не исключена возможность, что до сооружения многочисленных пещерных буддийских храмов на Каратепе, расположенном всего лишь в 200 *м* к югу от Фаязтепе, последний являлся одним из наиболее почитаемых святилищ поклонников Будды северной части Тохаристана. Обнаруженные при раскопках Фаязтепе монеты чеканки местных правителей, подражавших на раннем этапе чекану Гелиокла, свидетельствуют о допустимости такого предположения. Здесь были найдены монеты, относящиеся и к чекану Кушан. Памятник датируется I—III вв. н. э. и относится к числу древнейших в нашей стране буддийских храмов, где прекрасно сохранились образцы реалистического изобразительного искусства и скульптуры.

В плане исследований памятников античного времени интересны новые данные, полученные Бухарским археологическим отрядом,

руководимым И. Ахраровым, в процессе стратиграфической раскопки на территории шахристана древней Бухары. В шурфах около зиндана к северу от арка на большой глубине вскрыт культурный слой III—II вв. до н. э. В нижних горизонтах шурфа пошла грунтовая вода, что помешало продолжать раскопки вглубь. Здесь было найдено несколько крупных обломков кубков на высокой ножке и тонкостенных чаш, характерных для III и II вв. до н. э. Открытие более ранних периодов при раскопках основной городской части древней Бухары является известным успехом археологического отряда. Значительные по масштабу археологические работы проводились в центре города Бухары. Наряду с вскрытием античного слоя в шурфе около зиндана исследованы многовековые толщи культурных слоев в различных частях города. Так, разведочные шурфы были заложены во дворе масжиди Калян, на площади медресе Мир-Араб, около школы им. Тельмана и в Талипачтепе. Шурф, заложенный во дворе масжиди Калян, был углублен до 10 *м*. Таким образом, была выявлена мощная толща поздних культурных напластований I в. до н. э. — первых веков н. э.

Большой интерес представляют раскопки в цитадели на площади 1,2 *га,* где вскрыты верхние слои, относящиеся к началу XX, XIX, XVIII и XVII вв. При этом получена масса вещественного материала — керамические, фарфоровые, стеклянные изделия, представляющие огромный искусствоведческий интерес. Осуществлена топографическая съемка большой части города, охватившая шахристан города VI—VIII вв. с кухендизом.

Новые данные по изучению древнейших слоев были получены на городище Афрасиаб в восточной части памятника близ мавзолея Ходжа Данияра, где была осуществлена стратиграфическая зачистка обрыва Ю. Ф. Буряковым. Здесь вскрыты последовательно залегавшие культурные напластования нескольких веков, самый нижний горизонт которых относится к VI—V вв. до н. э. Самое важное то, что здесь открыт один из древнейших протоков р. Сиаб, откуда обеспечивалась проточной водой часть древнего города архаического периода. Не меньший интерес представляет вскрытие здесь семи последовательно возвышающихся друг над другом магистральных дорог, подходивших к восточным воротам. В северной части городища продолжалось изучение Г. В. Шишкиной античной городской оборонительной стены и жилых сооружений грани н. э.

В плане изучения слоев раннесредневековых и средневековых периодов городища Афрасиаб в текущем году были проведены значительные по масштабу работы. Ш. Шорахимовым было завершено исследование многохозяйственного ремесленного квартала керамистов IX—XI вв. н. э., раскрывающее вопросы социальной структуры и характера производственного процесса гончаров, выпускавших прекрасную глазурованную посуду, славившуюся, по данным историков X в,. на всем средневековом Востоке. Исследование квартала помогает также решить вопрос о профессиональ-

ном объединении ремесленников по месту жительства в средневековом городе.

На городище Афрасиаб наряду с изучением античных слоев и средневекового ремесленного квартала керамистов Ш. С. Ташходжаевым проводилось исследование раннефеодального дворцового комплекса в центральном раскопе. Открыто храмовое помещение VII—VIII вв. н. э., связанное с культом огня.

На юго-восточной окраине Афрасиаба раскрыта позднесредневековая печь для обжига кирпича.

К югу от Афрасиаба на площади Регистан проведены стратиграфические раскопки по комплексу Чорсу. Вскрыты наслоения 8-метровой толщины с богатым керамическим комплексом и монетным материалом преимущественно XIV—XIX вв. н. э.

Одним из основных направлений археологического исследования древнего Самарканда на различных этапах его жизни явилось проведение разведочных работ по выявлению и фиксации памятников материальной культуры ряда районов Самаркандской области для составления свода археологических памятников (руководитель Р. Х. Сулейманов). В результате обследования ряда районов правобережной части Даргома полуинструментальной топосъемкой и фотофиксацией удалось обнаружить более 150 памятников и собрать достаточный археологический материал для датировки.

В текущем году значительно оживилась работа на Ахсикенте (руководитель И. Ахраров). Археологические исследования этого городища представляют особый научный интерес в разработке вопросов истории древнего и средневекового периода Ферганской долины. В античной части городища были вскрыты мастерские кирпичников и обжигательные печи керамистов, в домонгольской части осуществлен стратиграфический раскоп. Под мощным средневековым слоем IX—X вв. обнаружена одна из основных водосточных магистральных линий, построенных в эпоху саманидов. Ниже его обнаружен слой античного времени.

Широкие полевые работы в виде больших раскопок и шурфов проводились в разное время на ряде объектов на территории «Большого Ташкента» специальным археологическим отрядом, руководимым В. А. Булатовой. Наконец, после длительного периода исследования было завершено полевое археологическое изучение одного из древнейших пунктов — городища Минг-Урюк, находящегося на территории мебельной фабрики «Шарк» в г. Ташкенте. Некогда, до возникновения русской части Ташкента, здесь находилось значительное поселение, от которого сохранился лишь небольшой останец — часть цитадели[1].

В результате проведения систематических раскопок на городище Минг-Урюк была раскрыта древнейшая оборонительная стена

---

[1] В. А. Шишкин. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г., ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 13.

с площадками для защитников, на руинах которой выросли дворцовый комплекс и жилые хозяйственные постройки VII—VIII вв. Раскопки показали, что сложение городской жизни происходит в Ташкенте, по данным раскопок на Минг-Урюке, с V—VI вв., расцвет раннесредневекового города падает на VII—VIII вв. и с IX в. возникает качественно новое городское образование на новой водной системе — средневековый Бинкет.

На западной окраине города в Чиланзарском районе изучался средневековый холм Актепе. В 1971 г. здесь раскрыты руины доарабского храмового комплекса, связанного с поклонением огню и духу предков. Храм этот прямоугольной формы с семью отсеками по длинным сторонам и пятью — по торцовым. Это тип открытого сооружения с платформой, на которой и могли проходить культовые церемонии.

В южной части Ташкента продолжалось исследование средневекового города Нуджкета (городище Ханабад). Это развитый для поры раннего средневековья город с арком и шахристаном. Здесь была вскрыта городская оборонительная стена предарабского времени. В цитадели откопаны руины монументального здания дворцового типа VII—VIII вв.

Наиболее ранние слои на территории современного Ташкента, уходящие к рубежам нашей эры, обнаружить еще не удалось.

Наряду с широкими разведочными работами по выявлению ранее не известных памятников старины в северных и западных районах Ташкентского оазиса отряд Ю. Ф .Бурякова производил раскопки на городище Утурлитепе, располагавшемся на левом берегу р. Сырдарья и стоявшем на торговом пути между Шашем и Кенджде. Памятник площадью более 60 *га* между Сырдарьей и двумя ее левыми притоками состоит из трех частей, разделенных рвами и валами. Широкими раскопками вскрыта площадь около 500 $м^2$ со сплошной застройкой жилыми и хозяйственно-бытовыми помещениями. В одном случае раскопан многокомнатный дом зажиточного человека, в другом — группа домов ремесленников IX—XII вв. Собрано много нарядной керамики, украшений. Исследован также загородный дом-хозяйство. Обнаружено несколько печей металлургов, мельничных установок.

На правом берегу Сырдарьи в селе Гуль начато исследование городища Турткультепе, через которое, как предполагает Ю. Ф. Буряков, проходил путь от сырдарьинской переправы. Оно состоит из трех частей: в северо-восточном углу цитадель, отделенная рвом со входом-пандусом с запада; вокруг нее Г-образная площадка шахристана, также обнесенная рвом; третья площадка, огороженная стенами, частично разрушена. Раскопки, произведенные на различных участках городища, дали материалы времени X—XII вв.

Важным результатом полевых работ отряда в 1971 г. явилось завершение составления свода археологических памятников (760 объектов), что позволяет представить плотность обживания оазиса

на определенных этапах истории и выбрать для стационарных исследований наиболее важные памятники прошлого Узбекистана.

После некоторого перерыва возобновилась работа по изучению погребальных сооружений древнего Илака. Так, в текущем году в составе Ахангаранского археологического отряда Э. Кадыровым производились раскопки курганов под Ангреном и в Тойтепинской группе памятников. Исследовались два десятка курганов, в большинстве случаев сильно ограбленных или пустых. Из числа раскопанных курганов в шести случаях оказались захоронения с незначительным количеством сопровождающего покойников инвентаря (керамика, наконечники стрел и т. д.), относящегося к двум периодам, т. е. ямные захоронения II—I вв. до н. э. и подбойно-катакомбные III — V вв. н. э.— позднему этапу каунчинской культуры.

В связи со строительством Туябугузского водохранилища некоторые стратиграфические раскопки производились на городище Киндык-тепе, расположенном в зоне затопления водохранилища. При раскопках выявлены богатые вещественными материалами культурные слои раннефеодального замка-крепости V—VIII вв., обжившиеся впоследствии в XI—XIII вв. Близ них вскрыто несколько погребальных сооружений подбойно-катакомбного типа, относящихся, видимо, к позднему этапу каунчинской культуры.

В последние годы производятся систематические археологические исследования памятников на линии Каршинского магистрального канала (С. К. Кабанов и Т. Агзамходжаев). Каршинский археологический отряд, работая в зоне трассы канала, зафиксировал около 20 городищ и укреплений. Большие раскопочные работы велись на одном из крупных памятников, расположенных в русле канала, Коштепе-2 в 5 *км* от г. Карши. При раскопках вскрыто более 20 жилых и хозяйственно-бытовых помещений III—V вв. н. э. с локальной нахшебской керамикой и курильницами поры становления феодализма. Из числа глиняных сосудов наиболее характерны тонкостенные кувшинчики, широко известные в памятниках Каршинского оазиса III—V вв. н. э. Из инвентаря можно отметить обломки бронзового зеркала, обломок железного ножа и находки ручных жерновов и зернотерок. Найдены медные монеты (7 шт.).

Таков короткий обзор за 1971 год полевых археологических исследований коллектива института.

Следует отметить работы, проделанные научным коллективом института по накоплению новых разнообразных материалов, охватывающих огромный период — от древнекаменного века до позднего средневековья включительно, что, несомненно, является большим успехом археологии Средней Азии. Особенно значительны результаты исследования мезолитической стоянки в пещере Мачай, где были найдены останки ископаемого человека — кроманьонца — редкая находка в области изучения физического облика древнейшего человека на территории Узбекистана.

Не менее важными представляются результаты исследования поселения Сапаллитепе — памятника древнеземледельческой культуры юга Узбекистана, единственного до сего времени памятника, столь богатого разнообразным материалом для характеристики сложения и развития протогородской культуры на территории Узбекистана. Благодаря открытию и исследованию этого уникального археологического клада, в котором представлен комплекс памятников — поселение и могильник, появилась возможность говорить об участии древнего населения Узбекистана в формировании протогородской культуры Древнего Востока.

По своим результатам раскопки на Фаязтепе, на городище Афрасиаб, стоянке Кульбулак и многих других ничем не уступают находкам на Сапаллитепе и Мачае, как по обилию археологического материала, так и по научному значению. Накопление данных по многим периодам идет достаточно интенсивно. Но нельзя еще считать достаточным изучение памятников раннеклассового и античного времени.

Наряду с накоплением материалов необходимо обратить особое внимание на обобщение их, без чего нельзя разрешить многие вопросы, решенные гипотетически на основе скудных данных по периодизации истории народов Средней Азии в целом и Узбекистана в частности.

М. Р. КАСЫМОВ

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТ АХАНГАРАНСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОТРЯДА (ПО ДАННЫМ РАСКОПОК 1971 г.)

Ахангаранский палеолитический отряд Института археологии АН УзССР в полевом сезоне 1971 г.[1] основное внимание уделял изучению уникальной многослойной стоянки Кульбулак, находящейся в долине р. Ахангаран Ташкентской области[2]. Отряд продолжал вскрытие раскопа 1 1967 г.[3] общей площадью 34 *м*^{2}.

На раскопе были обнажены нижние слои, так как I и часть II культурного слоя были вскрыты в 1967 г. Работами последнего сезона были исследованы два (II—III) позднепалеолитических, семь (IV—VIII, VIII^а и VIII^б) мустьерских слоев и один (X) культурный горизонт, расположенный в лёссе шурфа 3 на глубине 8,30 *м* от поверхности площадки.

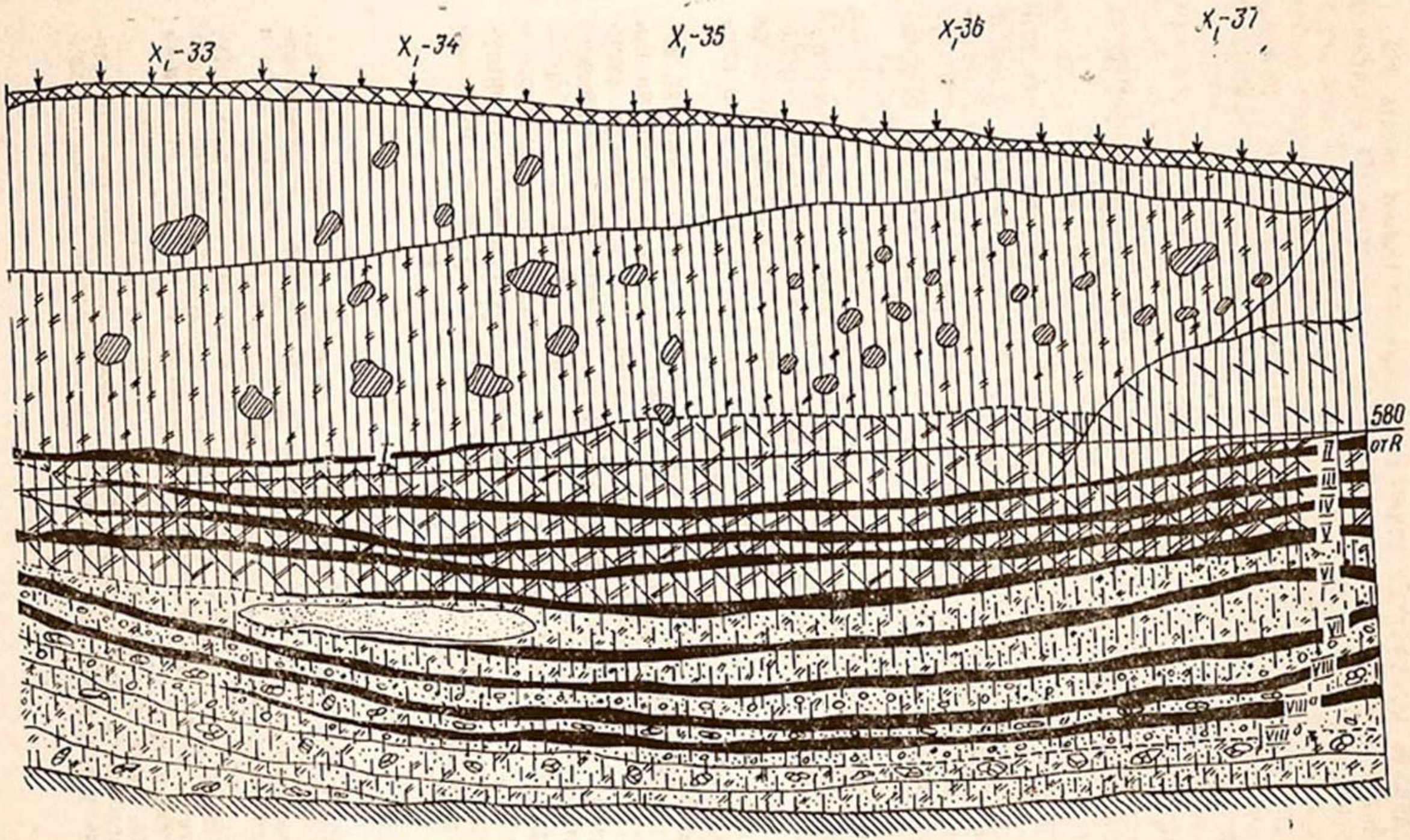
Расположение культурных слоев на раскопе 1 различно. На западе раскопа (VIII^а, VI и V) мустьерские слои кончаются на кв. X_1-33, $Ц_1$33, $Ч_1$-33 и вклиниваются в северную и южную стенки раскопа. Что касается двух (II—III) позднепалеолитических слоев, то они на западе кончаются на кв. X_1-32, $Ц_1$-32 и $Ч_1$-32. Остальные (VII, IV и I), продолжаясь к западу, вклиниваются в стенку раскопа. Таким образом, раскопами нынешнего года получена следующая стратиграфия напластования, которая прослеживается в разрезе стенки раскопа (рис. 1).

---

[1] В работе отряда приняли участие: М. Р. Касымов (начальник отряда), аспиранты Т. Юнусов. Э. Кадыров, лаборант М. Ураков, геологи-четвертичники (геоморфологи) Г. Ф. Тетюхин, А. Исламов, Р. Н. Камбаритдинов и группа московских геологов во главе с С. А. Несмеяновым.

[2] М. Р. Касымов. Памятники каменного века в долине Ангрена, ОНУ, Ташкент, Изд-во „Фан" УзССР, 1967, № 2; Он же. Археологические работы в Узбекистане, В сб. „Археологические открытия 1967 года", М., Изд-во „Наука", 1968, и др.

[3] Отряд, кроме выполнения стационарных работ на Кульбулаке, занимался исследованием памятников античного периода, расположенных в окрестностях Кульбулака, Акчи, Карахтая, Алмалыка и Той-Тюбе в долине р. Ахангаран.

X1-33
X1-34
X1-35
X1-36
X1-37
580
отR
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
VIIIa
VIIIб
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0
50
см

Разрез северной стенки раскопа 1 по линии кв. X_1-33 — X_1-37

	Мощность слоев, м
1. Дерновый слой	0,06—0,08
2. Супесь сероватого цвета	0,05—0,90
3. Супесь болотистая зеленоватого оттенка	0,05—0,85
4. Слой светло-желтовато-серого цвета слабо известкового суглинка	0,08—0,43
5. I позднепалеолитический слой, сильно гумуссирован, с углями, остатками костей ископаемых животных и каменных орудий	0,03—0,06
6. Прослойка зеленых озерных глин	0,05—0,12
7. II позднепалеолитический слой, сильно гумуссирован, с остатками золы и костей древних животных, а также насыщен остатками каменных орудий	0,05—0,08
8. Прослойка озерных глин зеленого цвета	0,03—0,11
9. III позднепалеолитический слой, сильно гумуссирован, местами с очажными пятнами и остатками костей ископаемых животных, а также остатками каменных изделий	0,04—0,09
10. Прослойка озерных глин зеленого цвета	0,05—0,12
11. IV мустьерский слой, гумуссирован редко, с остатками костей животных, насыщен позднемустьерскими орудиями	0,04—0,09
12. Прослойка глин озерного отложения зеленого цвета	0,06—0,14
13. V мустьерский слой с находками каменных изделий и редко встречающимися обломками костей животных	0,04—0,08
14. Прослойка зеленых озерных глин, обогащенных песком	0,11—0,14
15. VI мустьерский слой с обильными каменными изделиями	0,06—0,08
16. Прослойка зеленых озерных глин, обогащенных песком	0,08—0,21
17. VII мустьерский слой с каменными орудиями	0,04—0,07
18. Прослойка зеленых озерных глин, обогащенных песчано-гравелистым материалом	0,04—0,11
19. VIII мустьерский слой с каменными изделиями	0,03—0,08
20. Прослойка зеленых озерных глин, обогащенных песчано-гравелистым материалом	0,04—0,08
21. VIII[а] мустьерский слой с находками изделий	0,03—0,06
22. Прослойка зеленых озерных глин, обогащенных песчано-гравелистым материалом	0,04—0,23
23. VIII[б] мустьерский слой с редкими находками	0,03—0,04
24. Прослойка озерных глин, обогащенных песком и крупным обломочным материалом	0,04—0,13
25. Прослойка озерных глин с песком; видимая мощность	0,09—0,49
26. Прослойка озерных глин с песком и крупным обломочным материалом; видимая мощность	0,03—0,30
27. Прослойка озерных глин с песком: видимая мощность	0,03—0,12

На разрезе стенки раскопа видно, что здесь был вскрыт еще один (I) верхний позднепалеолитический слой, расположенный над вторым (II) слоем (рис. 1).

Рис. 1. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Разрез северной стенки раскопа 1 (1967—1971 гг.) по линии кв. X_1-33 — X_1-37. Условные обозначения:

1—дерновый слой; *2*—супесь сероватого цвета; *3*—супесь болотистая зеленоватого оттенка; *4*—слой светло-желтовато-серого цвета; *5*—прослойка зеленых озерных глин; *6*—прослойка зеленых озерных глин, обогащенных песком; *7*—прослойка зеленых озерных глин, обогащенных песчано-гравелистым материалом; *8*—прослойка озерных глин, обогащенных песком и крупным обломочным материалом; *9*—культурный слой; *10*—скопление песков; *11*—дно раскопа; *12*—норы грызунов.

Итак, работами 1967 и 1971 гг. в этой части раскопа выявлено десять разновременных палеолитических культурных слоев и один, пока самый нижний и древний,—в шурфе 3 на другом участке площадки. Из них: I—III позднепалеолитические; IV—VIII, VIII[а]—VIII[б] мустьерские и X (шурф 3) — верхний ашель. Описание изделий начнем с нижнего древнего слоя.

Самым нижним слоем, который найден в этом сезоне на Кульбулаке, является X культурный горизонт. Он расположен в лёссе ниже IX слоя шурфа 3 1967 г. на глубине 8,30 *м* от поверхности площадки. Здесь вскрыто всего 6 $м^2$. Изделия этого слоя представлены 24 экземплярами грубых орудий, отщепов, нуклеусов и других предметов, имеющих различную степень патинизации. Они изготовлены из кремня (21 экз.), кремнистого сланца (2 экз.) и обсидиана (1 экз.). Находка обсидианового изделия на стоянке Кульбулак представляет большой интерес, так как до сих пор на территории Узбекистана не известны выходы обсидиана. Характер обработки всего комплекса изделий этого слоя напоминает позднеашельский облик (рис. 2, *8*).

Мустьерские слои (IV—VIII, VIII[а]—VIII[б]) вскрыты на раскопе 1 в 1971 г. Найденные здесь изделия позволяют судить о том, что основным материалом, использовавшимся для обработки, служили местные породы камня: кремнистый сланец, кремень, кварц и др. Каменная индустрия этого комплекса, как и одновозрастного комплекса из других раскопок Кульбулака, весьма своеобразна. Для этих изделий характерно наличие обильных массивных сколов, где преобладают укороченные отщепы различной формы, и малочисленность леваллуазских сколов. В мустьерском комплексе представлены также разнообразные нуклеусы, соответствующие вышеупомянутым сколам.

В типологическом отношении мустьерские изделия характеризуются преобладанием скребущих и выемчато-зубчатых орудий, а также наличием орудий теякского типа и др.

VIII[б] культурный слой выявлен на небольшом участке раскопа и является продолжением того слоя, который был вскрыт на восточном участке раскопа 1 в 1970 г. Инвентарь этого слоя сравнительно немногочислен, но разнообразен (101 экз.). Здесь представлены различные нуклеусы, пластины, скребла, выемчатые и другие орудия, характерные для среднего палеолита. Они по характеру обработки почти не отличаются от инвентаря верхнего VIII[а] мустьерского слоя (рис. 2, *2, 5, 6, 7*).

VIII[а] культурный слой содержит изделия различных форм и размеров (286 экз). Для них характерны сравнительная грубость, примитивность заготовок и вторичной обработки орудий. В коллекции преобладают скребковые и выемчатые орудия (рис. 2, *4*). Представлены также орудия с острыми концами, скребла и дисковидные, одно- и двухплощадочные нуклеусы и соответствующие им отщепы (рис. 2, *1, 3*).

VIII культурный слой богаче описанных выше двух слоев.

В нем представлены многочисленные и разнообразные материалы (690 экз.). Среди них встречаются грубые заготовки и орудия. В коллекции этого слоя имеются нуклеусы различных форм и размеров. Наиболее устойчивыми образцами являются дисковид-

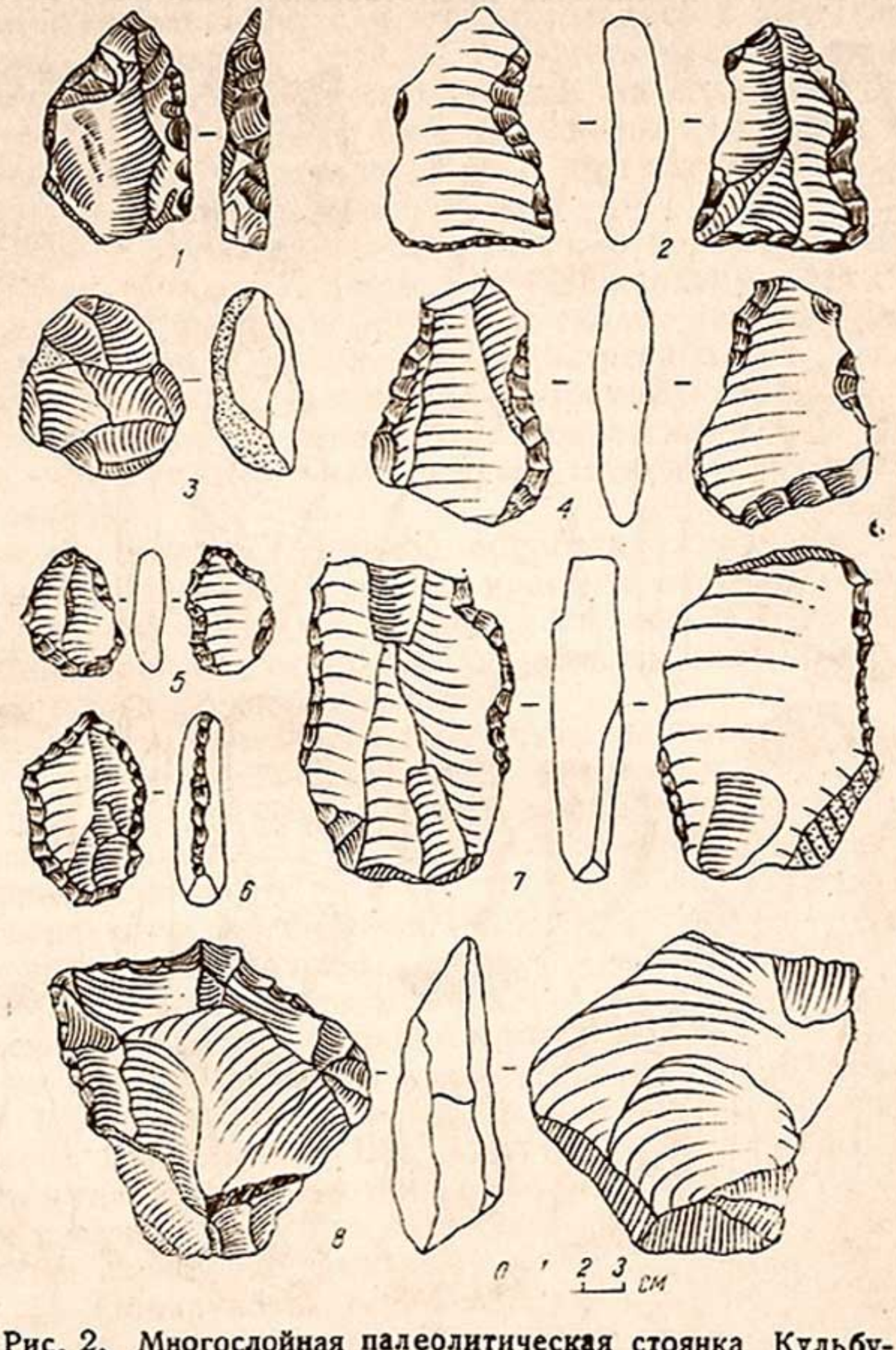

Рис. 2. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия:

1, 3, 4—VIII^{а} к. с. (культурный слой); *2, 5—7*—VIII^{б} к. с.; *8*—X к. с.

ные и многоплощадочные нуклеусы (рис. 3, *10*), многочисленные скребла, выемчатые орудия (рис. 3, *5, 6*). В коллекции представлены также пластины и остроконечники. Характерны для данного комплекса и комбинированные орудия. На одном конце обломка

пластины такого типа вторичной обработкой изготовлена проколка, а другой конец его использован в качестве скребка (рис. 3, *9*).

VII культурный слой Кульбулака богат каменными изделиями (781 экз.). В этом комплексе представлены различные типы нук-

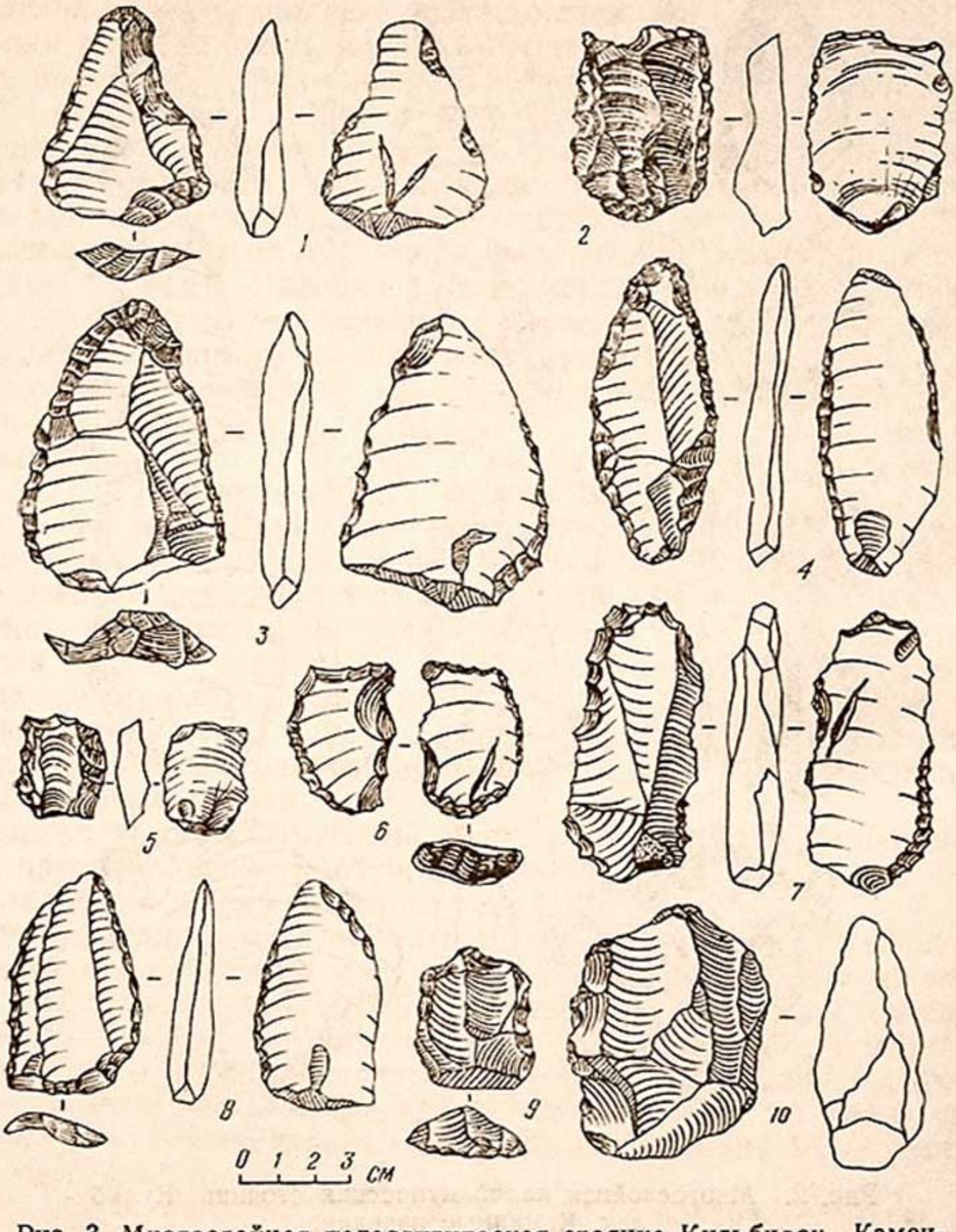

Рис. 3. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия:

1, 3—VI к. с.; *2, 4, 7, 8*—VII к. с.; *5, 6, 9, 10*—VIII к. с.

леусов, среди которых преобладают дисковидные и атипичные. В сравнительно нижних слоях обнаружено большое количество пластин: листовидные, зубчатые и леваллуазские (рис. 3, *4, 7, 8*). Края некоторых орудий обработаны небрежно, в результате чего они становились неровными, зубчатыми и даже выемчатыми. Не

случайно поэтому в коллекции представлено большое количество выемчатых орудий. Среди них отметим орудия, подготовленные на обломке пластин. У них кроме выемок, на одном из углов сохранились острые обработанные края. По-видимому, такие орудия были комбинированными, т. е. использовались в качестве скребущих орудий и проколок (рис. 3, *2*). Здесь представлены также многочисленные изделия, изготовленные на отщепах. Среди них встречаются и микроорудия. Однако отщепы и осколки составляют бóльший процент по сравнению с другими орудиями и являются отбросами производства.

Материал VI культурного слоя уступает по количеству изделий нижним слоям (508 экз.). Здесь, как в нижних мустьерских слоях, найдены изделия, имеющие различные сколы: леваллуазские и нелеваллуазские. Леваллуазские сколы встречаются в незначительном количестве. Они представлены в обломках, редко в целых пластинах и удлиненных отщепах. Нелеваллуазские сколы встречаются в виде коротких пластинок, отщепов и сколов и составляют более 90% изделий.

Несколько слов о вторичной обработке каменных изделий. В большинстве случаев ретушь на краях заготовок нанесена либо со стороны брюшка, либо со стороны спинки. Встречается также чередующаяся ретушь, переходящая с брюшка на спинку в пределах одного и того же края заготовки.

Орудия в этом комплексе выполнены на хороших заготовках. Среди них преобладают скребковые, выемчатые (рис. 3, *1*) и режущие (рис. 3, *3*). Имеются также микроорудия и орудия теякского типа, изготовленные на различных нелеваллуазских отщепах.

Каменные изделия V культурного слоя составляют наиболее многочисленную группу инвентаря стоянки Кульбулака (1501 экз.). Здесь представлены различные орудия, нуклеусы и большое количество отбросов производства. Наряду с дисковидными и атипичными имеются нуклеусы с параллельными гранями или подпризматические, приближающиеся по ряду признаков к позднепалеолитическим (рис. 4, *16*). Что касается пластин, то большинство из них сломано в древности. Все пластины двух- или трехскатные, плоские, иногда слегка изогнутые и различны по форме (рис. 4, *15*). Наиболее типичны для этого комплекса орудия из отщепов. Среди них имеются скребущие, режущие, зубчатые и выемчатые орудия (рис. 4, 14). Обнаружены также изделия с боковыми выступами, оформленными с двух сторон. Иногда встречаются орудия с подтесанными кончиками.

Каменный инвентарь IV культурного слоя превосходит по количеству изделий все другие нижние культурные слои Кульбулака (1554 экз.). Этот слой является завершающей стадией мустьерских слоев стоянки. Инвентарь этого слоя отличается более совершенной техникой первичной и вторичной обработки камня. Наблюдается дифференцированность некоторых типов орудий. Встречающиеся здесь новые типы скребков свидетельствуют о постепен-

ном вызревании элементов культуры позднего палеолита. Подтверждением тому служит наличие большого количества разнообразных изделий: различные нуклеусы (дисковидные, подпризматические, атипичные), пластины, скребла, концевые скребки, характерные для позднего палеолита (рис. 4, *13*), проколки на типично

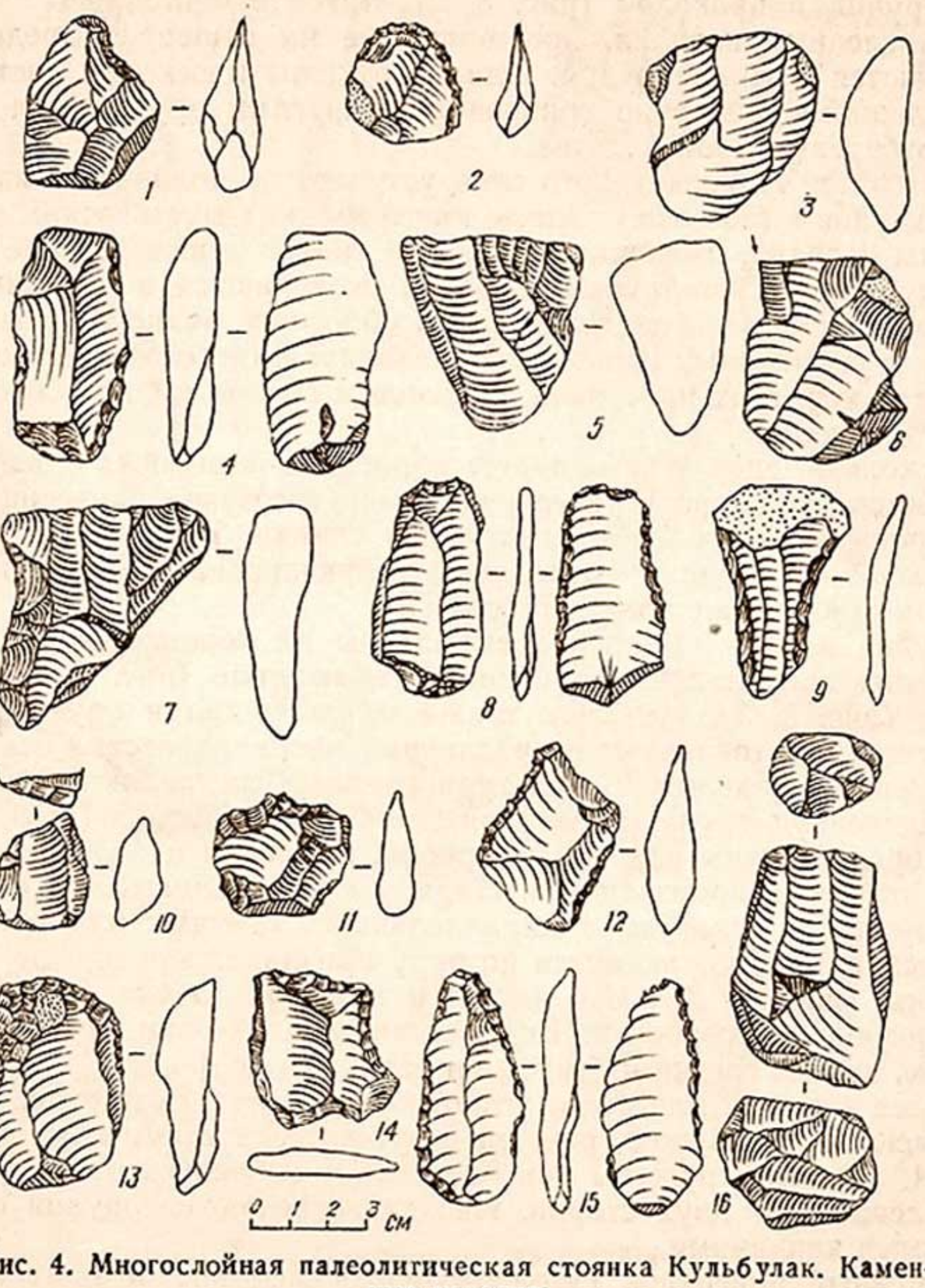

Рис. 4. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия:

1–6, 9—II к. с.; *7, 8, 10*—III к. с.; *11–13*—IV к. с.; *14–16*—V к. с.

мустьерских пластинах (рис. 4, *11*) и различные скребущие, режущие, выемчатые орудия (рис. 4, *12*), а также многочисленные отщепы и отбросы производства. По характеру первичной и вторичной обработки изделия IV слоя напоминают финальное мустье.

На стоянке Кульбулак насчитывается три позднепалеолитических слоя. Первый слой, как отмечалось, был вскрыт в 1967 г. Два других (III и II) были вскрыты в раскопе 1 в 1971 г. Все три позднепалеолитических слоя расположены выше мустьерских слоев и характеризуются насыщенностью золой и наличием очажных пятен, частей ископаемых животных, а также каменных изделий, типичных для позднего палеолита. В этих культурных слоях более 80% каменных изделий изготовлены из кремня, выходы которого расположены недалеко от стоянки. Причем из всех обнаруженных в них изделий законченные орудия составляют лишь 5—6%, остальные же являются отбросами производства. По-видимому, обитатели Кульбулака на месте производили и первичную и вторичную обработку каменных орудий.

Каменные изделия III позднепалеолитического слоя Кульбулака представлены большими сериями, состоящими из различных нуклеусов, пластин, скребков, скобелей и других орудий, а также отбросов производства (2453 экз.). Все имеющиеся в коллекции нуклеусы представляют собой главным образом призматические, конусовидные, одно-, двух-, а также многоплощадочные. Большинство из них составляют нуклевидные обломки с несколькими бессистемными сколами на поверхности. Ударные площадки у большинства нуклеусов подправлены поперечными или боковыми сколами (рис. 4, *10*), реже встречаются с гладкой поверхностью. Некоторые нуклеусы использовались в качестве скобляющих орудий (рис. 4, *7*). Несмотря на различные подготовки ударных площадок нуклеусов и соответствующий им угол площадки с них сняты либо призматические пластинки, либо удлиненные отщепы, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы на нуклеусах (рис. 4, *10*). Инвентарь этого слоя изобилует пластинками, скребками, скобелями и другими изделиями. Здесь представлены также немногочисленные, но типичные для позднего палеолита ножевидные пластинки. У них, как правило, на спинке сохранились параллельные грани, свидетельствующие о снятии их с призматического нуклеуса. У некоторых изделий края тщательно отретушированы либо со спинки, либо с брюшка (рис. 4, *8*). В коллекции имеются также скребки и скобели на отщепках или на обломках кремня. Однако в инвентаре еще большее место занимают отщепы и обломки, не подвергшиеся вторичной обработке и являющиеся отбросами производства.

Кроме каменных изделий в III слое представлены остатки костей ископаемых животных, в том числе зубы лошади и т. д.[4]

В инвентаре II культурного слоя есть сравнительно немногочисленные, но разнообразные изделия (333 экз.). Они состоят из различных нуклеусов, пластин, скребков и других орудий. Большой интерес представляют нуклеусы, характеризующие технику

---

[4] Определение сотрудника Института зоологии и паразитологии АН УзССР Т. Худайбердиева.

расщепления камня. В коллекции имеются более выразительные призматические и конусовидные нуклеусы (рис. 4, *3, 5*). Большинство из них одноплощадочные. На них сохранились следы параллельных сколов. В коллекции преобладают атипичные нуклеусы и нуклевидные обломки различных форм и размеров. Некоторые нуклеусы использовались в качестве скребущих орудий, а также отбойников. Но типичных отбойников представлено лишь два экземпляра. На них местами сохранились следы выбоин.

В коллекции этого слоя представлено более десяти экземпляров пластин. Большинство из них двухскатные (рис. 4, *4*), а остальные — многогранные (рис. 4, *9*). У некоторых пластин рабочие края отретушированы полностью, у других ретушь нанесена лишь местами. Имеются также миниатюрные пластинки со следами параллельных сколов на спинках. Характерно для этого слоя и наличие резца, изготовленного на одном боку отщепа (рис. 4, *6*).

Представленные здесь скребки изготовлены из отщепов различной формы и размеров. Рабочими краями их служили либо противоположные концы ударной площадки отщепа, либо боковые его края (рис. 4, *2*). В одном экземпляре представлен типичный скребок на конце сломанной пластинки. Скобели также изготовлены из отщепов, на которых сохранились выемки с хорошо оформленной ретушью (рис. 4, *1*).

В коллекции имеются также зубчатые орудия и проколки. Последние характеризуются наличием тонкого заостренного кончика, служившего в качестве проколки.

Среди изделий этого слоя преобладают отретушированные отщепы. У большинства отщепов ретушь нанесена на всех краях, у других — лишь местами. Есть и отщепы с хорошо оформленными выемками, что свидетельствует об использовании их в качестве скобляющих орудий. Около 40% всех изделий составляют отщепы без ретуши. На большинстве из них сохранилась желвачная корка. Они являются отбросами производства.

Таким образом, каменные изделия Кульбулака весьма своеобразны по типам. Все нижние слои имеют единый в индустриальном отношении материал, который на определенном отрезке времени претерпел эволюцию, а затем развивался в позднем палеолите. Материал, аналогичный изделиям Кульбулака, найден также в инвентаре кремнеобрабатывающих мастерских, расположенных недалеко от данного памятника[5] в районе местонахождения Кухисим на противоположном берегу р. Ахангаран[6], и на территории Ташкентского моря, находящегося в 70—80 *км* ниже по течению р. Ахангаран этой же долины[7].

---

[5] М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Мастерские каменного века в долине р. Ангрен, ОНУ, вып. 5, Ташкент, Изд-во „Фан" УзССР, 1969.

[6] М. Р. Касымов. Памятники каменного века в долине Ангрена. ОНУ, Ташкент, Изд-во „Фан" УзССР, 1967, № 2.

[7] Сборы Ю. Ф. Бурякова, В. И. Спришевского, М. Р. Касымова, К. Алимова и др.

М. Д. ДЖУРАКУЛОВ, Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ ОСТАНКОВ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА НА САМАРКАНДСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ

Раскопки 1970 г., производившиеся Институтом археологии АН УзССР и Самаркандским Государственным университетом им. А. Навои в течение весеннего и осеннего полевых сезонов на Самаркандской верхнепалеолитической стоянке, явились логическим продолжением раскопочных работ предыдущих лет. Первым исследователем этого уникального памятника Д. Н. Левом было установлено, что культурные отложения стоянки образуют в плане два больших скопления по обоим сильно пологим склонам устья небольшой балки. Эти два скопления культурных слоев в свое время, видимо, разделял ручеек, впадающий здесь в речку Чашмасиаб, песчанистые отложения на дне его находятся между этими двумя большими скоплениями. Было также выявлено, что культурные остатки распределены по трем последовательно идущим горизонтам или слоям, разделенным более или менее четко стерильными прослойками. При вскрытии каждого скопления были обнаружены кости первобытного человека: две челюсти, бедренная кость, два зуба и эндокран черепа ребенка, принадлежащих различным особям. Причем антропологические находки тяготели к самому краю юго-восточной части стоянки.

Раскопки 1970 г. велись на трех участках стоянки. Первый раскоп, заложенный на северо-западном краю стоянки, примыкал к раскопам 1964, 1967 гг. Здесь были произведены работы на площади 18 *м*^{2}, глубиной до 5 *м* от поверхности. Тут, в серо-желтой супеси, было выявлено три культурных горизонта, интенсивно окрашенных в темно-серый цвет благодаря многочисленным пятнам кострищ. Верхний, тонкий и более слабый, горизонт проходил в южной части раскопа на глубине 1,5 *м* от дневной поверхности, поднимаясь вверх на север на протяжении 2 *м*. Средний горизонт был на глубине 3,5 *м*, имел мощность до 20 *см* и был сильно насыщен как угольно-золистыми остатками, так и археологическим материалом. Здесь в юго-восточном углу раскопа обнаружена небольшая очажная яма диаметром около 60 *см*, заполненная углистой пылью и золой с остатками фауны вокруг. В этом раскопе обнаружено всего 68 экземпляров каменных поделок, преимущественно из кремня плохого качества, реже из диорита. Это в основном продукты расщепления. Среди орудий есть выразительный концевой скребок на небольшой кремневой пластинке, второй — оваль-

ной формы, на конце небольшого отщепа. Представляет интерес скребло из коричневого кремня мустьерского облика с крутой грубой ретушью на одном крае и режущее орудие на грубом диоритовом отщепе с плоской заостряющей ретушью по продольному краю. Это комбинированное орудие на ретушированной пластине— скребок на одном конце и струг на другом. Кроме того, обнаружено галечное орудие округлой формы. Местами рассеяны небольшие кусочки красной охры. Раскопки на глубине 2,70 *м* были прекращены, так как ниже, до глубины 3 *м*, шел плотный илистый и влажный грунт, абсолютно лишенный культурных остатков.

На расстоянии 30 *м* к югу от стоянки на верху террасы р. Чашмасиаб в 1962 г. Д. Н. Левом был заложен шурф, который на глубине 4,50 *м* от дневной поверхности дал несколько находок относительно архаического облика. По западной и восточной сторонам этого шурфа было заложено еще два шурфа на глубину до 6 *м* от дневной поверхности. Здесь было выявлено два культурных горизонта: верхний, соответствующий, по всей видимости, первому слою Д. Н. Лева, был на глубине около двух метров от дневной поверхности. Он содержал в себе огромные пятна красной охры в поперечнике до 1,5 *м* и угольков, небольшое количество раздробленных костей животных и несколько кремневых поделок. Ниже, почти на целый метр, идет толща чистого светло-желтого или супесчаного суглинка, лишенного находок. Затем, на глубине от 3 до 4 *м* идут отдельные разрозненные находки кремней. В середине этого горизонта (на глубине 3,50 *м*) идет тонкая прослойка серого песка толщиной 10—40 *см*, в ней тоже были находки кремней. Тут же была найдена круглая плоская обточенная галечка с просверленным углублением в центре (диаметр 5 *см*). Разрозненные находки кремней, не приуроченные четко к какому-либо уровню, продолжаются здесь до глубины 5 *м*, причем внизу, на глубине около 5 *м*, они встречаются чаще. Тут же обнаружено большое кострище и опять пятна красной охры. Ниже идет темный песчанистый суглинок, лишенный находок.

Основное же внимание археологов было сосредоточено на раскопе 2 в юго-восточной части стоянки, в районе находок антропологических останков предыдущих лет. Тут был заложен раскоп площадью до 50 $м^2$ и глубиной на отдельных участках до 7 *м* от дневной поверхности. Раскоп этот расположен на пологом склоне между верхним и нижним уровнями стоянки, длина склона 30 *м*, высота около трех метров. Центральная, основная часть стоянки, вскрытая Д. Н. Левом, находится в небольшой ложбине размером 30×40 *м*. Раскоп 2 был выше к юго-западу от этой центральной части стоянки и на расстоянии около 20 *м* от края ее.

Тут стратиграфия относительно проста, но сильно потревожена в эпоху средневековья. Сверху идет толща сероватого рыхлого слоя, содержащего материалы X и XIV вв., мощность его 1—2 *м*, нижняя граница очень неравномерна, отдельные ямы и промоины внедряются в нижележащий пласт местами на глубину до 3 *м*.

Самой ценной находкой в этом раскопе явилась бедренная кость древнего человека. Она находилась на глубине 2,40 *м* от дневной поверхности. Далее, к северо-западу на уровне этой находки и ниже на 20 *см* шла тонкая (2—5 *см*) песчанистая прослойка, содержащая кремневые орудия и несколько фрагментов средневековой керамики. Протяженность прослойки серого мелкого песка около 3 *м*. Обнаруженные останки человека, видимо, палеолитического времени, судя по сохранности и сопровождающим находкам каменных орудий.

Эта странная картина расположения культурных остатков заставляет предполагать, что кремни и керамика были сдвинуты сюда и отложены, видимо, в средневековье. Эта прослойка прослеживается по всей южной стене раскопа и частично западной. В виде редких исключений отдельные находки отщепов и осколков кремня встречаются и в непотревоженном суглинке под прослойкой, куда они, видимо, были перенесены водой из этой прослойки.

Следует думать, что палеолитический кремневый инвентарь и антропологические останки находились в первичном залегании где-то выше террасы на расстоянии до десяти метров, затем при освоении этих мест в эпоху средневековья палеолитический слой был, видимо, разнесен и смыт вниз к центру стоянки и в это время в него попали отдельные фрагменты керамики. Эта прослойка была перекрыта, уже в дальнейшем, сначала чистым суглинком, а сверху средневековым слоем. Показательно, что уровень антропологических находок абсолютно совпадает с уровнем кострища с охрой в первом слое южного шурфа и с уровнем останков древнего человека, обнаруженного Д. Н. Левом в предыдущие годы к западу от данного участка.

Результаты работ 1970 г. на Самаркандской стоянке позволяют выдвинуть гипотезу о топографической дифференциации площади стоянки в общественно-бытовом отношении, что ведет нас к интересным выводам о чертах быта и идеологии человека этой стоянки. Складывается следующая картина: в ложбине на площади более 100 $м^2$ отлагались культурные слои, содержащие массу фаунистического материала, кремневых орудий, насыщенных многочисленными зольниками и углем кострищ, т. е. это не что иное, как следы хозяйственно-бытовой деятельности человека. Южная же площадка на верху террасового уровня дает другую картину культурных отложений. Слои здесь тоньше, фауны и кремня очень мало. В шурфе — мощные пятна и скопления охры, подвески, материалы, имеющие, вероятно, ритуальное назначение. А далее к востоку — находки антропологического материала, находок кремня там еще меньше.

Таким образом, верхняя площадка по характеру находок позволяет предполагать сакральное значение этого участка стоянки в жизни древнего человека, жившего на территории Самарканда в эпоху верхнего палеолита.

Н. Х. ТАШКЕНБАЕВ

НОВАЯ МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА КУТУРБУЛАК

В весеннем сезоне 1971 г. на территории Нарпайского района Самаркандской области в местностях Зирабулак и Кутурбулак, в 100 *км* к юго-западу от Самарканда, были обнаружены две новые палеолитические стоянки[1]. Эти места в эпоху палеолита благоприятствовали обитанию первобытного человека. Древний житель вел свою трудовую деятельность вокруг древних родников, изготовлял здесь же кремневые орудия, получая сырьевой материал для изделий из выходов кремневых пород, расположенных в 1—1,5 *км* южнее памятников.

Предварительное исследование местности Зирабулак показало, что культурные слои были разрушены при различных строительных работах в последующие эпохи. Кремневые изделия собраны по всем участкам находящейся здесь птицефермы. Среди находок — отщепы, пластины, различные орудия.

Основным объектом нашего исследования явилась палеолитическая стоянка Кутурбулак, расположенная в 1 *км* от Зирабулака.

В результате лишь предварительных разведочных работ на местности памятника получено большое количество кремневых изделий, по технике изготовления, типологии и функциональному назначению характерных для мустьерской стадии эпохи палеолита.

На небольшом участке в радиусе 50 *м* вокруг родника собрано более 300 кремневых изделий.

В заложенных двух шурфах 1×1,5 *м* обнаружены три последовательных горизонта с культурными остатками, давшие около 200 каменных предметов.

Среди собранного кремневого комплекса этого памятника преобладают дисковидные нуклеусы типично мустьерского времени. Особый интерес представляет односторонний дисковидный нуклеус (рис. 1, *1*), тыльная сторона которого не получила иной обработки, кроме подправки края, где специальными сколами образована отбивная площадка. От этой площадки (рабочей плоскости) произведена серия сколов в радиальном направлении. Угол между рабочей поверхностью и отбивной плоскостью составляет в среднем 65°. Диаметр нуклеуса 5,6 *см*.

---

[1] Указанные памятники открыты Средне-Зарафшанским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР во главе с канд. ист. наук Ю. Ф. Буряковым.

В небольшом количестве собраны одно- и двухплощадочные нуклеусы. Двухплощадочный нуклеус (рис. 1, *2*), размеры которого: длина — 5,5 *см,* ширина — 4,5 *см,* имеет по три фасетки сколов

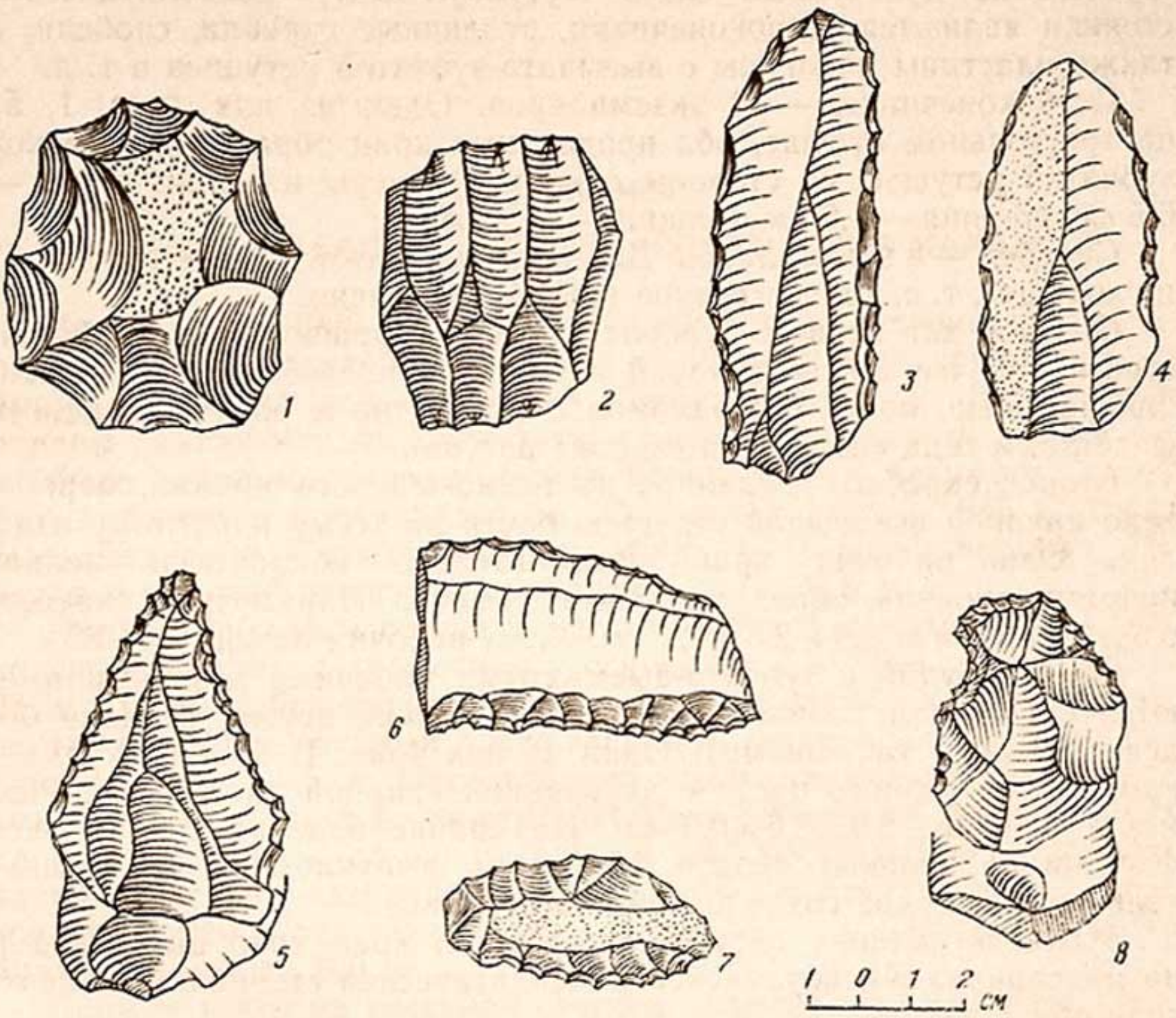

Рис. 1. Каменные орудия из стоянки Кутурбулак.

на рабочей плоскости в противоположном друг другу направлении. С этого нуклеуса сняты узкие пластины. Подобные нуклеусы считаются типично леваллуазскими для пластин по Ф. Борду[2].

Большая часть заготовок Кутурбулакской стоянки состоит из удлиненных пластин со вторичной обработкой (рис. 1, *3, 4*). У многих из них огранка спинки параллельная, проходящая всю или почти всю длину пластины.

Подобные удлиненные пластины встречаются во многих мустьерских памятниках Средней Азии—Тешик-Таш[3], Ходжикент[4] (Уз-

[2] F. Bordes. Principes d'une methode d'étude des téchniques de debitage et de la typolgie du paleólithiqua ancien et moyen, L'Anthropologie, t. 54, № 1—2. 1950. p. 21.

[3] А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Сб. „Тешик-Таш". МГУ, 1949.

[4] А. П. Окладников. Ходжикентская пещера—новый мустьерский памятник Узбекистана, КСИА, вып. 82, М., 1961, стр. 74.

бекистан), Кайрак-Кум[5], Джар-Кутан[6] (Таджикистан) и памятниках Передней Азии—Кармеле[7] (Палестина), Шанидаре[8] (Ирак).

Доминирующими кремневыми орудиями среди подъемного материала из культурных слоев Кутурбулакской палеолитической стоянки являются остроконечники, различные скребла, скобели, а также пластины и отщепы с выемчато-зубчатой ретушью и т. д.

Остроконечников — 10 экземпляров. Один из них (рис. 1, *5*) на треугольном отщепе, оба продольных края обработаны мелкой зубчатой ретушью со стороны спинки. Размеры изделия: длина — 6,5 *см*, ширина — 4,6 *см*, толщина — 1,2 *см*.

Скребел — 8 экземпляров. Два скребла имеют прямое (рис. 1, *6*) и сходящее, т. е. конвергентное (рис. 1, *7*), лезвия.

Основой для первого скребла послужил фрагмент крупной пластины, рабочее лезвие которой оформлено превосходно выполненной ретушью, почти без заломов с аккуратно и ровно лежащими фасетками типа «подпараллельной» ретуши.

Второе скребло, сделанное из темно-зеленого кремня, обработано крупной выемчатой ретушью почти по всему параметру изделия. Один рабочий край дополнительно подправлен мелкой подретушировкой, образуя зубчатое лезвие. Параметры скребел: 6,6×3,6×1 *см* и 5,4×2,6×1,2 *см*. Углы рабочих лезвий 60—65°.

Среди орудий с зубчато-выемчатыми рабочими лезвиями имеются в большом количестве скобели с одной, двумя, тремя и более выемками (анкошами). Один из них (рис. 1, *8*) — на кремневом отщепе черного цвета с двугранной ударной площадкой. Размеры скобеля: 5,0×3,6×0,9 *см*. На спинке изделия сохранились фасетки радиальных сколов. На одном выпуклом крае дополнительной подпоркой создано скоблящее лезвие.

Зубчатая техника обработки рабочего края ярко выражена и на материалах Кульбулакской палеолитической стоянки (Ташкентская область)[9].

Наличие в каменной индустрии обитателей Кутурбулакской стоянки скоблящих выемчатых орудий свидетельствует, видимо, о том, что они умели обрабатывать дерево, широко используя его для изготовления дубин, копий, рогатин и т. д.

Археологическое исследование стоянки Кутурбулак углубит представление о характере мустьерских культур Средней Азии и поможет выявить направление их культурных связей.

---

[5] А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана, Итоги и проблемы, Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 167—168.

[6] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. Палеолит, вып. 1, Изд-во АН ТаджССР, 1965, табл. I—III.

[7] D. A. E. Garrod, M. A. Bate. The stone age of mount Garmel, vol. 1, Oxford, 1937.

[8] R. S. Solecki. Shanider cave, a paleolithic site in Northern Yrag, Smitson report for 1954, Washington, 1955.

[9] М. Р. Касымов. Исследование многослойной палеолитической стоянки Кульбулак, Сб. „Археологические открытия 1968 года", М., „Наука", 1969.

С. К. КАБАНОВ

РУИНЫ ЗДАНИЯ ВРЕМЕНИ КУШАН БЛИЗ КАРШИ

Зимой 1965—1966 гг. при прокладке дороги севернее Бешкентского шоссе, недалеко от поселка ст. Карши был срыт крупный бугор, известный под названием Пирмат-баба-тепе[1]. Ни органам охраны памятников, ни Институту истории и археологии АН УзССР не было известно о строительстве новой дороги. Памятник ранее был известен и предварительно обследован весной 1965 г. Тогда был снят план Пирмат-баба-тепе (рис. 1, I) и установлено, что верхний его слой относится приблизительно к V в. н. э.

Пирмат-баба-тепе представлял собой бугор высотой 9 *м*, почти круглый в плане, с диаметром у основания 70—75 *м*, в вершине — 25 *м*. После работ дорожников от тепе сохранились три останца, из них наиболее крупный в юго-западном секторе тепе, где его высота достигала 7,5 *м*. Исследование этого останца еще оставляло возможность установления стратиграфии памятника. Значительная площадь останца — до одной седьмой всей площади тепе—позволяла надеяться на сохранность и некоторых конструктивных остатков. Раскопки в основном велись летом 1967 г.; площадь раскопа была доведена до 200 $м^2$.

Прежде всего на северной стороне останца был заложен стратиграфический разрез, в котором были вскрыты наслоения западного склона тепе до уровня окрестных полей. Разрез был начат с расчистки небольшой площадки на вершине останца, где обнаружено продолговатое помещение с очагом, вытянутое с севера на юг, шириною 2,2 *м* (рис. 1, II, помещение 1). Западная стена помещения глинобитная, толщина ее 1,5 *м*. Толщина восточной стены с точностью не восстанавливается, в ней видны признаки перестроек, при которых применялся сырцовый кирпич размером 44×22×8 *см*. Севернее остатков стен помещения 1 и была намечена линия разреза (рис. 1, V).

Под полом помещения были обнаружены две глинобитные стены, разделенные рыхлым завалом; западная из них — глинобитная, плотная, восточная — из комков пахсы; дальше, к востоку от по-

---

[1] Памятник назывался по имени владельца окрестных земель в дореволюционное врема.

следней, обнаружен массив из комков пахсы, видимо завал. Иной состав наслоений обнаружен к западу от помещения 1: здесь, под склоном, выявлены рыхлые завалы с большим содержанием керамики, костей, угля, золы. Под этим рыхлым завалом, на уровне примерно середины склона, обнаружена массивная кладка стен из сырцового кирпича, как выяснилось затем — остатки капитального здания с еще сохранившимся частично сводом какого-то небольшого помещения. Внутри этого помещения обнаружен завал

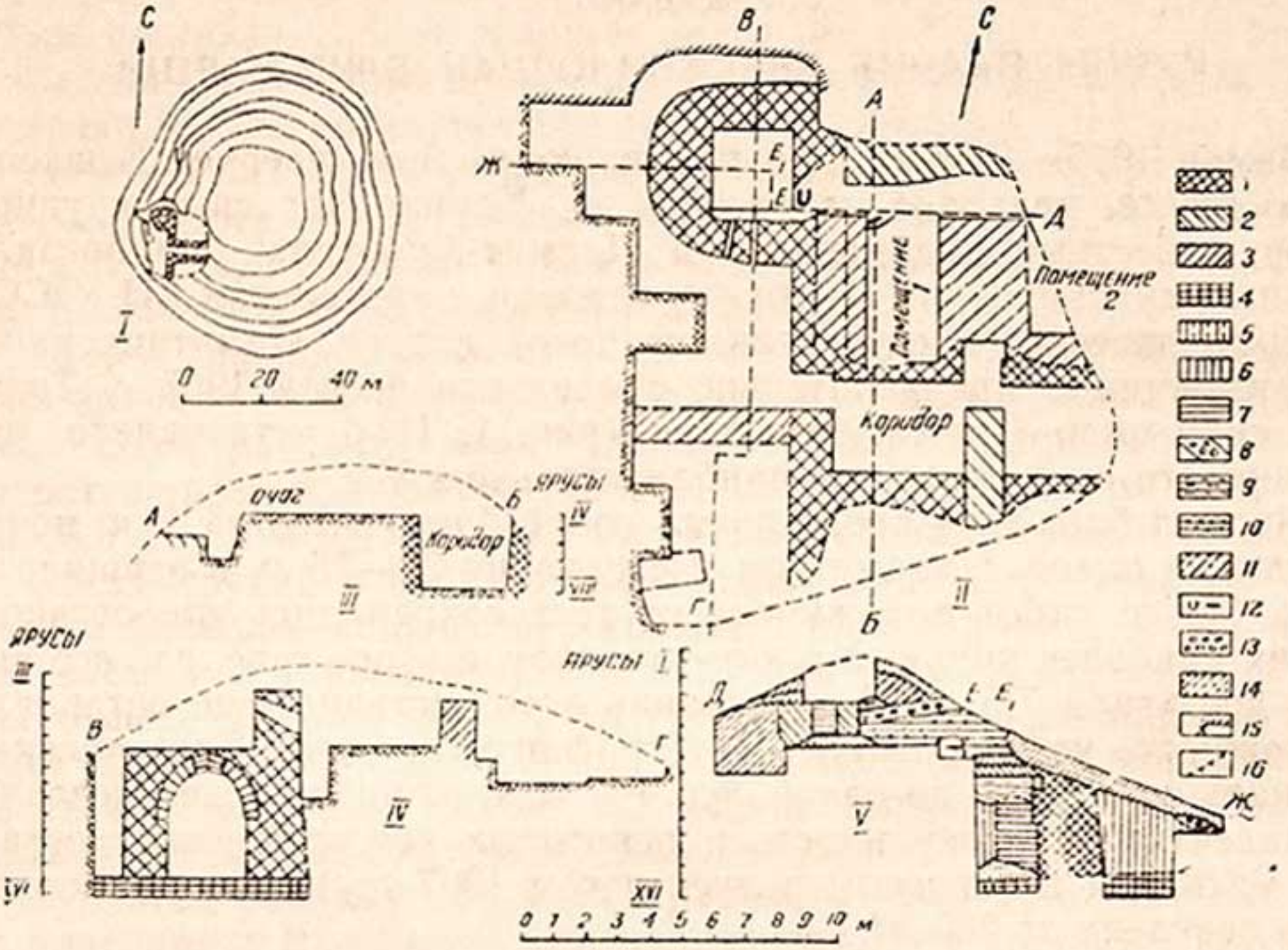

Рис. 1. I—план Пирмат-баба-тепе; II—план раскопа на Пирмат-баба-тепе; III—схематический разрез по линии А—Б; IV—схематический разрез по линии В—Г; V—стратиграфический разрез по линии Д—Ж. Условные обозначения:

1—кладка первого строительного периода; *2*—кладка второго строительного периода; *3*—кладка третьего строительного периода; *4*—погребенная почва; *5*—завал из кусков кирпича и пахсы; *6*—плотная желтая глина; *7*—рыхлый завал комковатой структуры; *8*—завал толстостенной керамики; *9*—рыхлый грунт желтого цвета; *10*—рыхлый комковатый грунт с примесью керамики. костей. угля; *11*—пахсовый массив; *12*—очаги; *13*—рыхлый пылевидный завал; *14*—рыхлый завал буроватого цвета; *15*—край раскопа; *16*—край останца (обрыв).

различной плотности, причем отмечено, что к стенам прилегал рыхлый комковатый грунт, в середине же была плотная желтая глина. Пол помещения был прикрыт слоем из кусков пахсы и сырцового кирпича. Поверхность пола помещения примерно совпала с уровнем окружающей местности. Под полом был обнаружен плотный темно-желтый грунт без керамики и других признаков культурного слоя: несомненно, что была погребенная почва. Снаружи, с западной стороны, к стене прилегал плотный светло-желтый грунт с небольшим содержанием керамики. При работе над разрезом вы-

яснилось, что толщина западной и северной стен помещения 1,2—2 *м*, внешняя их поверхность — закругленная в плане.

Обнаружение памятника архитектурного облика обязывало нас вскрыть его остатки с возможной полнотой. Раскоп был расширен к югу от разреза, последовательно был вскрыт весь западный, а затем и южный склон исследуемой части тепе. Под рыхлым завалом, с довольно большим содержанием керамики были выявлены значительные конструктивные остатки, позволившие восстановить некоторые элементы планировки древнего сооружения.

Первым таким важным элементом была башня. Закругленность с внешней стороны северной и западной стен помещения не была случайной, очертания башни в плане продолжали выявляться и дальше к югу, а затем — к востоку до угла, образуемого поверхностью башни и примыкавшей к ней стеной, проложенной к югу (рис. I, II). Таким образом, выяснилось, что помещение, обнаруженное при работах над стратиграфическим разрезом, является внутренним помещением башни, типа подвальной камеры. Опишем руины башни.

Башня полукруглая в плане, обращенная на запад, сохранилась в высоту до 6 *м;* в лучше сохранившейся ее южной части расчищены две бойницы на высоте 4—4,5 *м* от поверхности окрестных полей. Стены башни, как показали наблюдения внутри помещения, глинобитные, из крупных блоков: различаются два горизонтальных венца кладки, нижний, высотой 1 *м,* и верхний, высотой до 90 *см.* Помещение — квадратное, с длиной стороны 2 *м* 55 *см.* На высоте 1,9 *м* начинается свод, кладка которого положена на врезанные отступы в массиве глинобитной стены (рис. 1, IV). Свод сложен из трапецеидального сырцового кирпича методом наклонных отрезков[2]. Размеры кирпича: длина 47 *см,* ширина 33—25 *см,* толщина 8—10 *см.* В северо-западном углу камеры сохранилась опора свода: на прямоугольный отступ в стене на ребро было установлено пять квадратных кирпичей размером 40×40×10 *см,* на которые и опирался свод в этом углу.

Свод почти весь обрушился, видимо, на полу и были его обломки; кривую арки удалось установить только у щипцовой (восточной) стены, в месте начального примыкания рядов кладки. Венчание арки завершено двумя рядами кирпича, положенного плашмя, с небольшим подъемом к центру. Пролет арки—2 *м* 35 *см,* высота помещения в середине — 3,5 *м.* Свод полуциркульный, плавного подъема.

Применение сырцового кирпича отмечено еще в кладке западной стены камеры, в качестве прокладки между блоками пахсы в верхней части стены, однако их размеры установить полностью не удалось: замерены кирпичи размером 32×?×8 *см,* 28×?×9 *см,* 25×?×9 *см*; возможно, это были и куски кирпича. На уровне свода, с

---

[2] В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Сб. „Архитектурное наследство", вып. III, М., 1953, стр. 16—17.

внешней его северной стороны, стена была доложена кирпичом размером 44×40×9 *см.* Знаков на кирпичах нигде не обнаружено.

Стены помещения со всех сторон гладкие, без штукатурки и без признаков проемов; есть только трещина в восточной стене. Вход мог быть только сверху. Расчищенное помещение являлось камерой под башней, включенной в стилобат сооружения.

Стены башни на уровне бойниц сохранились только над южной стеной описанного помещения. Всего сохранились, как уже указывалось, две бойницы, наклон их оснований не был одинаковым и поэтому, хотя их устья с внутренней стороны были на одном уровне, с внешней стороны они были расположены в два ряда, что давало возможность вести как ближний, так и дальний бой. Ширина бойниц 15 *см,* высота — 75 *см;* промежутки между бойницами — 70 *см.* Бойницы были заполнены рыхлым грунтом с включением керамики и гончарного шлака.

Ниже бойниц была обнаружена примыкающая к внешней стороне башни кладка, состоявшая из чередующихся пластов буроватого и светло-желтого грунта каждый толщиною 7—8 *см.* Поверх этой кладки и была продолжена расчистка внешней поверхности башни, примыкавшей, как выяснилось затем, к глинобитной стене, проложенной в направлении с севера на юг. На расстоянии 3,5 *м* к югу от башни в этой стене был обнаружен проем, видимо световой, шириною 1 *м* 20 *см.* За проемом была расчищена примыкающая к его южному краю, с внешней стороны, массивная стена, проложенная в направлении с востока на запад, т. е. прямо против бойниц, что уже совсем лишало возможности пользоваться ими. Несомненно, эта стена относилась к другому, более позднему периоду в жизни поселения.

Дальнейшее вскрытие остатков древнего здания нужно было вести под южным склоном. Здесь, за отмеченным выше проемом, был обнаружен второй, после башни, архитектурно-планировочный элемент древнего здания — коридор, в замыкающей западной стене которого и был устроен проем.

Коридор проложен в направлении с запада на восток, ширина его у пола 2 *м* 65 *см;* глинобитные стены коридора слегка наклонны, вверху он был шире. Длина вскрытого отрезка коридора 8 *м* 65 *см.* На нем, по обе стороны, расчищено два проема, слегка скошенных по отношению к плоскости стен; эти проемы вели в помещения, из которых южное уже полностью выклинилось, а северное скрыто под мощной, более поздней пахсовой кладкой.

Пол коридора расчищен на высоте 3,5 *м* над окружающей местностью, на стилобате, возведение которого было обязательным в монументальных сооружениях древности и раннего средневековья; иногда в стилобатах устраивались помещения и даже коридоры[3]; описанная выше камера — один из примеров.

---

[3] С. О. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 146.

Второй период в обживании здания оставил свои признаки в планировке коридора: проем в его южной стене был заложен, закладка была продолжена внутрь коридора и разделила его, в расчищенном отрезке, на две комнаты, с оставлением соединяющего их прохода. К этому же периоду возможно отнести и стены, обнаруженные под полом помещения 1.

Наконец, третий период выявляется в обнаружении двух помещений почти на самой вершине бугра, над развалинами древнего здания. К этому же периоду относится стена, построенная против бойниц башни и закладка между стеной и башней, примыкающая с западной стороны к внешней поверхности цокольной части здания. Такая конструкция свидетельствует о том, что в третий период древнее здание было взято в футляр и на высоте 6 *м* образована платформа, на которой и было воздвигнуто новое здание. Подобные переделки зданий выявлены в Хорезме[4].

Уже сами по себе конструктивные остатки позволяют приблизительно установить время существования здания. Характерны размеры кирпича, применявшегося при строительстве свода камеры: 40×40×10 *см* и 44×40×9—10 *см*; при небольшой толщине кирпич указанных размеров наиболее характерен для памятников I—III вв. н. э.[5] Здание могло быть построено не ранее чем в первые века н. э., что подтверждается и округлой в плане башней, характерной для этого времени. Прямоугольный кирпич из верхних наслоений по формату и размерам уже больше тяготеет к V—VI вв.[6]

Таким образом, конструктивные остатки дают возможность датировать поселение в широких хронологических рамках — первой половиной I тыс. н. э. Рассмотрение вещественных находок, как мы увидим, позволит уточнить эту датировку. Как обычно при раскопках поселений, основной наш материал — керамика; по месту находок его можно подразделить на четыре комплекса.

В комплексе I, полученном при расчистке завала, заполнявшего коридор, найден фрагмент тонкостенного кувшинчика, очень распространенной в памятниках Каршинского оазиса III—VI вв. формы (рис. 2, I, *6*)[7]. Найдены и фрагменты более крупных кувшинов (рис. 2, I, *3—4*); их горлышки, по форме напоминающие тонкостенные кувшинчики, также хорошего обжига, покрытые белым ангобом. Встретился и фрагмент кувшина (рис. 2, I, *5*) из грубо промешанной глины, покрытый серым ангобом, почти полностью отпавшим. Характерен сосудик типа кувшина с сильно профилиро-

---

[4] Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966, стр. 17, 20.

[5] В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VI вв., Ташкент, 1966, стр. 209—210.

[6] Там же, стр. 205—206.

[7] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, ТИИА, т. II, Ташкент, 1950, стр. 99—100; Он же. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв., ВДИ, 1956, № 2, стр. 165—166.

ванным наружу венчиком (рис. 2, I, *7*). Из тонкостенных сосудов найдена еще уплощенная чаша с очень слабо выраженным поддоном (рис. 2, I, *1*); чаша хорошего обжига, покрыта красным ангобом, снаружи почти полностью истертым при употреблении сосуда. Подобная чаша найдена в среднем слое Мудин-тепе[8], в котором также обнаружен тонкостенный кувшинчик.

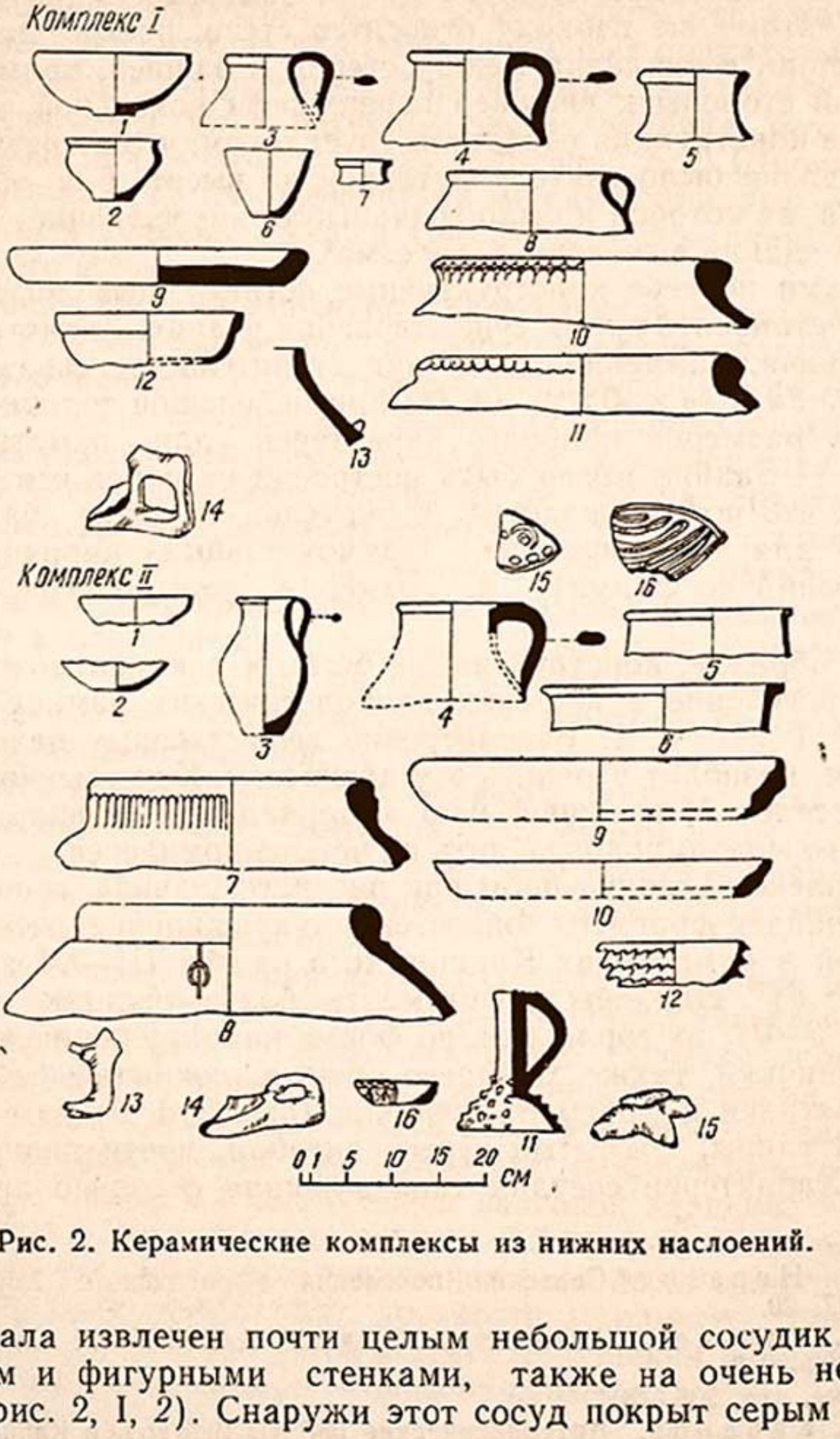

Рис. 2. Керамические комплексы из нижних наслоений.

Из завала извлечен почти целым небольшой сосудик с широким устьем и фигурными стенками, также на очень невысоком поддоне (рис. 2, I, *2*). Снаружи этот сосуд покрыт серым ангобом.

---

[8] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 года..., стр. 101, табл. IV, 1.

бнутри — красным. Из тонкостенных изделий надо отметить еще кринкообразный сосуд (рис. 2, I, *8*) с валикообразным венчиком, с двумя или тремя пластинчатыми ручками. Снаружи этот сосуд покрыт плотным светло-серым ангобом с редкими потеками и пятнами красной краски.

Из толстостенных сосудов станковой работы найден фрагмент подноса с невысоким бортиком (рис. 2, I, *9*) и два венчика хумов, слабо профилированных наружу (рис. 2, I, *10—11*), украшенных поясками вдавлений, нанесенных пальцами; на одном из них видна правка рукой мастера.

Примерно половину извлеченного керамического материала составляли обломки сосудов лепной работы, прежде всего котлов (рис. 2, I, *13*); глиняная масса лепных изделий отличается обильной примесью толченой керамики — шамота, неровная их поверхность покрывалась серым ангобом. Таким был облик всех сосудов домашнего изготовления не только из данного комплекса и всего Пирмат-баба-тепе, но и других обследованных памятников Каршинского оазиса, относящихся к III—VI вв.

Из сосудов лепной работы в описываемом комплексе был найден фрагмент светильника с зооморфной ручкой (рис. 2, I, *14*); в сравнении с другими находками этого вида из Шор-тепе[9] это изображение отличается схематичностью. Встретились и фрагменты курильниц с налепным шиповидным орнаментом, уже выявленных ранее в ряде памятников Каршинского оазиса[10] (рис. 2, I, *15*). На одном из фрагментов представлен более редкий вид налепного орнамента в виде дугообразных заостренных валиков (рис. 2, I, *16*).

Комплекс II составляют керамические материалы из нижних наслоений, вскрытых в западной части стратиграфического разреза, преимущественно из камеры. По своему составу он мало отличается от описанного комплекса. В них также найдены фрагменты тонкостенных кувшинчиков, из них один — в хорошей сохранности (рис. 2, II, *3*). Этот сосудик отличается от других несколько более расширенным, чем обычно, корпусом и укороченной шейкой; кроме того, глиняная масса, из которой он изготовлен, не красного, а серого цвета, что, быть может, зависело от условий обжига. Встречались и более крупные кувшины, толстостенные, с пластинчатой ручкой (рис. 2, II, *4*), покрытые серым ангобом.

В мелких фрагментах найдены красноангобированные чаши (рис. 2, II, *1—2*) и характерные широкогорлые сосуды с почти вертикальными в верхней части стенками, завершенными сильно профилированными наружу венчиками (рис. 2, II, *5—6*); сосуды эти покрывались серым ангобом. Венчики хумов слабо профилированы, наложены прямо на корпус (рис. 2, II, *7—8*); на плечико одного из хумов нанесен знак в виде незамкнутого снизу овала,

---

[9] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв., СА, 1963, № 1, стр. 227, рис. 5. 1.

[10] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 года..., стр. 89, 111.

пересеченного прямой линией. Встретились подносы с фигурными бортиками (рис. 2, II, *9—10*), покрытые желтоватым ангобом.

Несколько отличается по облику от сосудов станковой работы небольшой, но относительно толстостенный сосуд, как бы выструганный ножом: сосуд типа чаши, на его внешней поверхности вырезаны стреловидные углубления, а разделяющие их выступы и край венчика украшены зигзагообразными линиями (рис. 2, II, *16*).

Из сосудов лепной работы прежде всего обращает на себя внимание курильница с несохранившимся резервуаром (рис. 2, II, *11*); стержень сосуда с большой проушной ручкой, подставка густо усыпана налепными шиповидными выступами. Фрагмент другой курильницы, ее резервуара, был украшен круговыми зубчатыми по-

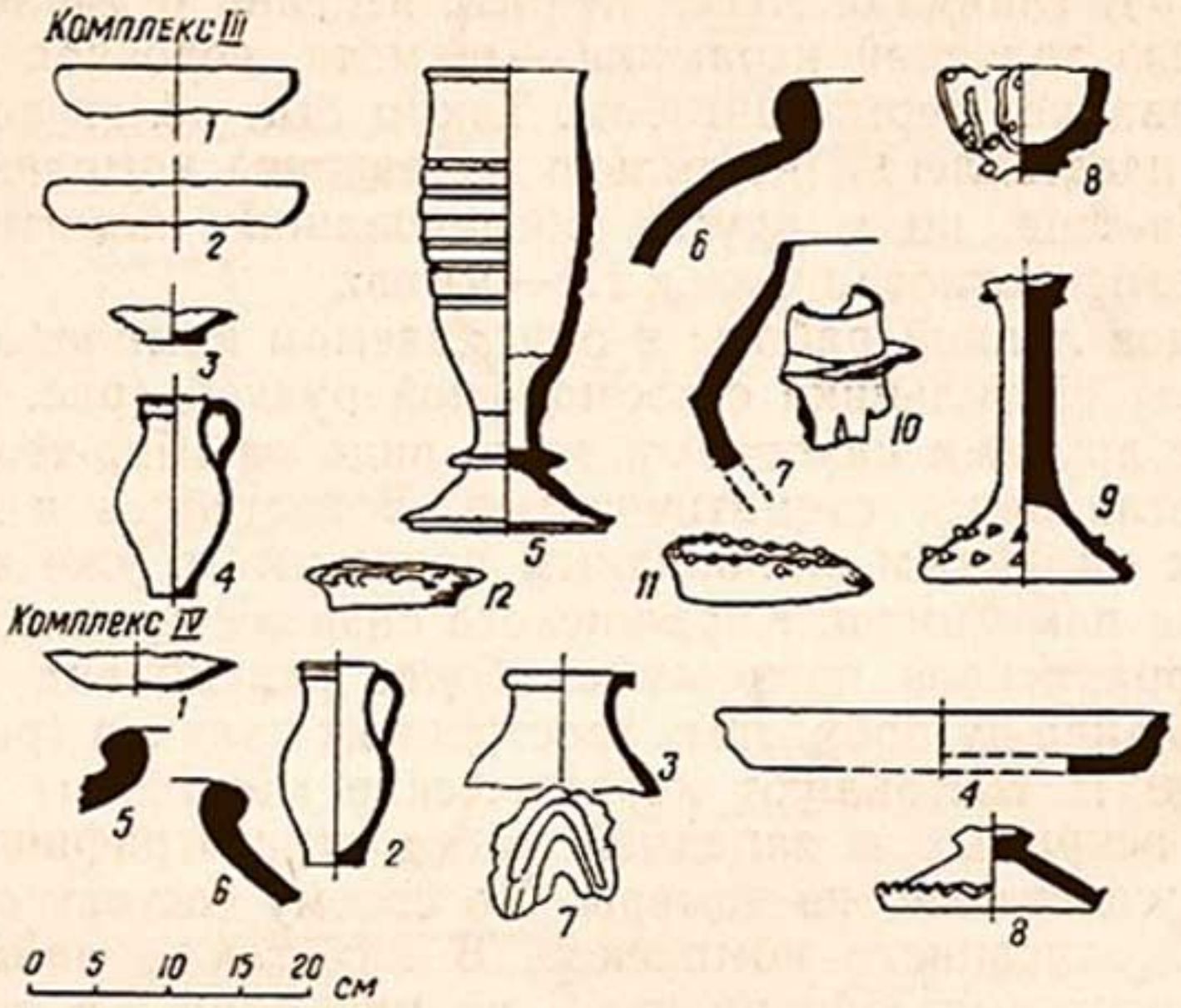

Рис. 3. Керамика из средних и верхних наслоений.

лосками в три яруса (рис. 2, II, *12*). Отметим еще светильник с проушной ручкой (рис. 2, II, *14*) и обломок сосуда на треноге (рис. 2, II, *15*). Особо надо отметить ручку сосуда в виде зооморфного изображения, которое здесь только предположительно определяется как крепившееся в вертикальном положении, к сосуду типа кувшина (рис. 2, II, *13*); не исключено, что это — ручка крышки или даже знакомого нам светильника с горизонтальной ручкой.

Комплекс III, собранный на западном склоне останца, в наслоениях, перекрывавших остатки башни, по составу мало отличается от описанных выше двух комплексов. Здесь найден целый тонкостенный кувшинчик, вполне типичный, высокий, на узеньком донце (рис. 3, III, *4*); венчик слегка усложнен — двухъярусный, в виде утолщенной полоски. Сосуд покрыт плотным светло-серым ан-

гобом, за исключением придонной части красного цвета, что, видимо, зависело от условий обжига. Высота сосуда 14 *см,* диаметр устья 5,5 *см.*

Красноангобированные чаши, выполненные в хорошей гончарной технике, встретились лишь в мелких фрагментах (рис. 3, III, *1—3*).

Новой керамической формой, выявленной в данном комплексе, является кубкообразный сосуд очень крупных размеров — 32 *см* в высоту (рис. 3, III, *5*). Помимо размеров, от кубков этот сосуд отличается усложненной подставкой, напоминающей опрокинутую чашу, а также суженным устьем в сравнении с корпусом. Кроме того, внутри, у днища, остался круговой налеп, не снятый при изготовлении сосуда на гончарном круге: видимо, мастер не мог зачистить днище ввиду значительной глубины сосуда. Последний признак, как и необычные для кубка размеры, показывает, что сосуд не предназначался для питья. Нет и никаких признаков его использования, видимо, он был разбит новым. Сосуд довольно толстостенный, покрыт тонким слоем светло-серого ангоба. Корпус сосуда украшен неглубокими круговыми врезами-ложбинками. Данный сосуд, видимо, был реликтовым, он имел ритуальное или декоративное назначение.

Надо отметить находку фрагмента сосуда конусовидной формы со стреловидными прорезями (рис. 3, III, *10*); по этим признакам его можно определить как курильницу станковой работы, подобную курильницам из наслоений V—VI вв. Хайрабад-тепе[11].

Хумы в этом комплексе были прежнего типа — с венчиками в виде валиков, наложенных на корпус сосуда (рис. 3, III, *6*).

Изделия лепной работы из рассматриваемого комплекса были тех же видов, что и в нижних наслоениях,— курильницы, светильники и котлы. Котлы были с крутым перегибом корпуса (рис. 3, III, *7*). Довольно много было найдено фрагментов курильниц с налепным орнаментом, обычным — шиповидным и более усложненным, комбинированным с полукруглыми валиками, обрамляющими устье сосуда (рис. 3, III, *8—9*). Светильники в виде плоских резервуаров с шиповидными выступами по бортику (рис. 3, III, *11—12*).

Обращаясь к рассмотрению комплекса IV из верхних наслоений, соответствующего третьему строительному периоду, нужно сразу же отметить, что никаких новых керамических форм здесь не обнаружено. Найден небольшой фрагмент красноангобированной чаши (рис. 3, IV, *1*), почти целый тонкостенный кувшинчик (рис. 3, IV, *2*), а также более крупный сосуд (в фрагменте) того же вида, покрытый светло-серым ангобом (рис. 3, IV, *3*). Толстостенные сосуды — хумы и подносы (рис. 3, IV, *4—6*) также уже известных типов.

---

[11] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 74—75.

Обломки керамики лепной работы встречались реже, из них отметим дугообразную ручку котла (рис. 3, IV, *7*) и основание курильницы с зубчатым краем (рис. 3, IV, *8*).

Из находок других видов, кроме керамики, можно отметить, только несколько предметов. В коридоре найдена трубочка длиной 6,2 *см*, видимо из птичьей кости; поверхность трубочки отполирована. Там же найдена круглая подвеска из необожженной глины в виде диска диаметром 10 *см* и толщиною 4 *см*. В подвеске сделаны четыре отверстия диаметром около 1 *см*, расположенные в виде ромба, с желобком к краю в одном из них от шнура для подвешивания. В разрезе (комплекс II) были найдены такие же подвески, но с тремя отверстиями, расположенными в виде треугольника. Видимо, такие подвески применялись в ткацком деле, для натягивания нитей основы. В верхнем слое найден обломок каменного пластинчатого оселка с отверстием для подвешивания.

В коридоре, в завале над полом, найдена медная монета относящаяся к типу уже известных нахшебских монет[12], но отличающаяся от них прежде всего тем, что на аверсе, на изображении владетеля четко виден головной убор, высокий, типа шлема, тогда как на ранее найденных монетах, датированных V—VI вв., владетель изображался без головного убора, с весьма характерной прической. Различие в изображении владетеля на аверсе очень существенно, оно показывает, что найден более ранний вид монет, обнаруженных прежде в наслоениях V—VI вв. О. И. Смирнова в своем заключении об этой монете в изображении головного убора владетеля видит признаки его сходства с головным убором Великих кушан (Канишки, Хувишки), а в надписи на монете — воспроизведение соответствующей части надписи на варварских подражаниях монетам Васудевы.

В. А. Лившиц по особенностям шрифта легенды монеты датировал ее IV в.

Вопрос о монетах — особый, он рассматривается в другом месте[13], но здесь для датировки наслоений здания существенно то обстоятельство, что найденная монета определенно может быть отнесена к более раннему времени, чем V—VI вв. Эта монета найдена в завале, заполнявшем коридор уже во второй строительный период, когда коридор был перегорожен и превращен в комнаты. Поскольку монета датируется IV веком, а керамические материалы, найденные с монетой, не противоречат этой датировке, можно считать установленным, что здание было выстроено раньше — в III или даже во II в., т. е. еще во время существования Кушанского государства.

---

[12] С. К. Кабанов. Нахшебские монеты V—VI вв., ВДИ, 1961, № 1, стр. 137—144.

[13] С. К. Кабанов. Поздние кушаны в Нахшебе, ВДИ, 1973, № 3, стр. 159—171.

Монета точно датирует второй строительный период IV в. н. э., следовательно, следующий (последний) строительный период можно датировать IV—V вв. Эта датировка подтверждается материалами раскопок и на одном из соседних памятников.

В 0,5 *км* к востоку от Пирмат-баба-тепе находились развалины еще одного поселения, известные под названием Айтугды-тепе[14]. В наслоениях V—VI вв. этого памятника найдены две нахшебские монеты позднего типа и некоторые новые керамические формы, не встречавшиеся на Пирмат-баба-тепе; это последнее обстоятельство дает основание полагать, что уже в первой половине V в., быть может, даже в его начале, поселение, развалинами которого являлось Пирмат-баба-тепе, было оставлено.

Итак, в результате раскопок на Пирмат-баба-тепе удалось установить стратиграфию памятника, определить время существования поселения и раскрыть некоторые элементы планировки древнего здания. Полученные данные при сопоставлении с материалами исследований других окрестных памятников позволят восстановить некоторые черты истории края.

---

[14] С. К. Кабанов. Айтугды-тепе, ИМКУ, вып. 9, Ташкент, 1972, стр. 73—88.

Ю. Ф. БУРЯКОВ, Г. ДАДАБАЕВ

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В ТАШКЕНТСКОМ ОАЗИСЕ

Одним из важных разделов истории владений северных районов Средней Азии античного времени является вопрос о связи их с крупнейшими государствами Востока — Кушанским и Кангюйским.

При незначительности письменных источников основной материал может быть получен на основе изучения памятников материальной культуры.

Крупным владением этих районов являлся Ташкентский оазис— Чач, включавший Чирчик-Ангренскую долину и западные отроги Чаткальского и Кураминского хребтов. Этот район, расположенный в зоне контакта оседлоземледельческих оазисов со скотоводческими кочевьями степей и предгорий, был важным связующим звеном в формировании культуры Восточного Мавераннахра.

Объектом настоящего сообщения являются материалы некоторых памятников земледельческой культуры долины р. Чирчик. В различные эпохи на Чирчике было построено более 50 ирригационных сооружений, часть которых, несомненно, относится к античному времени.

История изучения этого района включает несколько этапов. Первое систематическое обследование памятников было предпринято в 1929 г. А. А. Потаповым[1]. В 30-е годы некоторую работу по систематизации памятников верховьев Чирчика провел В. Д. Жуков[2]. В среднем и нижнем течении реки обследование памятников с выборочными раскопками продолжил Г. В. Григорьев. В процессе этих работ была выявлена отнесенная исследователем к архаической поре каунчинская культура[3]. А. И. Тереножкин при наблюдении за работами на Ташканале выявил предшествующий этап,

---

[1] А. А. Потапов. Обзор тепе Среднего Чирчика и археологичееких развалин вокруг Ташкента, рукопись, Ташкент, 1929, архив ГУОПМК УзССР.

[2] В. Д. Жуков. Результаты археологического осмотра участка правобережья р. Чирчик в 1935 г., рукопись, архив ИИА АН УзССР, № 75.

[3] Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935; Он же. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940.

названный бургулюкским[4], причем поздний этап бургулюкской культуры отметил и для подстилающего слоя Каунчи[5].

Памятники каунчинской культуры были открыты на обширной территории Ташкентского оазиса и Юго-Западного Казахстана[6]. Наряду с топографией поселений внимание было уделено и пересмотру хронологии материалов, резко заглубленных первоисследователем вследствие архаичности облика каунчинской керамики. Эти вопросы отражены в работах С. П. Толстова[7], А. И. Тереножкина[8], Т. Н. Книпович[9], Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной[10].

В настоящее время систематическое исследование верховьев р. Чирчик и правобережья его в среднем и нижнем течении проводится Чарвакским и Бозсуйским отрядами Института археологии АН УзССР под руководством авторов данной статьи, выявивших ряд памятников бургулюкской и каунчинской культуры.

В 1968—1970 гг. авторами было проведено исследование античных и раннефеодальных памятников оседлоземледельческой культуры западной части Ташкентского оазиса вдоль системы искусственных сооружений среднего и нижнего течения р. Чирчик. Они базируются на канале Зах, Бозсу и его основных притоках, в первую очередь на Саларе. Последний является водной базой древней столицы Чача[11], а затем сливается с Карасу и Бурджаром. В нижнем течении от него отделяются три протока — Джун, Каракульдук, Ниёзбаш.

Среди античных памятников этого района представляют интерес Кулокчинтепе, Ниёзбаштепе, Шаштепе, Чонтепе, городище Каунчитепе и Ахмадтепе (Каттатепе).

С системой Заха связано Кулокчинтепе, расположенное восточнее Ташкента, в 2 *км* к северо-западу от центральной усадьбы совхоза СоюзНИХИ, на естественной лессовой гряде, вытянутой с востока на запад. Состоит из округлого холма укрепления-замка, с востока к которому примыкает неукрепленное поселение.

---

[4] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 9, стр. 30—33.

[5] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, т. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 155.

[6] А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чордары (археологические исследования в зоне Чордаринского водохранилища), Алма-Ата, 1968.

[7] С. П. Толстов. К вопросу о датировке Каунчи, ВДИ, М., 1946, № 1.

[8] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 152—169.

[9] Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода, КСИИМК, т. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 74—75.

[10] А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. соч., раздел Ак-тобе 2, стр. 11—80; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э., Автореферат канд, дисс., М., 1967; Она же. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э., М., 1971.

[11] В 1968—1969 гг. раскопки проводились Г. Дадабаевым, в 1970 г.— Ю. Ф, Буряковым и Г. Дадабаевым, А. Раззаковым под руководством Я. Г. Гулямова.

Вдоль поселения проходит русло протока с локальной водосборной площадью, в основном питающееся из Заха. Поселение перекрыто поздним кладбищем, смешавшим культурный слой, поэтому исследование памятника было проведено четырьмя шурфами на поселении и одним в возвышенной части замка.

Ниёзбаштепе, расположенное на юго-западной окраине Ташкента, является древним памятником системы канала Салар. Памятник площадью более 5 *га* расположен на правом берегу Салара, имеет подковообразную форму с круглой в плане цитаделью, в юго-западной части до 16 *м* высотой. Стратиграфия памятника исследовалась шурфами в юго-восточной части городища, вскрывшими культурные напластования 8-метровой мощности. В основе укрепления лежит снивелированная лессовая возвышенность, на которой поднимаются три последовательно выраставших архитектурно-строительных комплекса, разделяемые завалами и зольными прослойками. Каждый уровень имел несколько этапов, четко выраженных уровнями полов и следами частичных перестроек. Два ранних комплекса возводились из крупноформатного сырцового кирпича прямоугольного формата размером 55×35×10—12 *см*, а третий — из комбинированной кладки сырцового кирпича и пахсовых блоков. Материал памятника укладывается в рамки от Каунчи I до VI—VII вв. н. э. и будет рассмотрен в общем комплексе.

Следующий памятник — Шаштепе — расположен на вытекающем из Салара Джун-арыке. Памятник изучался неоднократно с конца XIX в.[12] Последние исследования привели автора к датировке поселения III—V вв., а центрального холма — в основном предарабским временем. Подстилающие слои его предположительно считаются синхронными с поселением[13]. Наши исследования позволяют удревнить датировку нижних слоев памятника не меньше чем на полтысячелетие.

Шаштепе состоит из высокого холма на левом берегу арыка Джун и обширного поселения на обоих берегах того же арыка, преимущественно вдоль правого берега. Высота холма 20 *м*. Он в свою очередь состоит из округлого возвышения — замка — в южной части и окружающей его крепости общей площадью 120××100 *м*. Стратиграфический шурф был заложен в южной части холма. Площадь его 4,5×8 *м*. Опущен на глубину 8 *м*. В верхнем слое до 60 *см* встречаются слои XI—XII вв. Ниже — три строительных этапа, один из которых связывается с раннефеодальным, а два нижних — с античным периодом.

Наиболее крупный изучавшийся стратиграфический объект — городище Каунчитепе. Оно располагается на территории города

---

[12] Подробно об истории изучения памятника см.; Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. V, Ташкент, 1960, стр. 147—149.

[13] Там же, стр 158, 162.

Янгиюль, вдоль левого берега Каракульдука[14] и структурно включает три части: укрепление — цитадель — площадью 40×75 *м*, наиболее обжитую и возвышенную часть — шахристан I площадью 175×100 *м* и обширные площади на юге и юго-западе — шахристан II, ныне занятый поздними жилыми кварталами. Двумя стратиграфическими шурфами в северо-западном углу цитадели вскрыт культурный слой мощностью до 12 *м*. Основную толщу его (до 9 *м*) составляют архитектурные остатки каунчинского и посткаунчинского этапов; ниже — до 3 *м* — лишенный конструктивных остатков бургулюкский слой. прослеженный лессовыми завалами.

Примерно в 30 *км* к западу от Каунчи расположен памятник усадебного типа Ахмадтепе, представляющий собой округлый холм высотой 6,5 *м* с примыкающим к нему с запада шлейфом неукрепленного поселения. В восточной части холма был заложен шурф площадью до 30 *м*², доведенный на глубине 7 *м* до материка. В шурфе выявлены три архитектурно-строительных горизонта укрепленного дома с внешними стенами и многочисленной керамикой каунчинского времени.

В материальной культуре большинства исследованных памятников к античному времени можно отнести два комплекса, резко различающихся и типологически и стратиграфически. Первый, ранний, относительно незначительной мощности и второй, поздний, с многочисленными архитектурно-строительными остатками.

Ранний этап наиболее мощным слоем (до 3 *м*) представлен на Каунчитепе, но материалы этого времени встречены на Шаштепе, Ниёзбаштепе, Кулокчинтепе. Архитектурные остатки этого времени не зафиксированы, но на Каунчитепе расчищены остатки горизонтального очага с сильно обожженными стенками и слои с содержанием сырцовой массы, возможно оплывших каркасных или глинобитных стен.

Находки представлены зернотерками ладьевидной формы, круглыми и заглаженными терочниками, костями преимущественно крупных домашних животных: коровы, лошади, есть кости овцы. Но основным материалом комплекса является керамика. Посуда этого времени преимущественно круглодонная, лепная, иногда покрывавшаяся снаружи светлым ангобом с розоватым или даже слегка фиолетовым оттенком.

По формам можно выделить следующие группы:

I. Корчаги груболепные, сформованные ленточным способом из глины с примесью дресвы и шамота (рис. 1, *2, 5, 6, 7*). Тулово шаровидной формы, донная часть не сохранилась, но, вероятно, округлая (все фрагменты данного типа имеют закругленный профиль), устье широкое — до 30 *см* в диаметре. Закраины различных форм:

---

[14] В настоящее время Каракульдук также берет начало из Салара, но Г. В. Григорьевым было прослежено собственное древнее русло протока, проходившего параллельно Салару. В пору существования города проток для усиления снабжения населения водой был подсоединен к Салару. См.: Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 25—26.

иногда это утолщенный, слегка отогнутый наружу венчик, иногда прямо поставленная срезанная сверху стенка. Характерной чертой этой формы является покрытие с обеих сторон серо-желтоватым ангобом иногда с розовато-оранжевым (возможно, вследствие обжига) оттенком. Вдоль венчика по ангобу с обеих сторон, реже снаружи, проходит довольно небрежно проведенная буровато-

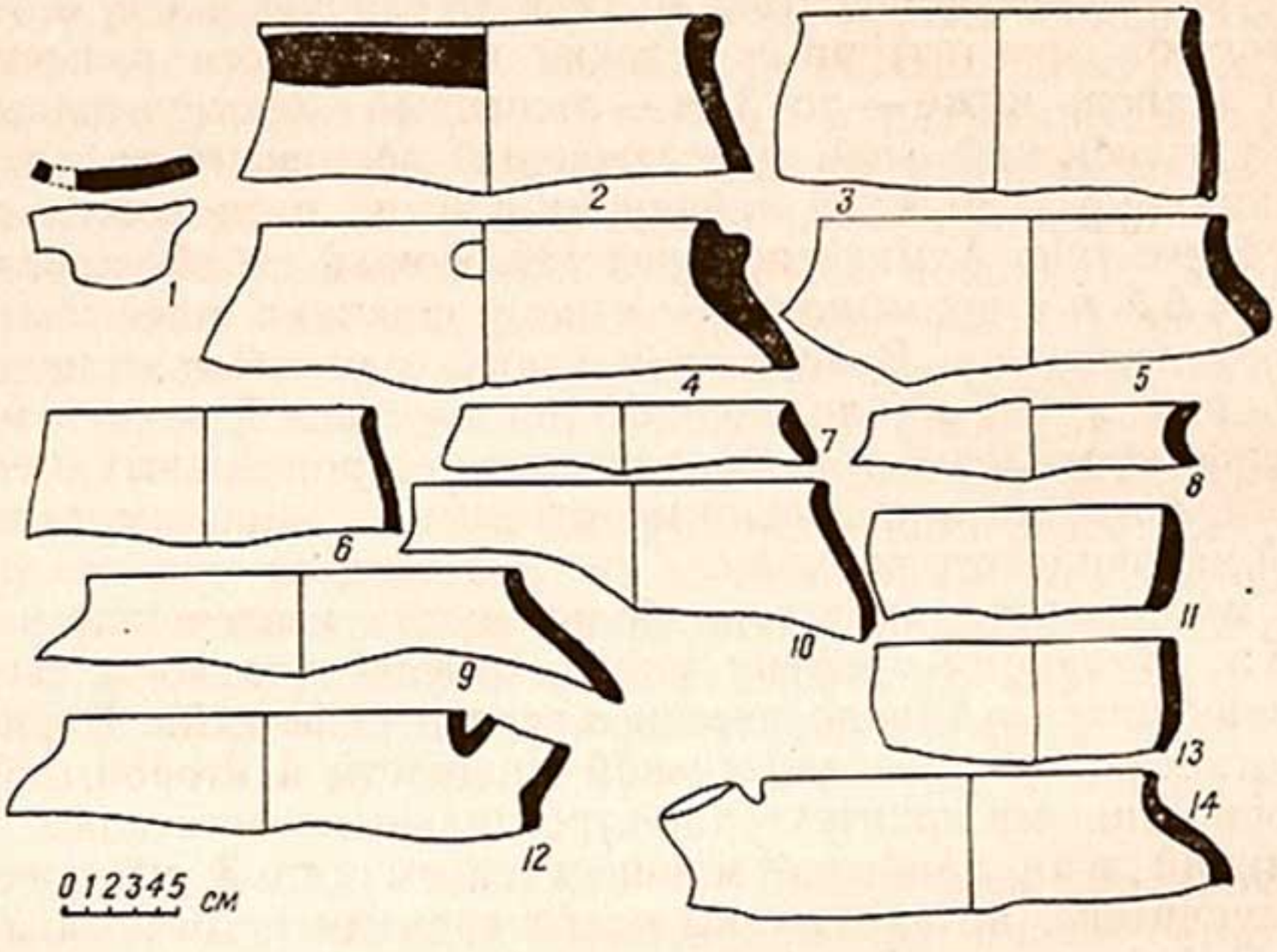

Рис. 1. Каунчитепе, шурф 2. Керамика XIX яруса.

красная полоса краски. Мазки широкие, но интенсивность окраски очень слаба, сквозь нее проглядывает ангоб.

Встречена форма корчаг без ангоба, но обмазанных снаружи слоем глины того же цвета, что и тесто сосуда (рис. 1, *3*). Венчик подлепной, овальный в сечении, вертикальный или слегка загнутый внутрь, закраина в сечении тоньше, чем стенка горловины. У некоторых вдоль горловины на плечике — утолщение ручки выступа (рис. 1, *4*). Данные сосуды служили для хранения жидких и сыпучих продуктов. Сосуды эти покрывались плоскими цилиндрическими крышками толщиной до 2 *см*.

II. Отчасти приближаются к ним емкие горшкообразные сосуды лишь несколько меньших размеров и с более тонкими стенками. Глина также с примесью отощителя, лепка ручная. Можно выделить несколько вариантов, различающихся в основном формой венчика: а) округлое шаровидное тулово завершается сверху плоско срезанной закраиной (рис. 2, *3*, рис. 3, *7*); б) более многочисленная группа горшков с аналогичной формой тулова, но с прямопоставленным выделенным венчиком. Иногда изгиб его едва заметен (рис. 2, *2, 16*), но чаще венчик поставлен вертикально и даже утолщен (рис. 3, *6*); в) при таком же тулове венчик выделен и слегка отогнут наружу (рис. 2, *10, 14, 15*, рис. 4, *6*). Какова была

форма донца, определить трудно, хотя вероятнее всего она округла, так как все стенки сосудов этих размеров имеют округлый про-

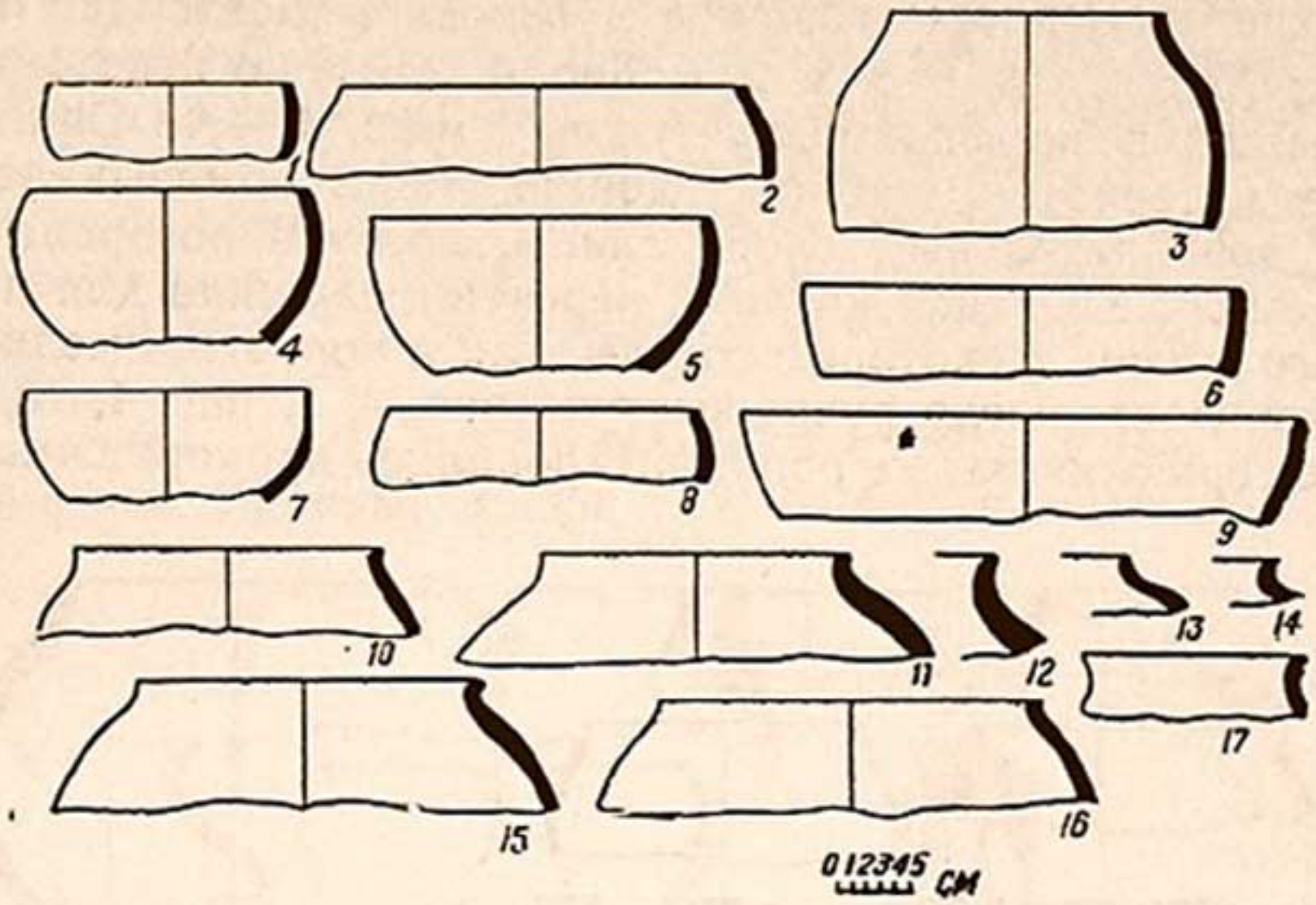

Рис. 2. Шаштепе. Керамика нижнего слоя.

филь. Сохранилась также закругленная, несомненно, донная часть сосуда аналогичной формы с отверстием диаметром около 2 *см*

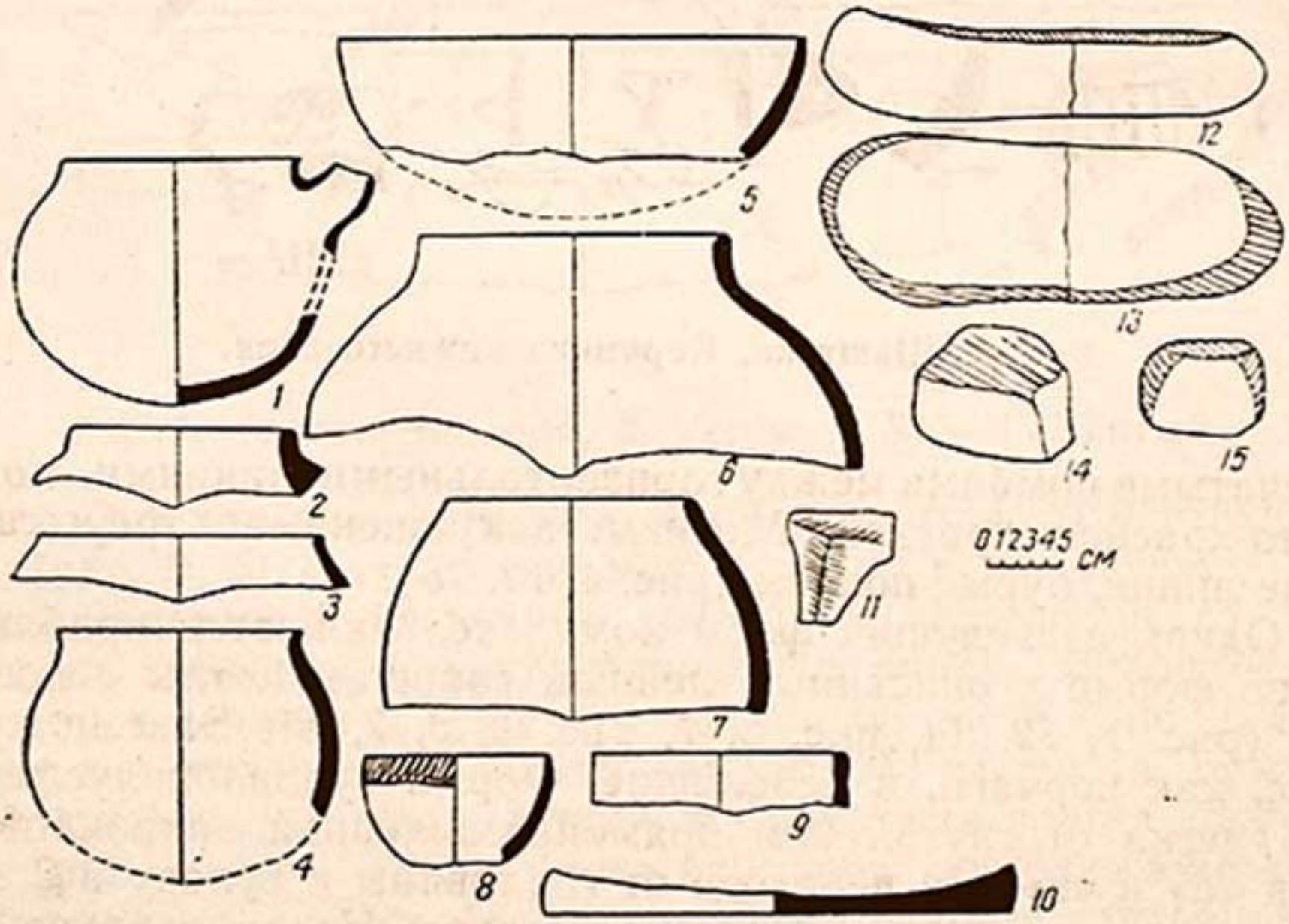

Рис. 3. Каунчитепе, шурф 2. Керамика XIX—XXIV ярусов.

(рис. 1, *1*). Этот фрагмент говорит о том, что сосуды подобной формы использовались для хранения и обработки молочных продуктов. Они же, вероятно, выполняли роль котлов для приготовле-

ния пищи, ибо некоторые сосуды закопчены снаружи. Горшки также покрывались в верхней части буровато-красной краской по светло-серому с желтизной ангобу.

Мелкие экземпляры горшков в основном повторяют варианты крупных (рис. 2, *13,* рис. 3, *2, 3,* рис. 4, *2, 3*), но некоторые имеют более изящную профилировку тулова (рис. 4, *4*). Они формовались на матерчатом шаблоне, донная часть обмазывалась после обжига дополнительным слоем глины, которая обгорела уже в процессе использования котла и, вероятно, служила для продления срока его жизни. Некоторые сосуды, как и корчаги, имели под венчиком горизонтальную ручку-выступ (рис. 3, *2,* рис. 4, *13, 14*). Некоторые горшочки также орнаментировались процарапанными мно-

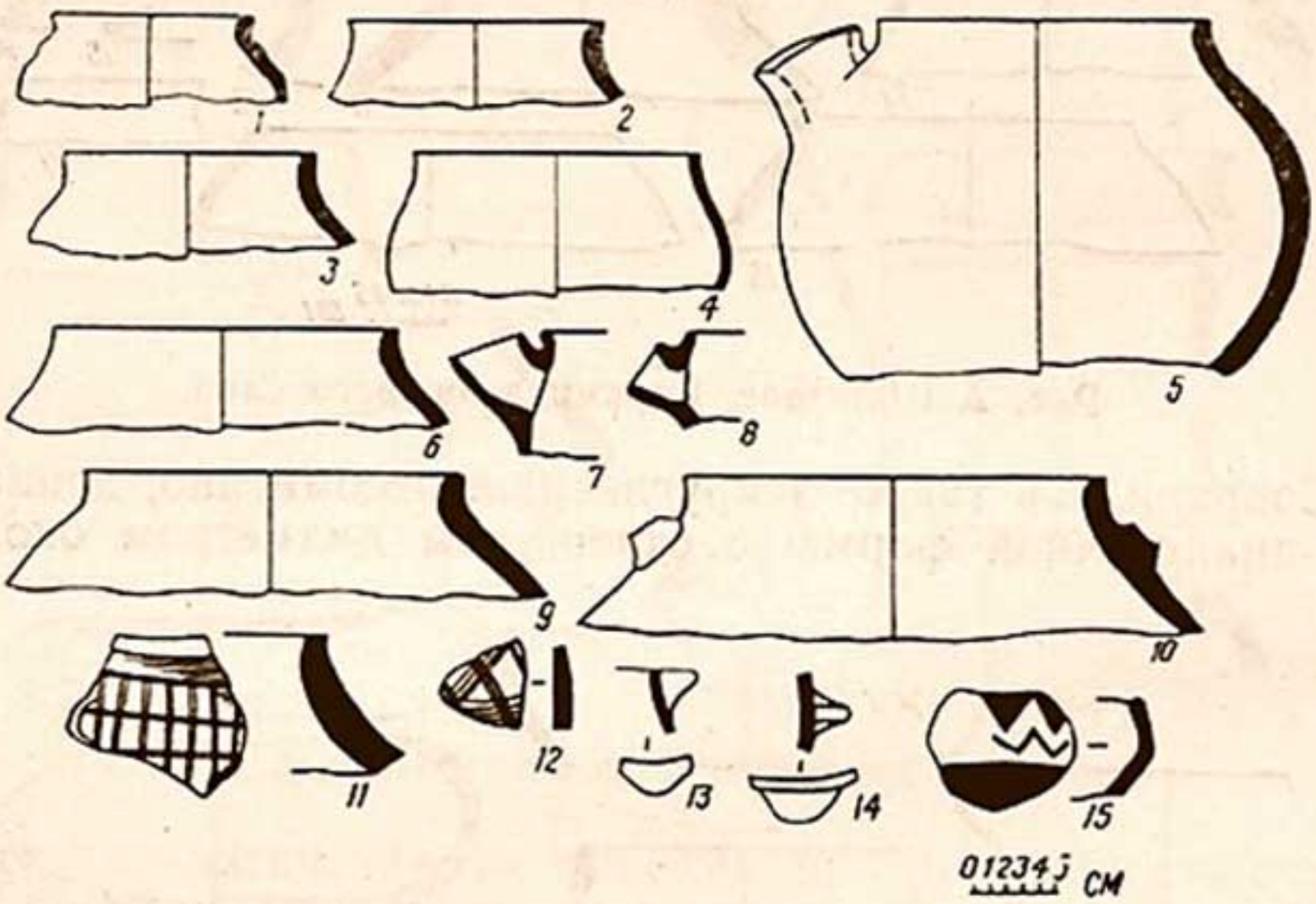

Рис. 4. Шаштепе. Керамика нижнего слоя.

гополосчатыми ромбами между горизонтальными линиями, но чаще буровато-красной краской. Мотивы: закрашенные треугольники, ломаные линии, бурые полосы (рис. 4, *12, 15*).

III. Одной из ведущих форм комплекса являются приближающиеся по форме к описанным лепным горшкам котлы с носиком-сливом (рис. 1, *12, 14*, рис. 3, *1,* рис. 4, *5, 7, 8*). Экземпляры и крупные, как корчаги, и небольшие. Форма тулова полусферическая со слегка отогнутой или прямопоставленной закраиной типа горшков «б» и «в». На переходе от горловины к тулову в 2 *см* ниже венчика подлеплен крупный носик-слив. Носик овальной формы и почти стандартного размера, у крупных сосудов 4×6 *см,* у мелких 2—2,5×3 *см,* слегка загнут вверх. Длина его внизу 4—5 *см*, вверху 1,5—2 *см.*

Сосуды формовались на матерчатом шаблоне, но с тщательной последующей затиркой, глина с дресвой, снаружи обмазаны ино-

тда довольно толстым слоем глины того же цвета и частично закопчены в процессе использования.

IV. Крупные сосуды типа тагора (рис. 2, *9*, рис. 5, *15*) иногда с подлепкой верхним краем к венчику вертикальной массивной ручки.

V. Характерной формой являются сковородообразные сосуды, изготовленные из глины с небольшим включением крупнозернистого песка (рис. 3, *10*). Донце толстое, устойчивое, венчик либо прямопоставлен, либо почти отсутствует. Есть экземпляры прямоугольной формы. Некоторые из сосудов сильно закопчены внутри, что заставляет считать их жаровнями, служащими для обогрева помещения.

VI. Столовая посуда представлена преимущественно сосудами открытых форм. Крупные миски, толстостенные, возможно, кругло-

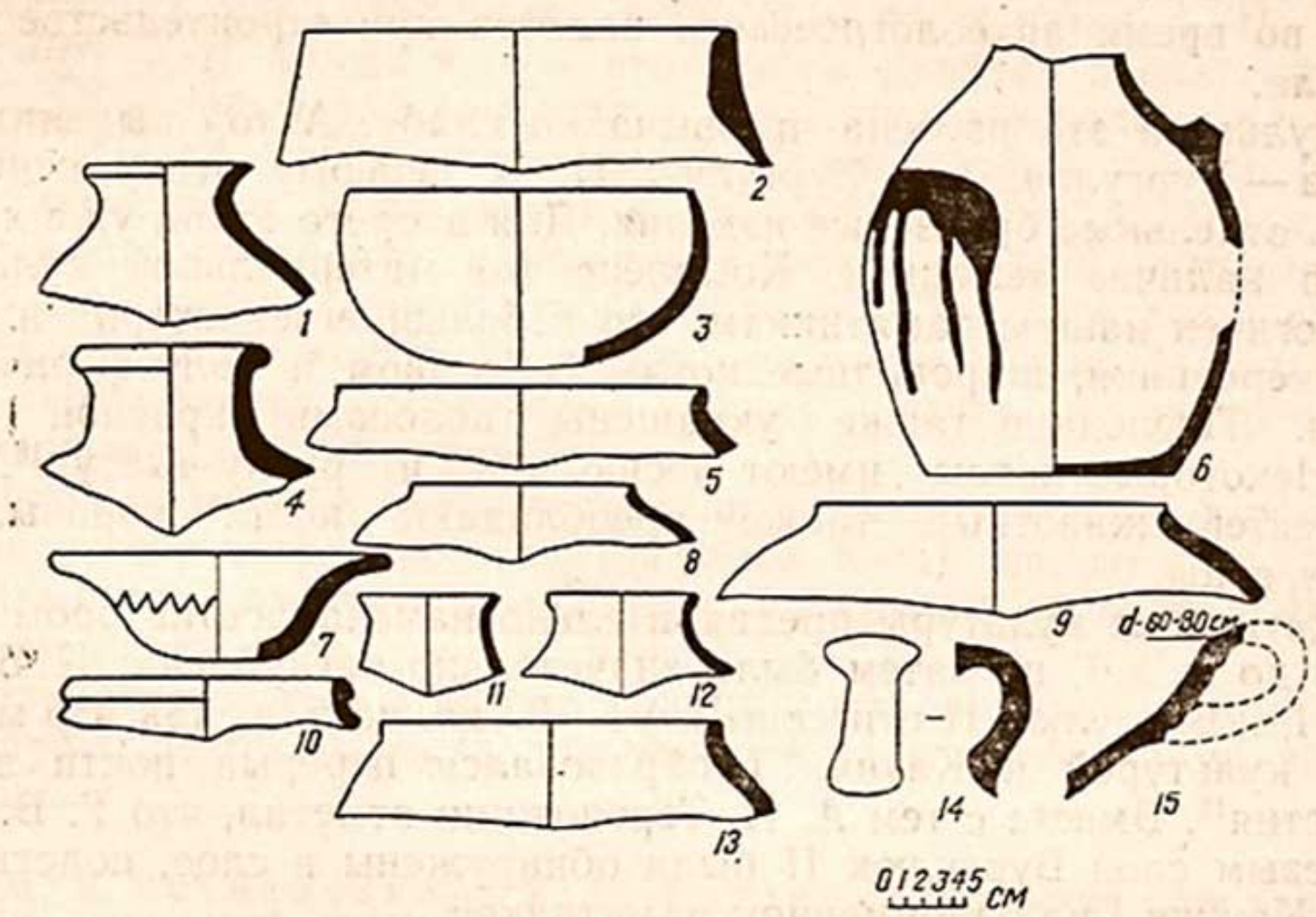

Рис. 5. Каунчитепе, шурф 2. Керамика XV—XVI ярусов.

донные. Они также имеют несколько вариантов: а) усеченная часть шара (рис. 3, *5*) с утолщающейся к донцу и сужающейся к верху стенкой. Венчик представлен срезанной закраиной; б) миска с высокими стенками и закругляющимся внутрь венчиком. Стенка утолщена к венчику и сужена к придонной части (рис. 2, *4, 8*) или сужена и к донцу и к венчику (рис. 5, *3*); в) миска, приближающаяся по форме к предыдущей, но закраина слегка отогнута наружу (рис. 1, *13*). Миски этого варианта приближаются к горшкам, отличаясь от них более открытой формой устья; г) более редки миски чашевидной формы с некоторым изломом тулова (рис. 2, *7*).

VII. В большом количестве встречены мелкие круглодонные мисочки полусферической формы диаметром 10—15 *см*. Стенки утолщены к донцу, венчик представлен суженной закраиной (рис. 3, *8*).

Сосуды этой формы зачастую покрывались внутри по слабому желтоватому ангобу или просто по светлому тесту красной краской. Снаружи обычно проводилась горизонтальная красная полоса вдоль венчика.

Таким образом, перед нами комплекс, характерными чертами керамики которого являются лепка от руки и на матерчатом шаблоне, преобладающая круглодонность сосудов, господство вариантов такой формы крупных и мелких сосудов, как горшки-котлы со сливами и без них, покрытые своеобразным светло-желтоватым, иногда с марганцевым отливом ангобом, с красным покрытием изнутри и снаружи сосудов открытых форм. Основные формы сосудов сближаются с выделенной А. И. Тереножкиным в Ташкентской области бургулюкской культурой[15]. Памятники ее были обнаружены в 1940 г. вдоль канала Бургулюк, на правобережье р. Ахангаран, во время археологического надзора при строительстве Ташканала.

Культура эта изучена чрезвычайно слабо. Автор выделил два этапа — Бургулюк I и Бургулюк II. К первому этапу отнесены лишь отдельные бронзовые изделия. Для второго этапа уже характерно наличие землянок. Комплекс же материальной культуры аналогичен нашим памятникам: это небольшие зернотерки и круглые терочники, шаровидные котлы со сливом и полусферические чаши. Последние также украшены полосами красной краски. Некоторые котлы имеют носик-слив и ручку-выступ[16]. Среди костей животных также преобладают кости коровы, лошади, овцы.

Датировка культуры предварительно намечалась автором III—I вв. до н. э.[17], но затем была значительно заглублена. И Бургулюк I, и Бургулюк II отнесены к VI—IV вв. до н. э., так что между этой культурой и Каунчи I образовался перерыв почти в два столетия[18]. Вместе с тем А. И. Тереножкин отметил, что Г. В. Григорьевым слои Бургулюк II были обнаружены в слое, подстилающем Каунчи I на одноименном памятнике[19].

Нашими раскопами не только подтвержден этот факт, но стратиграфия продублирована на Кулокчинтепе, Ниёзбаштепе, Шаштепе, Чонгтепе.

Эти факты говорят о стратиграфической последовательности культур и позволяют сдвинуть верхнюю границу Бургулюк II во

---

[15] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, М.—Л., 1953, стр. 153—155.

[16] Там же, стр. 153 и 155. Котлообразный сосуд со сливом был найден Н. И. Крашенинниковой на холме Шаштепе, он отнесен к нижним слоям поселения, т. е. к III—V вв. н. э. См.: Н. И. Крашенинникова. Указ, соч., стр. 162, а также табл. 6, рис. 8.

[17] А. И. Тереножкин. Археологические наблюдения на строительстве Ташканала, Ташкент, 1940, рукопись хранится в архиве ГУОПМК УзССР, стр. 18—19.

[18] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, табл. на стр. 153.

[19] Там же, стр. 155.

II—I вв. до н. э. В пользу этого, казалось бы, должны говорить и основные аналогии, приведенные автором, связывавшим ее с усуньской культурой, если признать, как это делает А. И. Тереножкин, некоторое заглубление их датировок[20].

Но не менее тесные нити, чем с кочевниками-усунями, нам кажется, связывают данные памятники с земледельческой культурой Ферганской долины. Отдельные формы — крупные лепные сосуды с носиком-сливом, иногда на матерчатом шаблоне, украшенные специфическим светлым ангобом и полосами красной краски, полусферические чаши и т. д. — уводят вглубь вплоть до Чустской культуры поры поздней бронзы и перехода к железу[21].

Более тесные связи намечаются с комплексом эйлатанского[22] или даваньского, по стратиграфии А. И. Бернштама, времени[23] и отчасти с Шурабашатом[24].

Основные типы даваньской керамики, датируемые А. Н. Бернштамом IV—II вв. до н. э. — это грубая ручной лепки посуда, покрытая ангобом светло-желтого цвета, тесто в изломе слоистое (плохо промешанное), излом шероховатый, в тесте дресва. Орнамент отсутствует, лишь иногда наблюдаются нечеткие линии криволинейного орнамента, нанесенного светло-красной (охристой) и темно-коричневой (марганцевой) краской. Она сочетается с грубой тонкостенной «сакской», чаще с усуньской краской с отпечатками ткани внутри, особенно на дне; на поверхности часты следы разрисовки красной краской[25].

Близки к нашему комплексу лепные чаши и миски Акташско-кунгайского и Суфанского могильников V—III вв. до н. э., сформованные на матерчатом шаблоне, покрытые жидкой облицовкой или окрашенные красной краской.

С шурабашатским этапом по линии форм связывается и нанесение грубых полос окраски, что мы отмечаем особенно на наших

---

[20] М. Е. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории КиргССР, ВДИ, М., 1938, стр. 168, 174, 177. Интересно отметить новую трактовку этих памятников, в которой усилен акцент на земледельческие элементы хозяйства усуней. См.: А. К. Абетеков. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней, КСИИМК, вып. 122, М., 1970, стр. 67—70.

[21] В. И. Спришевский. Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы), Автореферат канд. дисс,, Ташкент, 1963, стр. 12; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, № 118, М.—Л., 1962, табл. XIV, рис. 3—5, табл. XV, рис. 21, 27,28, табл. XIX, рис. 1.

[22] Ю. А. Заднепровский. Указ. соч, табл. XXXVI, рис. 2—18, 28—30, стр. 111. Интересно отметить близость и техники изготовления и орнамента.

[23] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, М.—Л., 1952, стр. 217—222.

[24] Там же, стр. 219.

[25] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Актамские могильники, КСИИМК, 69, М., 1957, стр. 84—86; Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы в эпоху раннего железа, Автореферат канд. дисс., Л., 1961, стр. 7,11.

крупных сосудах[26]. Следует отметить, что шурабашатский элемент находит аналогию и в поздних этапах бургулюкской керамики Каунчитепе и Кулакчинтепе, т. е. сосуществует с нашими комплексами. Вместе с тем мы находим и значительные различия с Шурабашатом. Вероятно, земледельческая культура Ташкентского оазиса развивалась под влиянием чустско-эйлатанских элементов и местной традиции и в определенной мере синхронна шурабашатскому этапу.

Обилие зерна в саманной примеси стенок очага в Каунчитепе, обилие зернотерок, костей домашних животных, преимущественно крупного рогатого скота и лошадей, говорит о зерноводческом и скотоводческом направлении хозяйственной деятельности жителей. Побочными отраслями являлись ткачество, обработка молочных продуктов, о чем свидетельствуют отпечатки тканей различной плотности на сосудах и наличие посуды с отверстиями в придонной части. Крупные сырцовые биконические подвески и стенки сосудов с отверстиями также использовались в ткачестве. Последние могли применяться и в рыболовстве на базе Чирчика и озер, образовавшихся в его пойме. Именно в этот период начинается интенсивный рост ирригационной системы. Это на правобережье Чирчика система Зах, Салар с Джуном и Каракульдуком. В левобережье памятники были выявлены А. И. Тереножкиным вдоль Карасу и Бургулюка. Несомненно, на месте Карасу, проведенного в более поздний период, в это время также функционировала ирригационная сеть.

Архитектурно-строительные остатки этого времени не выявлены, но наличие слоя оплыва глины и самана позволяет предположить наличие землянок и строений с глинобитными стенами или с применением сырцового кирпича.

Переходные слои к новой культуре представлены в XV—XVI ярусах шурфа II, рис. 5, и в XVII—XVIII ярусах шурфа I городища Каунчи. Материальная культура этих слоев в целом близка к описанной. Характерны и корчаги с валикообразным утолщенным венчиком, и круглодонные миски. Интересен горшок, полностью покрывавшийся красной краской по светло-желтому ангобу, котлы шаровидной формы и ручки-уступы.

Но вместе с ними найдены сосуды, не встречавшиеся в нижнем слое. Это одноручный плоскодонный горшок на широком подлепном донце, изготовленный на песчаной подсыпке. Форма туловища яйцевидная (рис. 5, *6*) со следами медленного вращения, ручка поднималась от плечика к горловине. Снаружи по плечикам сосуд украшен небрежными мазками черно-коричневой краски с потека-

---

[26] Ю. А. Заднепровский. Указ. соч., стр. 116, рис. 16. Автор также указывает на сходство ферганских материалов с бургулюкской и каунчинской культурами, отмечая недостаточную обоснованность датировки последних. Исследования Шашилакского археологического отряда в 1972 г. показывают, что левобережное Карасу проведено по трассе одного из древних протоков Чирчика.

ми вниз, к придонной части; лепной горшочек из плотной глины с мелким песочком, с обеих сторон по венчику покрытый черной краской. Венчик сосуда типа фляги (рис. 5, *4*) с клювообразным завершением закраины, небольшой горловиной и резким расширением к тулову. Следует отметить, что аналогичная форма характерна для фляг и группы горшков нижнего слоя Ахмадтепе. Лепная тарелка (или крышка) с небольшим отверстием в центре (рис. 5, 7). С обеих сторон она покрыта характерным в основном для раннего слоя светло-желтым ангобом с розоватым оттенком,

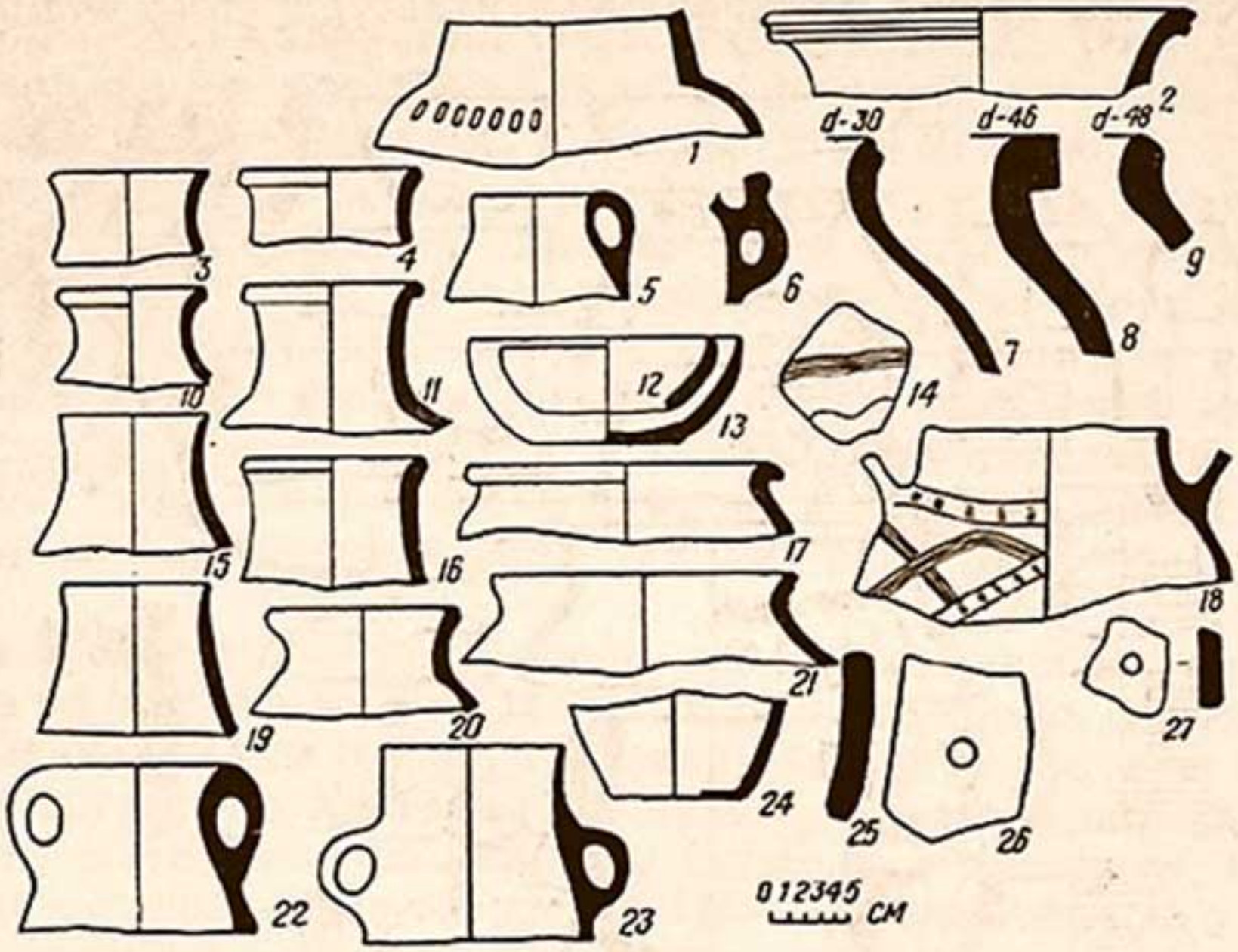

Рис. 6. Ахмадтепе. Керамика VIII яруса.

но вдоль края снаружи украшена процарапанной линией — прием, не характерный для нижнего слоя.

Последующие слои связаны с монументальной архитектурой из сырцового кирпича и пахсы и керамикой каунчинского типа. Она уже являлась объектом неоднократного разбора в литературе[27], поэтому мы остановимся кратко на характеристике основных типов и особенностях комплексов.

Для рассматриваемого периода можно выделить два этапа. На первом, более четко прослеженном на Каунчитепе, Ахмадтепе, Кулокчинтепе, ведущей формой являются груболепные плоскодонные горшки-котлы тянутой формы с двумя вертикальными ручками (рис. 6, *22*), хумы и хумча горнового обжига с профилирован-

---

[27] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э., М., 1967; Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина. Поселение Актобе 2 (I и начало IV в. н. э.), В сб.: А. Г. Максимова, М.Е. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина „Древности Чордары".

ным венчиком (рис. 6, *8, 9*), горшки, кувшины различной профилировки (рис. 6, *3, 4, 10, 16, 19, 20*), небольшие горшки с вертикальной ручкой в виде головки животного (рис. 6, *6*). Широко распространены и плоскодонные миски с невысокой стенкой и слегка загнутой внутрь закраиной (рис. 6, *12—13*).

Нужно отметить на завершающем этапе орнаментирование сосудов насечками по плечику (рис. 6, *1*) волнистыми или пересекающимися процарапанными полосами. Этот период для памятников Чирчикской долины датируется в пределах I в. до н. э. — III в. н. э.[28] Как мы видим, материальная культура этого этапа по об-

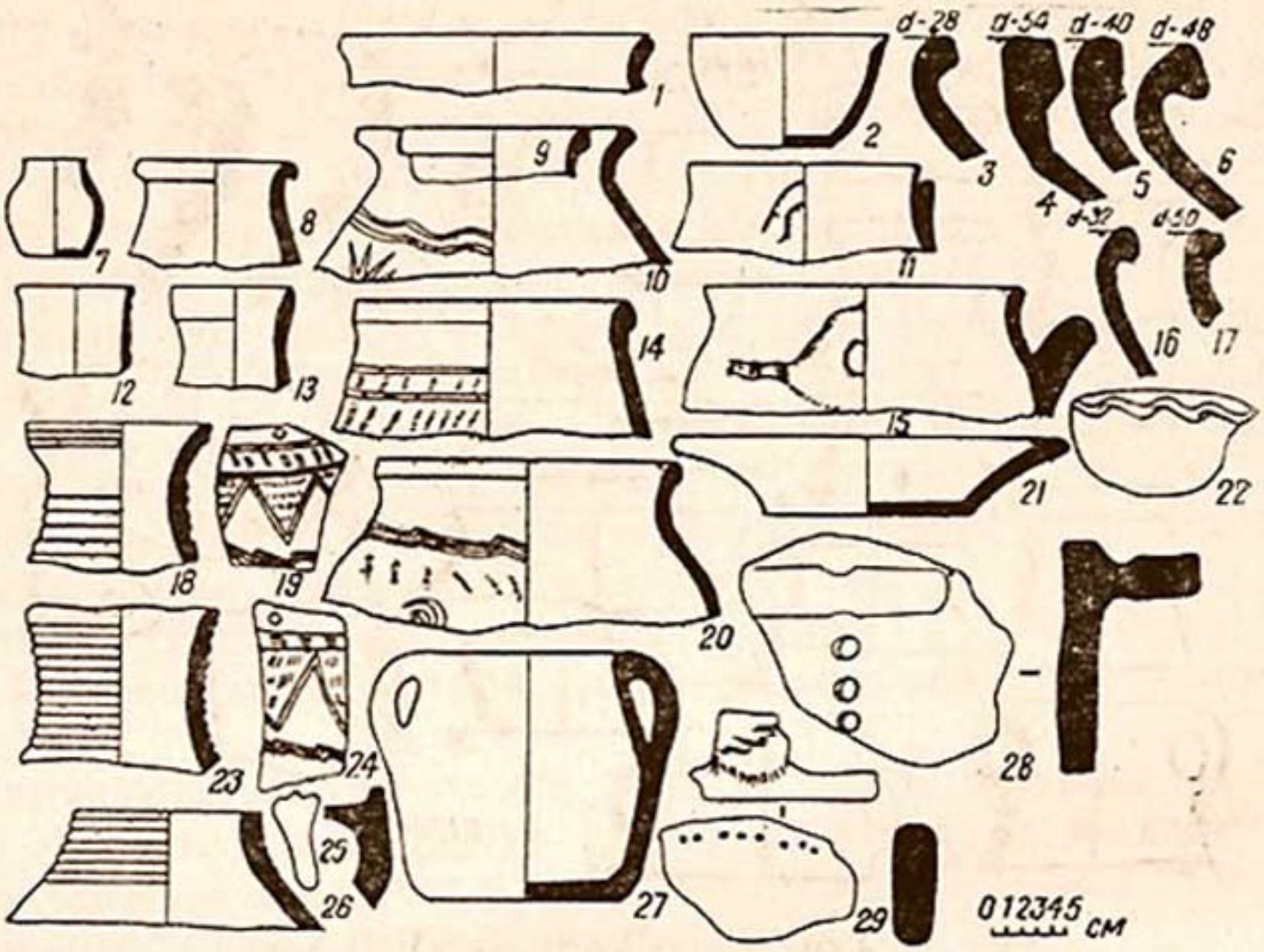

Рис. 7. Ахмадтепе. Керамика V яруса.

лику в значительной степени отличается от предшествующего, но в хозяйственном, экономическом аспекте продолжает его традиции. Необходимо отметить значительное увеличение поселений, среди которых можно четко наметить укрепленные поселения с пахсовыми и кирпичными стенами;

На следующем этапе наряду с существованием старых форм все более энергично вторгаются намечающиеся еще в конце первого этапа новые элементы в керамике (рис. 7). Еще бытуют груболепные плоскодонные широкогорлые котлы-горшки с двумя вертикальными ручками от венчика к плечику (рис. 7, *27*), но уже широко распространяются шаровидные котлы с горизонтальной ручкой, иногда точно копирующей фигурные ручки металлических котлов (рис. 7, *11, 15*).

---

[28] Эта дата подтверждается материалами средней Сырдарьи, См.: Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи..., стр. 11.

Разнообразнее становятся венчики хумов и корчаг (рис. *7, 3, 4, 5, 6, 16, 17*), крупные экземпляры которых формовались из трех частей: донная часть лепилась на песчаной подушке, толстые стенки формовались лентами, к ним подлеплялись фигурные венчики. Эти сосуды покрывались серым ангобом.

И крупные сосуды, и котлы покрывались плоскими крышками диаметром до 0,6 *м*, орнаментированными снаружи вдавленным орнаментом (рис. *7, 29*). Происходит частичное изменение в формах некоторых кувшинов (рис. *7, 18, 23*). Устья их оформляются раструбами, горловина становится гофрированной. Наряду с окраской черными полосами все шире распространяются процарапанный орнамент и насечки (рис. *7, 10, 14, 19, 20, 24*), что Л. М. Левина считает характерным для джетыасарской культуры и связывает появление этих элементов с продвижением под воздействием гуннов определенной части джетыасарского населения вверх по Сырдарье, т. е. в Ташкентский оазис, в конце III—начале IV в. н. э.[29] К этому времени относится основная группа поселений каунчинской культуры, связанных между собой многоотраслевым земледельческим хозяйством, базирующимся как на естественных протоках и даже богарном земледелии, так и на развитой ирригационной системе.

Рассмотрение культуры в целом дает очень широкие аналогии от Таласа на востоке до Бухарской области на западе, свидетельствуя о ее значительном распространении. Элементы сходства мы находим в Фергане и в Хорезме. Эта культура оказала определенное влияние на материальную культуру Согда и, в частности, Самарканда, где с грани конца Афрасиаб III — начала Афрасиаб IV начинается огрубление форм, ухудшается качество облицовки керамики, появляется орнаментация полосами-потеками красно-коричневой и черной красок[30]. И в то же время она значительно отличается от коренных областей Кушанского государства, свидетельствуя о самостоятельном пути развития северных районов, что проявилось не только в экономической, но и в политической истории.

---

[29] Л. М. Левина. Указ. соч., стр. 18.

[30] Отмечая огрубление керамики Самарканда, Г. В. Шишкина связывает его с движением кочевых племен, приведших к образованию Кушанской державы, и с усилением государства Кангюй. См.: Г. В. Шишкина. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969.

З. И. УСМАНОВА

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ АНТИЧНОЙ КЕРАМИКЕ ДРЕВНЕЙ ОБЛАСТИ КЕШ

Средневековая область Кеш получила свое название по столице и захватывала весь Шахрисабзский оазис с 16 рустаками, часть которых находилась далеко от Кеша по Гузардарье и географически располагалась ближе к Каршинскому оазису[1]. Кешская область слабо изучена в археологическом и историко-топографическом отношениях, а средневековые письменные источники дают довольно скудные и отрывочные сведения; особенно плохо обстоит дело с изучением античных памятников долины Кашкадарьи.

В советское время начало исследованию области Кеш положил проф. М. Е. Массон, а вслед за ним археолог С. К. Кабанов, с 1949 года проводивший обследование долины Кашкадарьи с ее притоками с целью выявления памятников доклассового общества, античности и раннего средневековья[2]. С 1963 г. археологические исследования на территории древней области Кеш начала Кешская археолого-топографическая экспедиция (КАТЭ) под руководством М. Е. Массона, созданная на базе кафедры археологии Средней Азии истфака ТашГУ им. В. И. Ленина.

Весной 1967 г. второй маршрутный отряд КАТЭ посвятил свои работы выявлению памятников античности и средневековья с нанесением их на карту. Были осуществлены проезды по разным маршрутам в среднем течении Кашкадарьи, при этом выявлено и зафиксировано около 70 памятников. При проезде по маршруту Чиракчи — Камаши по грунтовой дороге (севернее основного шоссе) примерно на 12 *км* от Чиракчей к западу от дороги было отмечено несколько небольших городищ, три из которых оказались в основе античными. Бросаются в глаза их однотипность в планировке и примерно одинаковые размеры. Все три поселения имеют цитадели с прилегающей к ним пониженной частью со следами укреплений.

---

[1] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 206.

[2] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, Труды САГУ. вып. 61, Археология Средней Азии, вып. II, Ташкент, 1953, стр. 17—68; С. К. Кабанов. Археологические разведки в Шахрисязбском оазисе, Известия АН УзССР. 1951, № 6, стр. 61—68; Он же. Археологические разведки в верхней части Кашка-Дарьи, ТИИА АН УзССР, VII, Ташкент, 1955, стр. 77.

Первое поселение самое большое (200×200 *м*), ориентировано по странам света, с севера и запада видны следы въезда. В центре поселения находится цитадель (75×75 *м*) высотой 10—12 *м*, окруженная низиной, а дальше идут застройки по всему периметру стен, так что их оплывы создают впечатление значительных укреплений. На северном фасе возвышается предвратное укрепление в виде выступающего за линию стен бастиона.

На поверхности городища материал в основном раннесредневековый с выделением посуды, орнаментированной по кремовому ангобу красными полосами. Встречается также тонкостенная керамика в форме чаш, тарелок, кубков, которая аналогична посуде Согда первых веков нашей эры[3]. Подобная керамика отмечена С. К. Кабановым в памятниках Каршинской степи[4].

Второе и третье поселения аналогичны первому. Установить точные названия памятников, к сожалению, не удалось, опросные данные местных жителей весьма противоречивы, одно и то же тепе имеет несколько названий.

От этих памятников грунтовая дорога вела прямо к водохранилищу, куда впадает джар, тянущийся параллельно дороге с восточной стороны. В июле уровень воды водохранилища понизился примерно на 3—4 *м*, в результате чего обнажилась часть берега. Здесь, по обе стороны от устья джара на берегу водохранилища была собрана керамика, вымытая водой из культурного слоя расположенного рядом городища. Осенью 1972 г. при вторичном посещении этого района было установлено, что здесь находилось древнее поселение, перекрытое лессовыми отложениями, вновь была собрана керамика, представляющая значительный интерес для истории памятников среднего течения Кашкадарьи.

Комплекс посуды оказался однотипным, вся керамика сделана на гончарном круге, черепок красного и розового цвета, ангоб светлый, кремовый и розоватый. Большинство фрагментов имело подкос при переходе к донной части, венчики крупных сосудов в виде широких плоских валиков.

Керамика подъемная, однако она привлекла наше внимание тем, что по облику своему является ранней для памятников среднего течения Кашкадарьи. Подобная посуда вообще не известна и отмечена впервые для памятников Кашкадарьинской области. По имеющимся публикациям, самый ранний материал из нижних культурных слоев Каляндартепе в Китабе, Кургантепе близ Макрида, Еркургана, Мудинтепе и других относится к III—II вв.

---

[3] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, рис. 3; Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, № 2, стр. 27; А. И. Тереножкин. Согда и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 69.

[4] С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, ТИИА АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 82—133.

до н. э. В этом материале отсутствуют формы посуды, найденной на берегу водохранилища[5].

До затопления этот район исследовался В. Д. Жуковым и С. К. Кабановым, ими было зафиксировано и нанесено на план более 25 памятников V—VI вв. с повторным обживанием их в XI—XII вв. и только на Калятепе отмечен материал первых веков н. э.[6]

Тщательное обследование берега водохранилища позволило установить, что место сбора керамики с подкосом расположено на равном расстоянии между городищами Чимкурган и Сарытепе и совпадает с местонахождением ныне затопленного водой безымянного тепе № 9, указанного на схематической карте, составленной С. К. Кабановым. По его описанию тепе было небольшим (55××55 *м*) высотой 5—6 *м* и поэтому изучению не подвергалось. С. К. Кабанов раскопки осуществлял только на крупных тепе, подобных Аултепе, Сарытепе, Чимкургану, Кендекли и др. По подъемному материалу тепе было датировано С. К. Кабановым IV—V вв. н. э., но вода, разрушив верхний слой, вынесла на берег содержимое более древнего культурного слоя, ранее не отмеченного ни на одном тепе; тем самым была внесена существенная поправка в историю безымянного городища.

В рассматриваемом комплексе посуды выделяются следующие формы:

банкообразные крупные сосуды с хорошо выраженным клювовидным венчиком и подкосом при переходе к донцу (рис. 1, *6, 10, 18, 19*). Следы гончарного круга на внутренней и внешней поверхности делают стенки сосудов неровными. Диаметр венчиков 30—42 *см*, толщина стенок 1,2 *см*. Всего клювовидных венчиков более 30, стенок разной толщины с подкосом 18 фрагментов. Светлый ангоб покрывает только внешнюю поверхность сосудов;

крупные миски (рис. 1, *5, 7, 17*): с профилированным венчиком, оттянутым внутрь сосуда (диаметр 36 *см*), от которого стенки отходят к донцу под углом 45°; с утолщенным прямо поставленным венчиком (диаметр 29 *см*); с оттянутым слегка наружу венчиком с довольно резким изломом или же плавным выгибом стенок в самой широкой части тулова (диаметр 28—30 *см*);

чаши полусферической формы с утолщенным, слегка загнутым внутрь венчиком, диаметр 16—29 *см* (рис. 1, *4*);

бокаловидные сосуды (возможно, чаши) с чуть утолщенным прямым венчиком и плавно сужающимися книзу стенками, диаметр 12—15 *см* (рис. 1, *1*). Подобные венчики характерны для формы чаш, пиал, бокалов или кубков в комплексах керамики Маргианы, Согда, Бактрии IV—III вв. до н. э., поэтому без донца трудно

---

[5] С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках, ВДИ, 1956, № 2, стр. 11; Он же. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе. ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 42—53.

[6] С. К. Кабанов. Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища, Известия АН УзССР, 1957, № 2, см. карту.

восстановить подлинную первоначальную форму сосудов с таким венчиком[7].

Рассматриваемый керамический комплекс архаичен своими цилиндро-коническими формами, которые для Бактрии, Согда, Маргианы и Хорезма характерны с середины I тыс. до н. э.[8] Исследования последних лет позволили глубже изучить керамику этого периода, давая более точные хронологические определения отдельным формам.

Так, работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) было установлено, что банкообраз-

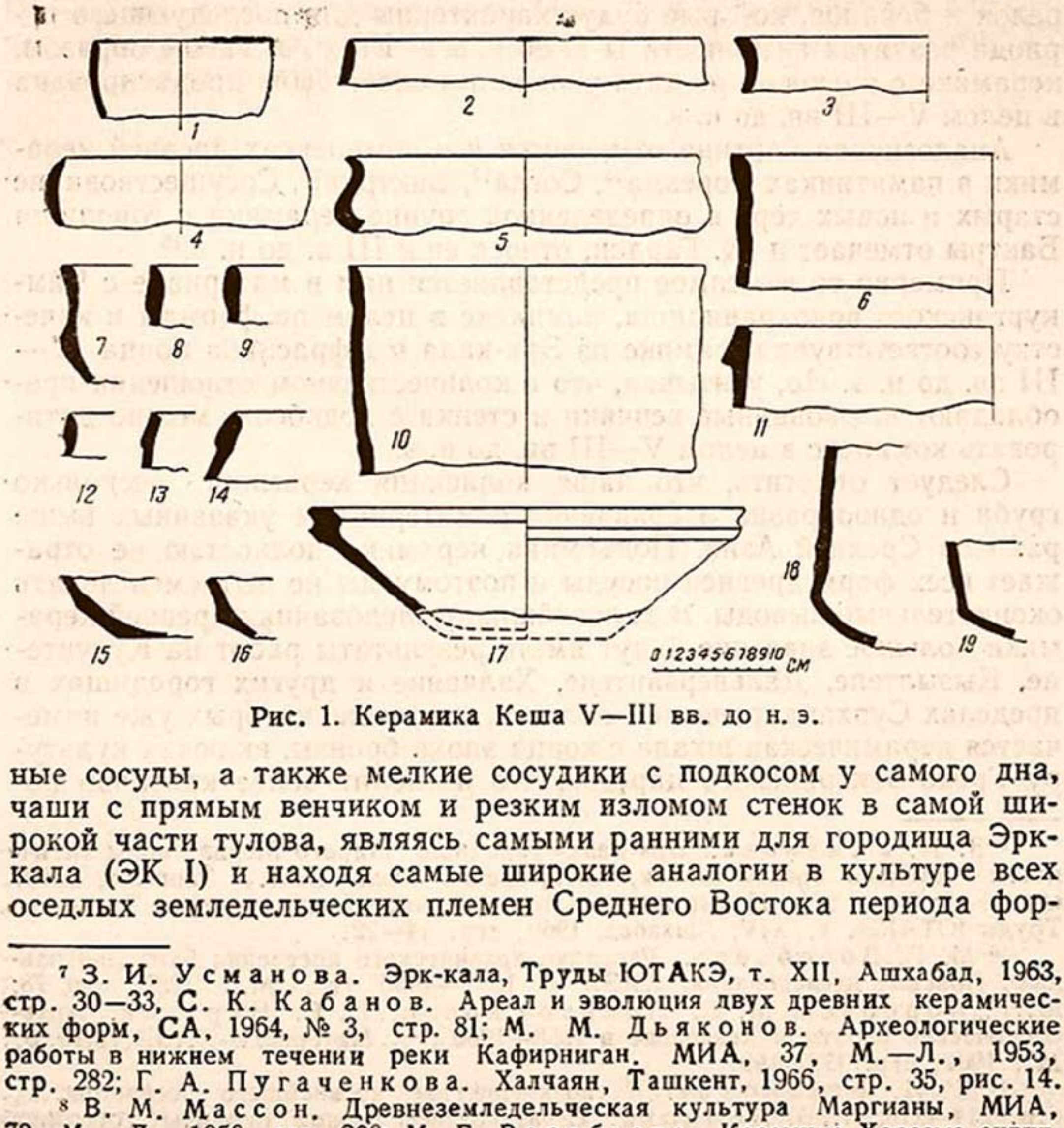

Рис. 1. Керамика Кеша V—III вв. до н. э.

ные сосуды, а также мелкие сосудики с подкосом у самого дна, чаши с прямым венчиком и резким изломом стенок в самой широкой части тулова, являясь самыми ранними для городища Эркала (ЭК I) и находя самые широкие аналогии в культуре всех оседлых земледельческих племен Среднего Востока периода фор-

---

[7] З. И. Усманова. Эрк-кала, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 30—33, С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, СА, 1964, № 3, стр. 81; М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган. МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 282; Г. А. Пугаченкова. Халчаян, Ташкент, 1966, стр. 35, рис. 14.

[8] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, М.—Л., 1959. стр. 208; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 71: М. И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе, Сб. „Афрасиаб", вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 210; М. М. Дьяконов. Древняя Бактрия, Сб. „По следам древних культур", М., 1954; стр. 320—323.

мирования у них первых государственных образований, продолжают бытовать и в более позднее время на протяжении всего III в. до н. э.[9]

Эти данные были получены в стратиграфическом шурфе 5 на Эрк-кала в древнем Мерве, где были четко зажаты два самых древних для городища слоя, разделенных платформой из сырья, близкого к квадратному формату. Нижний слой (ЭК I) содержал керамику баночных форм и крупные миски, датированные V—IV вв. до н. э. Во втором слое (ЭК II) продолжала встречаться посуда с подкосом, миски, однако стали появляться формы чаш, тарелок и бокалов, которые будут характерны для последующего периода развитой античности II в. до н. э. — I в. н. э. Таким образом, керамика с подкосом из двух указанных слоев была продатирована в целом V—III вв. до н. э.

Аналогичная картина отмечается и в комплексах древней керамики в памятниках Хорезма[10], Согда[11], Бактрии[12]. Сосуществование старых и новых черт в определенной группе керамики с городища Бактры отмечает и Ж. Гардон, относя ее к III в. до н. э.[13]

Примерно то же самое представляется нам в материале с Чимкурганского водохранилища, комплекс в целом по формам и качеству соответствует керамике из Эрк-кала и Афрасиаба конца IV—III вв. до н. э. Но, учитывая, что в количественном отношении преобладают клювовидные венчики и стенки с подкосом, можно датировать комплекс в целом V—III вв. до н. э.

Следует отметить, что наша коллекция керамики несколько груба и однообразна в сравнении с материалом указанных выше районов Средней Азии. Подъемная керамика полностью не отражает всех форм древней посуды и поэтому мы не пытаемся делать окончательные выводы. В дальнейших исследованиях древней керамики большое значение будут иметь результаты работ на Кучуктепе, Кызылтепе, Дальверзинтепе, Халчаяне и других городищах в пределах Сурхандарьинской области, на основе которых уже намечается керамическая шкала с конца эпохи бронзы, включая культуру Греко-Бактрийского царства, что позволит более критично по-

---

[9] З. И. Усманова. Эрк-кала—городище старого Мерва поры античности и раннего средневековья, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969, стр. 4—8; Она же. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы, Труды ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад, 1969, стр. 14—22.

[10] М. Г. Воробьева. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже, Полевые исследования ХАЭЭ в 1954—1956 гг., М., 1957, стр. 78; М. Г. Воробьев, М. С. Лапиро-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг., Материалы ХАЭЭ, вып. 6, М., 1961, стр. 172—199.

[11] М. И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения..., стр. 214—216; Н. Б. Немцова. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, Сб, „Афрасиаб", вып, 1. Ташкент, 1969, стр. 161.

[12] Н. Н. Забелина, Раскопки на городище Калаи-Мир. МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 301.

[13] J. Gardin. Céramigues de Bactres, Memoires, de la délégation archeologique française en Afganistan, v. XV, Paris, 1957, p. 44,45, 93.

дойти к материалу из нижних культурных слоев городищ древней области Кеш[14].

Таким образом, работами КАТЭ впервые обнаружены памятники ранней античности в среднем течении Кашкадарьи. Керамика архаична своими коническо-цилиндрическими формами с клювовидным венчиком и подкосом стенок при переходе к донцу и может быть отнесена к V—III вв. до н. э. Обнаружение античных памятников позволяет говорить о том, что здесь, так же, как и в других районах Средней Азии, складывается довольно рано земледельческая культура, во всяком случае, судя по керамике, в IV—III вв. до н. э. уже налицо были сельские поселения вблизи рек, на руинах которых продолжается жизнь в период античности и раннего средневековья.

---

[14] Л. И. Альбаум. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепе, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 69, Г. А. Пугаченкова. Археологические исследования Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, „Археологические открытия 1970 года". М., 1971. стр. 420—423.

И. АХРАРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ШАХРИСТАНЕ ГОРОДИЩА КУВА

Археологические раскопки на городище Кува, расположенном в центральной части Ферганской долины, ведутся с 1956 г. археологами АН УзССР. Данная работа посвящается итогам полевых исследований, произведенных автором в шахристане городища Кува, где был заложен большой стратиграфический раскоп для решения вопросов, связанных с исторической топографией городища.

Раскоп I находится в середине северной части шахристана, у подножия крепостной стены. Этот объект был выбран с учетом микрорельефа городища и места земляных работ кирпичного завода. В первый год раскопочные работы проводила археолог М. Аминджанова с целью вскрыть верхний горизонт, провести раскопки на крепостной стене и изучить древнюю фортификацию Кувы.

Осенью 1956 г. раскопки на данном объекте были продолжены автором настоящих строк и в результате вскрытия нижнего горизонта выявлено шесть помещений, стены которых высотой в 1,5—2 *м* сложены из пахсы. На полу помещений были обнаружены фрагменты бытовой керамики. Среди них — посуда с подглазурной эпиграфической, растительной и геометрической орнаментацией, выполненной темно-коричневой, желтой, красной и другими красками[1].

Среди неполивных керамических изделий интересны яйцевидной формы хумы, кувшины высотой до 60 *см,* туваки (есть и глазурованные) — горшки для детских люлек, круглодонные котлы. Среди находок много стеклянных бокалов, тарелок, бутылок и др. В слое обнаружены монеты саманидского чекана и бухархудатские, которые имели хождение и в период Саманидов.

На полу двух помещений были найдены лежащие в беспорядке жженые квадратные кирпичи размером 18×18×2 *см,* 19×19×

---

[1] Аналогичные керамические изделия, относящиеся к X в., были обнаружены во многих районах Средней Азии См.: Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв), ТХАЭ, т. IV, М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 261; С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве в X—начале XIII в., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1962, стр. 303; Ш. С. Ташходжаев. Поливная керамика Афрасиаба X—первой половины XI в., Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 298.

×2 *см,* такие маломерки характерны для X в. Анализ и сопоставление археологического материала с участка I позволили считать вскрытый комплекс жилым и датировать его X в.

В 1957 г. данный раскоп был расширен к западу с целью выяснить, что собой представляет самый верхний слой нового участка II. В результате расчистки верхнего горизонта (толщиной 20—70 *см*) удалось выявить ряд помещений, соединенных коридорами, и небольшой дворик. Весь этот комплекс с востока и запада ограничен пахсовыми стенами. В западной стене находился вход, заложенный сырцовым кирпичом 36×18×5—6 *см,* который вел в «вестибюль»[2], а затем в коридор.

Справа от коридора в стене были сделаны специальные закрома шириной 50 *см,* длиной 2 *м,* высотой 60 *см,* где были найдены обгоревшие зерна пшеницы. Слева от коридора — помещение, в котором пол также покрыт слоем обгоревших зерен пшеницы, а в северо-западном углу был обнаружен частично вкопанный тандыр. Если идти прямо по коридору, то он выводит во дворик, где были найдены три большие обгоревшие деревянные балки сечением 15×15 *см,* грубо обтесанные с четырех сторон.

На юго-западе от двора имеется коридор с поворотом на юг. Здесь было найдено несколько пиленых досок шириной 18 *см,* толщиной 3 *см,* длина некоторых из них достигает 3 *м.* Видимо, это доски от плоского перекрытия. На восток от двора расположены две комнаты с одним общим выходом во двор. В юго-восточном углу двора — выход на улицу.

Стены помещений и коридор выложены из сырцового кирпича размером 36×18×5 *см* с использованием каркаса. Пол некоторых помещений и коридоров выстлан жженым кирпичом размером 30×17×3,5 и 28×13×3 *см.* Основные находки этого комплекса представлены поливной и неполивной керамикой, металлическими чирагами с остатками ватного фитиля, стеклянными изделиями, среди которых интересны рюмки из зеленоватого стекла; следует также отметить фрагменты терракотового очажка, медные окислившиеся монеты караханидского чекана второй половины XII в., каменные и керамические котлы, симобкузача, чернильницы, детские игрушки в виде свистулек, лошадок и горшочков и т. д.[3]

Найденный здесь археологический материал позволяет считать вскрытый комплекс жилым и датировать второй половиной XII—началом XIII в.[4]

---

[2] В связи с этим уместно вспомнить, что в Ферганской долине у большинства дворов вход начинается именно с такого „вестибюля", называемого дарвазахоной.

[3] И. Ахраров. Каменные котлы средневековой Ферганы, В сб. „Из истории культуры народов Узбекистана", Ташкент, „Наука", 1965, стр. 9.

[4] Керамические изделия, подобные нашим, описываются в работах многих авторов. См.: Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация...,стр. 300; С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве..., стр. 303; Ш. С. Ташходжаев. Поливная керамика Самарканда второй половины XII—начала XIII в., Научные работы и сообщения, кн. 5, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 197 и др.

Кроме того, предстояло выяснить, что лежит под вскрытым нами верхним горизонтом, для чего надо было снять верхний слой на всей раскопочной площадке. Но учитывая хорошую сохранность архитектурных сооружений и важность всего слоя для стратиграфии городища, мы отступили несколько западнее прежнего раскопа участка II.

Новый, третий по счету, участок в наших раскопках в шахристане был вскрыт в 1958 г. Он занимал несколько большую площадь, чем второй, длиной 30 *м* и шириной 20 *м*. После вскрытия верхнего слоя, относящегося ко второй половине XII — началу XIII в., мы углубились по всей площади раскопа. Нижний горизонт оказался более мощным — от 60 *см* до 1 *м*.

В отношении архитектуры наши ожидания не оправдались. С трудом были выявлены остатки пахсовых стен толщиной 50—60 *см*. Почти всю раскопочную площадку покрывал строительный мусор с золой и угольками. Лишь возле городской стены на северной части раскопа обнаружено небольшое продолговатое помещение, в котором не было мусора. На полу найдены медные монеты чекана илеков XI в., поливная посуда с геометрическим и растительным орнаментом, полусферические котлы, неполивные крышки, венчики хумов и хумча, фляги со штампованным орнаментом. Особо следует отметить бокалы из тонкого прозрачного стекла[5].

На других участках раскопа стены от здания не сохранились, зато обнаружены вымостки полов кусками камня айвана, коридора и некоторых комнат. На полу найдены керамика, медные монеты XI в. и другие предметы, аналогичные ранее перечисленным находкам. Из металлических изделий следует отметить медную подставку на трех ножках, украшенную чеканкой, передающей растительный узор, с маленькими кольцами, подвешенными в верхней части каждой ножки. Аналогичные предметы XI в. известны нам из экспозиций Государственного Эрмитажа.

Таким образом, археологический материал с третьего участка, особенно подставка, дает возможность датировать комплекс XI в., при этом часть керамики и кухонные котлы почти не отличаются от обнаруженной посуды на втором участке. Кроме того, характерными являются жженые кирпичи размером 32×16×2 и 30×17×2,5 *см*.

Раскоп I в шахристане дает представление о верхнем средневековом слое городища. Каждый участок раскопа дал определенный материал: участок I — X в., участок II — вторая половина XII — начало XIII в., участок III—XI в. Подъемный материал с городища аналогичен находкам второго участка и, следовательно, может датироваться концом XII—началом XIII в. Анализ архитектурных остатков показал, что стены здания, датированного

---

[5] И. Ахраров. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы, „Известия АН УзССР", серия общественных наук, 1960, № 4, стр. 24.

концом XII — началом XIII в., в отличие от стен строений X в. менее капитальны, с широким использованием конструкций каркасного типа.

В разных местах раскопа были заложены стратиграфические шурфы, давшие интересные результаты. Слои расположены в такой хронологической последовательности:

1. Тонкий слой IX в. представлен единичными фрагментами поливной керамики с зеленовато-мутной глазурью, неполивной керамики (кувшин, котел, хум и др.) и фрагментами стекла[6].

2. Далее идет слой, мощность которого местами доходит до 2 *м*. Найденные небольшие медные монеты с квадратным отверстием, бухархудатские медные монеты с изображением на аверсе бюста царя в короне и аббасидские фельсы позволяют датировать этот слой концом VII — началом VIII в.

Среди многочисленных фрагментов неполивной керамики особый интерес представляет ручка сосуда. В том месте, где ручка соприкасается с венчиком сосуда, оттиснуто изображение головы какого-то животного с ожерельем на шее. Рельефное изображение выполнено техникой штампа. Описание подобных ручек в литературе нами не встречено. Интересен также штамп с рельефным изображением маски, к которой с двух сторон устремляются две змеи. Аналогии этой находке в литературе также не найдено. Были обнаружены здесь и фрагменты стеклянных рюмок и бокалов.

3. Третий слой имеет широкие хронологические рамки: с I в. до н. э. по I—III вв. н. э. Археологический материал здесь представлен в основном керамикой, покрытой красным, иногда черным ангобом с лощением, одним медным наконечником стрелы II в. н. э. Хронологически неясными остаются слои IV—VI вв. Шурфы не доведены до материка из-за появления грунтовых вод.

В целях выяснения некоторых вопросов древней фортификации городища Кува был сделан поперечный разрез городской стены шириной 2 *м*, длиной 25 *м* и высотой 11 *м*. Разрез показал наличие нескольких разновременных стен: раннефеодальной VII в., стены X в., стены первой половины XI в. и ремонтных закладок конца XII в.

Первая пахсовая стена возведена на культурном слое, относящемся к так называемому позднекушанскому периоду. Пахса очень плотная, толщина ее в среднем 6 *м*, а сохранившаяся высота 5 *м*. Внешняя наклонная часть стены была тщательно обмазана глиной с саманом толщиной 1 *см*. Пока нет убедительных данных для датировки стены. Но учитывая данные шурфов, заложенных

---

[6] Об аналогиях см.: И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, новая серия, 14, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 9; А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологический периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 132; И. Ахраров. К истории появления поливной керамики в Средней Азии, В сб. „История материальной культуры Узбекистана", вып., 6, Ташкент, „Наука", 1965, стр. 150, рис. 1.

на городище, мы сочли возможным ориентировочно датировать ее VII в. н. э.

Вторая стена построена с внешней стороны впритык к обмазке первой и состоит из пахсовых блоков, чередующихся с сырцовой кирпичной кладкой, кирпич размером 48×26×10—12 *см*. Пахсовые блоки по высоте в 4—5 раз толще, чем сырцовые кирпичи. Структура этой стены менее плотна, чем предыдущей, и содержит фрагменты неполивной керамики (венчики чаш, кувшинов, хумчи), которую следует отнести к VII—VIII вв. Сама стена построена на оплывах предыдущей стены, где успел накопиться тонкий культурный слой с керамикой VII—VIII вв.

Третья стена построена снаружи городища впритык ко второй и состоит из блоков пахсы и гуваляков, беспорядочно чередующихся между собой.

Следующая, четвертая ремонтная стена построена из пахсовых блоков, чередующихся с кладкой из сырцового кирпича. Таким образом, вторая, третья и четвертая стены без обмазки построены впритык друг к другу и не имеют между собой перевязи, но датируются одной эпохой. Общая толщина этих трех стен достигает 4 *м*.

Последняя, пятая стена сделана из пахсы и стоит на остатках стен X в., толщина ее чуть меньше 2 *м*. В ней обнаружены фрагменты поливной керамики. Судя по всему, стена эта построена в первой половине XI в.

Последний период жизни стены связан с ремонтом, во время которого использовали сырец 36×18×5 *см*. Ремонтные работы осуществлялись в конце XII — начале XIII в. на гребне стены по ее внешним краям. Таким образом, разрез стены показал, что перед нами довольно сложное фортификационное сооружение.

В центре разреза городской стены был заложен шурф, в котором были обнаружены остатки пахсовой стены плохой сохранности, установить толщину стены не удалось, высота ее чуть больше метра. Эта стена построена на культурном слое кушанского времени. Плохая сохранность ее объясняется, видимо, тем, что при возведении в период средневековья новой стены старую разрушили. Несомненно, перед нами ранняя стена, постройку которой следует отнести к концу III в. н. э. Ниже этого слоя имеются еще культурные слои, но из-за выступивших грунтовых вод их не удалось выявить. Таким образом, мы изучили остатки нескольких стен городища Кува, о которых нет данных в письменных источниках.

Стратиграфический шурф (6×8 *м*) глубиной более 11 *м* находится в юго-восточном углу шахристана и дал следующую картину:

слой толщиной 20—30 *см* содержит керамический материал, аналогичный подъемному (симобкузача, фрагменты поливной и неполивной керамики, железные крицы, жженый кирпич 28×17×3 *см* и др.). В целом этот слой можно отнести к концу XII в., а наличие керамики с мутно-желтой поливой дает основание датировать его началом XIII в.;

слой толщиной 70—80 *см* по археологическому материалу мало отличается от предыдущего слоя, но здесь больше поливной керамики и лучшего качества. Мотивы орнаментации поливной и неполивной посуды носят исключительно геометрический и растительный характер. Арабские надписи на поливной посуде стилизованы, но вполне читаемы. Среди неполивных сосудов интерес представляют изделия со штампованным орнаментом.

В слое найден клад медных монет караханидского чекана, в котором было три монеты позднесаманидского чекана, свидетельствующие о хождении саманидских денежных знаков при караханидах. Характер материала, а также находки верхних и нижних слоев дают возможность датировать данный слой концом X—XII вв.;

слой толщиной более 2 *м* насыщен разнообразными археологическими находками в виде медных саманидских монет, фрагментов поливной керамики хорошего качества с разнообразными мотивами орнаментации, значительное место среди которых занимают эпиграфические и зооморфные. Встречено много неполивной керамики, стеклянных бус (есть каменные и керамические), фрагментов стекла, жженых кирпичей-маломерок. Все это дает возможность датировать слой IX в.[7];

небольшая прослойка с фрагментами неполивной посуды, которые невыразительны и по ним трудно датировать прослойку;

довольно мощный слой толщиной 3 *м,* в котором встречены целый хум и неполивная посуда с преобладанием фрагментов кувшинов, хумча и вазообразных сосудов. Здесь же были найдены фрагменты стекла и медные бухархудатские монеты с изображением царя в короне. Особенно интересны два сошника длиной 25 *см* и шириной 14 *см.* Этот слой можно датировать периодом VI—XIII вв.

Ниже идет слой толщиной 2 *м* с включением золы, но без археологических находок;

новый культурный слой начался сырой землей и через один метр появилась грунтовая вода. В слое найдена тонкостенная керамика хорошего качества, сделанная на гончарном круге и покрытая красным, черным и бледно-желтым ангобом со следами лощения. Хумчи украшались волнистым, процарапанным орнаментом. Весь материал дает основание датировать слой I в. до н. э.—III в. н. э.

Археологические раскопки на городище Кува позволяют сделать следующие выводы.

1. Перед нами город феодальной эпохи, о котором есть сведения в письменных источниках, подтверждающиеся археологическими данными. По мнению В. В. Бартольда, после X в. Кува испытывала упадок. Это утверждение основано на том, что после X в. Кува как город не упоминается в документах, причина же

---

[7] И. Ахраров, З. И. Усманова. Бусы из Кувы, Научные труды ТашГУ, Археология Средней Азии, вып. 200, т. VI, Ташкент, 1963, стр. 86.

этого ему не была известна[8]. Интересно, что до Бабура Кува как селение тоже нигде не упоминается. Можно ли утверждать, что город пал только потому, что о нем нет никаких сведений? Мы считаем, что нельзя, тем более, что это мнение В. В. Бартольда археологически опровергается, поскольку шахристан не только имеет стену, построенную в XI в., но фиксируется ее ремонт в конце XII—начале XIII в. сырцовым кирпичом 36×18×5—6 *см,* отмеченный нами на северном, восточном и южном склонах городских стен.

Раскоп I в шахристане в верхних своих слоях содержит богатый археологический материал, относящийся к X, XI—XII и началу XIII в.

Обследование всего района показало наличие свыше 50 тепе, которые, все без исключения, в нижних горизонтах содержат слои античного времени. Примерно на 30 тепе античные слои перекрываются слоем с материалом VI—VIII вв. Средневековые слои отмечены на тепе, группирующихся близ шахристана, два из них в северо-западной части дают материал X—XII вв., особенно много сероглиняных сосудов с богатым орнаментом. На одном из этих тепе зафиксировано несколько кирпичеобжигательных печей[9]. Там же был обнаружен кирпич с эпитафией[10]. На территории к востоку и северо-востоку от шахристана обнаружено большое количество поливной и неполивной керамики IX—XIII вв. Археологическое изучение показало, что город Кува оставался городом и в XI—XII вв. Кува не упоминается в письменных источниках после X в., видимо, потому, что потеряла свой экономический и политический престиж и превратилась в город второстепенного значения.

2. Городище Кува было сравнительно благоустроено. Улицы вымощены булыжником, тротуары — рваным камнем. Тесно друг к другу стояли дома с маленькими двориками. Материалом для построек служили: сырцовый кирпич, пахса, дерево, камень. В двух домах обнаружена канализация с использованием керамических труб. В жилищах делались очаги, в айванах устанавливали тандыры для выпечки лепешек. Стены шахристана сохраняют свое значение до монгольского нашествия, и жизнь в шахристане археологически продолжается до начала XIII в. Изучение территории рабада городища Кува говорит о том, что с IX в. начинается интенсивное обживание района.

3. Раскопочные работы в шахристане городища Кува показали отсутствие каких-либо археологических находок, относящихся к периоду после монгольского завоевания. На всех раскопочных участ-

---

[8] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 132—133.

[9] И. Ахраров. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува, В сб. „История материальной культуры Узбекистана", вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 80.

[10] И. Ахраров. Средневековый кирпич с надписью. Научные работы и сообщения, кн. 7, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 220.

ках явные следы пожарищ, в комнатах беспорядочно расположена посуда, местами полы комнаты изрыты — все это свидетельства монгольского разгрома на городище. При раскопках не обнаружены человеческие кости, черепа или просто захоронения, видимо, жители Кувы были выведены за пределы города, после чего начался грабеж и затем город был сожжен.

4. Как и во многих городах Средней Азии, жизнь городища Кува после монгольского нашествия приходит в полный упадок и лишь с XIV в. возобновляется и то только на территории рабада городища X—XII вв. Кува после монгольского нашествия в письменных источниках не упоминается как город; археологические исследования показывают, что Кува с XIV в. становится селением.

5. Изучение ремесленных изделий, обнаруженных на территории городища, показало, что в Куве были на достаточно высоком уровне многие виды ремесел. В частности, глазурованные керамические изделия своими техническими данными, по свидетельству Н. С. Гражданкиной, лучше, чем аналогичная керамика Самарканда того же времени. Орнаментация этих изделий такая же, как в керамике Самарканда и Шаша, и в то же время имеется ряд орнаментов, присущих только керамическим изделиям Кувы.

Таковы некоторые результаты археологического исследования шахристана. Конечно, еще нельзя дать исчерпывающие ответы на многие интересующие нас вопросы, ибо для этого необходимо продолжать раскопочные работы не только на городище, но и в его окрестностях. Проделанная нами работа--лишь небольшая разведка такого большого, многослойного и сложного памятника, как городище Кува.

Т. М. ЮНУСОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ НИЁЗБОШИТЕПЕ

В 1971 г. была предпринята археологическая разведка Ниёзбошитепе в Янгиюльском районе Ташкентской области Узбекистана, где ранее по описанию М. М. Герасимова[1] производились археологические исследования в 1937—1938 гг. Г. В. Григорьевым.

Одним из объектов разведки был могильник Ниёзбошитепе в концевой части арыка в Янгиюльском районе.

В процессе раскопок были обнаружены три фрагментированных черепа, которые датируются на основании археологического материала В. А. Булатовой IV—V вв. н. э.

Ниже приводим индивидуальное описание этих черепов с включением измерительных данных. Для характеристики описательных признаков приводятся данные по балльной системе. Череп № 1 — мужской, старческого возраста. Антропологический тип европеоидный — гипердолихокранный с черепным указателем 68, 30 при среднем продольном диаметре 183 *мм* и очень малом поперечном диаметре 125 *мм*.

Черепная крышка имеет овоидную форму, с округло угловатым затылком, среднего размера (ширина затылка — 107 *мм*). Деформации на затылке не отмечено. Высотный диаметр (от базиона — 128 *мм*) свидетельствует о малой высоте черепа. По высотно-продольному указателю (от базиона — 69,94) череп характеризуется как низкий, а по высотно-поперечному указателю (от базиона — 102,4) как узкий череп.

Длина основания черепа очень большая (108 *мм*), высота порион-брегма очень малая (ушная высота—106 *мм*?). Малые размеры наименьшей ширины лба — 93 *мм* и наибольшей ширины лба — 111 *мм* свидетельствуют об узком лбе. Высота над супрогла-белляре равна 19,8 *мм*. Лоб по отношению к поперечному диаметру является даже широким (74,4) за счет очень малой величины поперечного диаметра. Средне наклонный лоб имеет средне выраженные надбровные дуги и средне выраженную глабеллу. Лобные бугры также выражены слабо.

---

[1] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, М., „Советская наука". 1949. стр. 120.

Ширина основания черепа (ушная ширина — 121 *мм*) имеет малый размер.

Горизонтальный профиль лица несколько сужен вперед и резко профилирован. Эта характеристика установлена на основании визуальных наблюдений (горизонтальный профиль лица — 2), и, кроме того, о сильной профилировке свидетельствует малый зигомаксиллярный угол — 126,7° и очень малый — 134,4° — назомалярный угол. Ортогнатное лицо (указатель выступания лица 92,59) не высокое по измерительному показателю верхней высоты лица (68 *мм*?) и среднее по верхнелицевому указателю (50,37?). Величины среднеширотного диаметра лица (95 *мм*) и скулового диаметра (135 *мм*) средние, а верхняя ширина лица (107,5 *мм*) характеризуется как широкая. Скулы имеют среднее выступание. Лобно-скуловой указатель (68,88) малый, а поперечный фацио-церебральный указатель 108,0 — очень большой. Длина основания лица (100 *мм*?) средняя. По соотношению верхней высоты лица со средней шириной лица (вертикальный лицевой указатель — 71,57?) лицевой отдел характеризуется как широкий. Клыковые ямки глубокие (измерительные данные: правая — 7,4 *мм* и левая — 6,7 *мм*), а визуально отнесены ко второму баллу. Длина нёба (до стафилиона) 45 *мм* и ширина нёба — 39 *мм*?, а соответственно и нёбный указатель — 86,66? — среднего размера.

Нос средне выступающий по визуальному впечатлению и по величине угла (24°), нос прямой формы с глубоким (2) и очень высоким переносьем (3), что подтверждается измерительными данными.

Дакриальная высота — 14,8 *мм*, дакриальная хорда — 22 *см*. Симотическая высота — 4,2 *мм*, симотическая хорда — 11,4 *мм* с соответственно очень большим дакриальным указателем — 67,27 и средним размером симотического указателя — 36,84. Высота носа — 53,5 *мм* и ширина носа — 28 *мм*? Отсюда носовой указатель — 52,33? большого размера, что говорит о широконосости. Надпереносье имеет сильное развитие (3—4).

Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, передне-носовая кость сломана. Ширина орбиты максилло-фронтальная — 43 *мм*, ширина орбиты дакриальная — 41 *мм* большого размера, а высота орбиты — 35 *мм*, имеет средний размер. Орбитный максилло-фронтальный указатель — 81,39 и орбитный дакриальный указатель — 85,36 констатируют глазницы средней величины.

Межглазная ширина — 21,75 *мм*, а высота над максилло-фронтальной хордой равна 6,8 *мм*. Биорбитальная ширина хорды — 101 *мм* — большая, высота назиона над биорбитальной хордой — 21,3 *мм*, очень малые размеры назомалярного указателя — 0,21 и назомалярного угла — 134,4° говорят о сильной профилированности в верхнем отделе лица. Общий лицевой угол (назион-простион) равен 90°. Развитие сосцевидных отростков выше среднего (2—3). Общий рельеф черепа средний (2).

По визуальным наблюдениям и по измерительным данным череп можно отнести к средиземноморскому типу.

Череп № 2 представлен фрагментами, переданными нам уполномоченным областного Общества охраны памятников С. Минваповым. Они очень плохой сохранности, принадлежали молодому человеку. В наличии зафиксированы: затылочная кость, фрагменты правой и левой теменных костей и части височных костей. Кости очень тонкие и хрупкие. На затылочной и на фрагментах теменных костей имеются следы искусственной кольцевой деформации. Деформация была, по-видимому, башенного типа. Кроме фрагментов черепа, в наличии фрагмент тазовой кости и фрагменты четырех ребер. Антропологический тип определить нельзя из-за отсутствия лицевых костей.

Череп № 3 очень плохой сохранности. В наличии фрагменты лобных, теменных, затылочной и правой и левой височных костей. Кроме этого, сохранились фрагменты длинных костей. Антропологический тип из-за фрагментации материала определить невозможно.

Итак, из могильника Ниёзбошитепе мы изучили всего 3 фрагментированных черепа.

Среди исследованных черепов отмечено наличие средиземноморского антропологического типа (череп № 1). Для сравнительного анализа использованы черепа из Янгиюля.

Сравнительный анализ показывает, что череп из Ниёзбошитепе ближе стоит к длинноголовым черепам Янгиюля, отличаясь от них меньшей шириной поперечного диаметра, меньшей шириной лица и большей профилированностью его (см. табл. в работе В. В. Гинзбурга)[2].

В. В. Гинзбург в исследованном краниологическом материале из-под Янгиюля[3] отмечает наличие памиро-ферганского типа с примесью южносибирского европеоидного, монголоидного и средиземноморского типов.

Таким образом, можно предполагать, что население Ниёзбошитепе Янгиюльского района в IV—V вв. н. э. в антропологическом отношении характеризовалось в основном как европеоидное.

По черепному указателю, учитывая опубликованный материал, находки подразделялись на долихоцефалов и брахицефалов. Следовательно, население, жившее на данной территории, не было однородным.

Местное население в данном периоде включило в свой состав незначительное количество пришлых элементов южносибирского типа.

---

[2] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии гуннов и саков, „Советская этнография", № 4, 1946, стр. 209; М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, стр. 122.

[3] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии гуннов и саков, стр. 207—208.

В. Я. ЗЕЗЕНКОВА

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ЧЕРЕПОВ КУВИНСКОГО КЛАДБИЩА IX—X ВЕКОВ

Раскопки на городище Кува в Ферганской области проводились под руководством В. А. Булатовой отрядом, входящим в состав Узбекистанской экспедиции, которую возглавлял академик Я. Г. Гулямов. В раскопочных работах отряда принимал участие и автор статьи. В ходе раскопок, проводившихся в течение ряда лет, было обнаружено древнее кладбище IX—X вв., которое располагалось над жилым комплексом VII — VIII вв. (обе датировки В. А. Булатовой).

Необходимо отметить плохую сохранность пропитанного солями костного материала, что выражалось в большой сыпучести костей. В связи с этим обработку, закрепление и частичную реставрацию материала приходилось производить на месте раскопа и только после этого поднимать костяк из грунта.

За время экспедиции удалось спасти и доставить в Ташкент 45 черепов, пригодных для полного или частичного измерения и описания. В тех случаях, когда костяк из-за плохой сохранности нельзя было поднять, описание и определение антропологического типа производилось на месте. Только в отдельных случаях удавалось брать длинные кости, необходимые для определения роста, а сохранившиеся крестцы и тазовые кости — для определения или уточнения пола.

До недавнего времени палеоантропологический материал по Ферганской долине насчитывался единицами, и в изучении этнического состава населения оставалось много белых пятен. В течение последнего десятилетия благодаря усилиям археологов и антропологов белые пятна частично начинают уничтожаться.

Недостаток или полное отсутствие остеологического материала по отдельным хронологическим периодам не давали возможности проследить последовательные этапы развития населения и сделать определенные выводы по его этногенезу. Накопившийся к настоящему времени ископаемый краниологический материал свидетельствует о весьма сложном этническом составе населения Ферганской долины.

Наиболее древние ископаемые остеологические материалы из уже изученных относятся к эпохе бронзы. Первые черепа этого

периода получены из Чустского поселения[1] и исследованы нами. Опубликованы сведения только по одному черепу[2], который датируется II—I тыс. до н. э. и в антропологическом отношении относится к длинноголовому европеоидному типу, а именно к древнему средиземноморскому. Ныне с этого поселения изучено 10 черепов, относящихся в основном к тому же древнему средиземноморскому типу. Исключением является один череп, который, как считает В. И. Спришевский, попал в поселение в то же время, но каких-либо следов захоронения не было найдено. Череп, видимо, юношеского возмужалого возраста с брахикранным указателем. Наличие этого брахикранного черепа можно объяснить по-разному. С одной стороны, этот череп может являться крайним вариантом, с другой, результатом просачивания какого-либо брахицефального типа и, наконец, быть примером эпохальной брахикефализации, о которой говорил неоднократно ряд исследователей[3]. Последнее, по-видимому, менее вероятно, если учесть сравнительный анализ имеющегося ископаемого краниологического материала.

Второй серией материала эпохи бронзы являются черепа из раскопок с Дальварзинского поселения, датированные II—I тыс. до н. э.[4] Они изучены В. В. Гинзбургом. Черепа отнесены к европеоидному длинноголовому типу и не выходят за пределы мезокрании[5]. Серия относится преимущественно к средиземноморскому типу.

К эпохе бронзы относится череп из могильника в районе сел. Вадиль, находящегося в 25 *км* к югу от Ферганы. Могильник, раскопанный Н. Г. Горбуновой и В. С. Гамбургом в 1954 г., датируется II тыс. до н. э. Череп, исследованный В. В. Гинзбургом[6], характеризуется как длинноголовый европеоид протоевропеоидного типа.

Таким образом, эпоха бронзы в Ферганской долине на основании имеющегося палеоантропологического материала представле-

---

[1] В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.), КСИИМК, Изд-во АН СССР, 1958; Он же. Раскопки Чустского поселения в 1956, г. СА, 1958 ,№ 3; Он же. Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы), Автореферат канд. дисс., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963.

[2] В. Я. Зезенкова. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста, Советская антропология, 1958, № 3.

[3] В. В. Гинзбург. Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов, Научные труды ТашГУ, вып. 235, новая серия, Ташкент, 1964; Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма и сопредельных областей по данным палеоантропологии, М., Изд-во АН СССР, 1962; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии, Изд-во АН СССР, новая серия, т. IV, 1948; М. Г. Абдушелишвили. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков, КСИЭ, Изд-во АН СССР, 1960.

[4] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА СССР, № 118, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.

[5] В. В. Гинзбург. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы, МИА СССР, № 118, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.

[6] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1956.

на долихокранным европеоидным типом. В последнем тысячелетии до нашей эры в ископаемом краниологическом материале отмечается наличие незначительного количества брахицефальных типов при преимуществе долихоцефальных, увеличивающееся к рубежу нашей эры.

Черепа Актамского могильника V—III вв. до н. э., находящегося в 9 *км* к югу от Ферганы, изучены В. В. Гинзбургом. Краниологический материал Актамского могильника, как отмечает Гинзбург, очень плохой сохранности и представлен отдельными фрагментами. Исследованный материал выявил долихокранных и брахикранных европеоидов с преобладанием брахикранных черепов. Аналогичные типы отмечает Гинзбург при изучении черепов Кунгайского и Суфанского могильников, раскопанных Н. Г. Горбуновой (1961) и расположенных недалеко от Актамского могильника.

К рубежу н. э. относится череп из могильника Советское I (курган 13) за Узгеном, между реками Тардарья и Кара-Кульджа, раскопанного Н. Н. Забелиной. Череп европеоидный, изучен В. В. Гинзбургом[7] и определен как тип Среднеазиатского междуречья, но смягченный и с некоторой монголоидной примесью.

Черепа из могильника Гур-мирон Наманганской области (раскопки А. Н. Бернштама) в антропологическом отношении относятся В. В. Гинзбургом к европеоидному типу с указанием на переходность от грубого гиперморфного андроновского типа к более грацильному европеоидному современному типу[8].

Черепа из Кувасая Ферганской области, извлеченные из завала Н. Г. Горбуновой, датированы среднекушанским временем (I—III вв.). Антропологический тип этих черепов относится к типу Среднеазиатского междуречья (Гинзбург, 1956).

Черепа из могильников первых веков н. э. в Ворухе Исфаринского района Ленинабадской области[9] изучены Зезенковой[10] и Кияткиной.

Среди изученных черепов констатируются типы Среднеазиатского междуречья и средиземноморский.

При строительстве канала Фархадской гидростанции возле Бекабада из Ширинсайского могильника извлечены черепа, датированные III—V вв. Они изучены М. М. Герасимовым[11], кото-

---

[7] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии...,стр. 87.

[8] Там же, стр. 89.

[9] Е. А. Давидович, В. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, Труды АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955.

[10] В. Я. Зезенкова. Предварительный отчет об исследовании краниологического материала из раскопок курганов в Ворухе (1952 г.), Труды АН ТаджССР, Археологический очерк Исфаринского района, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 215—219; Т. П. Кияткина. Предварительное определение краниологического материала из могильников в Ворухе. Труды АН ТаджССР, т. LXIII, Археологические работы в Гаджикистане в 1955 году, Сталинабад, 1956.

[11] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, М., „Советская наука", 1949.

рый отметил отсутствие типа Среднеазиатского междуречья и наличие хорасанского, уралоалтайского и европеоидно-дравидоидного типов.

К первым векам н. э. (до V в.) относятся черепа, обнаруженные при строительстве Большого Ферганского канала экспедицией под руководством М. Е. Массона. Черепа описаны автором данной статьи. Антропологическая характеристика относит их к Среднеазиатскому междуречью, южносибирским и смешанным типам[12].

Ископаемый краниологический материал VI—VIII вв. представлен фрагментами из курганного могильника у Касансая Наманганской области (раскопки под руководством А. Н. Бернштама) и одним черепом с городища древнего Касана (раскопки Ю. А. Заднепровского). По фрагментам и уцелевшему черепу констатирована европеоидность (Гинзбург, 1956).

Черепа VII—IX вв. с городища Кахкаха (Шахристан II) Ленинабадской области описаны Т. П. Кияткиной[13]. Всю серию она относит к типу Среднеазиатского междуречья, но в индивидуальной характеристике можно выделить черепа с показателями средиземноморского типа и переходного.

Один череп, извлеченный А. Н. Бернштамом при раскопках к западу от Намангана, датируемый не ранее XII в., приближается, по заключению В. В. Гинзбурга, к южносибирскому.

Краниологический материал XVII—XVIII вв. из Ак-мазара, под Қокандом, изучен Н. Г. Залкинд[14] и определяется ею как сходный с типом Среднеазиатского междуречья, но с монголоидной примесью.

Череп № 16 из могильника Советское II за Узгеном, раскопан Н. Н. Забелиной и датирован XVIII—XIX вв. Тип смешанный, между андроновским и монголоидным, и является переходным от андроновского к южносибирскому (Гинзбург, 1956).

Череп XVIII—XIX вв. н. э. с кладбища у селения Мир-рават Алтынкульского района (12-й строительный участок Большого Ферганского канала) автором определяется как средиземноморский с переходом к типу Среднеазиатского междуречья.

Черепа XVIII—XIX вв. из Кюль-тепе у ст. Хакулабад Наманганской области относятся к типу Среднеазиатского междуречья, а череп из тепе Нияз-батыр Андижанской области приближается к плосколицему варианту андроновского типа, являясь, как считает В. В. Гинзбург, переходной формой между андроновским типом и

---

[12] В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана, В сб.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 195 .

[13] Т. П. Кияткина. Краниологические материалы с городища Кахкаха (Шахристан II), Известия отд. общественных наук АН ТаджССР, вып. 1(24), 1961.

[14] Н. Г. Залкинд. Краниологические материалы с территории древнего Хорезма, ТХАЭЭ, Изд-во АН СС Р, 1952.

типом Среднеазиатского междуречья с некоторой монголоидной примесью[15].

Из раскопок на городище Дунбулак, находящемся в 5 *км* к востоку от Узгена, черепа, датированные XVIII—XIX вв., относятся к монголоидному или смешанному типу — между европеоидным и монголоидным типами[16].

Перечень опубликованного и имеющегося в нашем распоряжении ископаемого краниологического материала показывает, насколько он мал и как много еще пробелов. Кувинские черепа заполняют одно из отсутствующих звеньев в хронологической таблице и помогают, таким образом, разрешению некоторых этногенетических вопросов. Ниже приводятся описание исследованного материала с Кувинского кладбища и индивидуальные особенности изучаемых черепов.

Череп № 1 мужской, возмужалого возраста, европеоидный, гипербрахикранный с черепным указателем 87,10. Черепная коробка округлой формы с очень широким прямым лбом. Затылок округлой формы. Глубина и высота переносья большие, что подтверждается величинами дакриальной высоты — 15,3 *мм,* симотической — 5,6 *мм* и соответствующими указателями: дакриальный — 70,34, симотический — 67,47. Надбровье развито средне. Глабелла выражена сильно (3—4 по шкале Мартина). Лицевой скелет высокий, мезогнатный с средним верхнелицевым указателем (50,0). Широтные диаметры лица большие с очень большим скуловым диаметром — 148 *мм* и средневыступающими скулами. Горизонтальная профилировка средняя. Назомалярный (138,1°) и зигомаксиллярный (133°) углы говорят за профилировку, лежащую в пределах европеоидности, подходящей к переходной границе между европеоидами и монголоидами. Клыковые ямки глубокие, третьей степени, по описательной рубрикации (измерительные данные: правая 4,2, левая 5 *мм*). Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы с некоторым переходом к фосса преназалис. Нос сильно выступающий, с мезоринным носовым указателем. Такое сочетание признаков при наличии европеоидности, как гипербрахикрания в сочетании высокого лица с сильно выступающим носом, очень высоким переносьем и очень большим скуловым диаметром, говорит о включении в состав местного населения антропологического типа, близкого к древнему переднеазиатскому типу в его арменоидном варианте.

Череп № 3 мужской, возмужалого возраста, европеоидный, с брахикранным черепным указателем 82,42. Очень высокая черепная коробка эллиптической формы, с широким округлым затылком, с среднеширокими прямым лбом, с среднеразвитыми надбровными дугами и сильно развитой глабеллой. Задняя часть теменных костей вдавлена (рис. 1). Ортогнатное лицо высокое и среднеширокое

---

[15] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии..., стр. 93.
[16] Там же, стр. 94.

с большими и средними поперечными диаметрами, со средним скуловым диаметром 136 *мм*. Лицевой отдел по верхнелицевому указателю и по отношению лица к черепу в общем узкий, черепно-лицевой (90,67) — метопрозопный. Горизонтальная профилировка лица средняя по общему впечатлению, а по измерительным данным оно хорошо профилировано в средней части, зигомаксиллярный угол — 126,3°, но слабо в верхней части: назомалярный угол большой — 149,6°. Сильно выступающий нос имеет большую высоту и очень малую ширину, что дает в указателе лепторинию. Переносье высокое и глубокое с симотической высотой 5,3 *мм*, дакриальной — 13,5 *мм*. Дакриальный (61,36) и симотический (55,79) указатели большие и тоже подтверждают большую высоту переносья. Нижний край грушевидного отверстия антропинной

Рис. 1. Мужской череп № 3 в трех нормах (фас, профиль, вид сверху).. На профильном снимке ясно видна теменная искусственная деформация

формы. Отмечается, по впечатлению, альвеолярный прогнатизм. Клыковые ямки глубокие: правая 5,5, левая 5,2 *мм*.

Череп № 5 принадлежал мужчине возмужалого возраста. Антропологический тип европеоидный с гипербрахикранным указателем 90,22 при среднем продольном диаметре и очень большом поперечном. Высокая черепная крышка пентагоноидной формы с угловатым широким затылком, прямым очень широким лбом, средневыраженным надбровьем и глабеллой (2—3 по Мартину). Высокий, ортогнатный лицевой отдел средней ширины, но по верхнелицевому указателю узкий, с большим скуловым диаметром и очень большой верхней шириной лица, горизонтальная профилировка лица средняя по общему впечатлению, но зигомаксиллярный угол говорит о сильной профилировке средней части лица (122,4°), а назомалярный угол (147,4°) своей величиной говорит о малой профилированности верхней части лица, т. е. верхний отдел уплощен. Клыковые ямки глубокие (4,4 — 5,2 *мм*). Нос небольшой, средней ширины и мезоринный по носовому указателю. Выступание носа занимает промежуточное положение между сильно- и средневыступающим. Нижний край грушевидного отверстия антро-

пинной формы. Передненосовая ость среднеразвитая (2—3). Переносье среднеглубокое и высокое, о чем говорят и дакриальная (13,6 *мм*) и симотическая высоты (5,8 *мм*) и большой симотический указатель (52,73). Дакриальный указатель средней величины.

Кроме мужского скелета, в ногах над основным костяком лежал, вверх лицом, детский череп европеоидного типа, с очень глубокими клыковыми ямками и резко выступающим носом. При расчистке череп из-за очень плохой сохранности рассыпался.

Череп № 7 мужской, возмужалого возраста. Череп хорошей сохранности европеоидного типа с брахикранным указателем 82,42 при среднем продольном диаметре и большом поперечном. Очень высокая черепная крышка эллиптической формы. Широкий затылок округлой формы. Лоб прямой, широкий, с надбровьем и глабеллой средней выраженности. Левый лобный бугор травмирован при жизни. След травмирования остался в виде вмятины диаметром около 1 *см* на $^1/_2$ *см*.

Лицевой отдел мезогнатный, средней ширины и высоты со средним скуловым диаметром и с большой верхней шириной лица. Горизонтальный профиль лица по впечатлению средний, с тенденцией к суженному профилю. Видимо, такое впечатление создается за счет строения носовой области, так как зигомаксиллярный угол средний (129,7°), а назомалярный угол (144,1°) говорит о некотором уплощении в верхнем отделе лица. Клыковые ямки глубокие (правая 5, левая 5,5 *мм*). Нос высокий и узкий с лепторинным указателем (42,5). Выступание носа большое, о чем свидетельствует большой угол носовых костей (38°). Передненосовая ость средняя, нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Переносье глубокое, примерно средней высоты. Дакриальная (11,2 *мм*) и симотическая (4 *мм*) высоты также свидетельствуют о средней высоте, но большие соответствующие указатели — дакриальный 58,18 и симотический — 72,07 — показывают на большую высоту переносья.

Череп № 8 принадлежал мужчине возмужалого возраста. По типу череп европеоидный, но от предыдущих черепов отличается своим черепным указателем 74,47, относится к типично долихокранному типу (рис. 2). При большом продольном диаметре отмечается малый поперечный диаметр. Высокая черепная крышка имеет яйцевидную форму с широким округлым затылком. По впечатлению, лоб кажется несколько наклонным, но лобный угол не подтверждает этого, так как равен 83. Надбровье (2—3) и надпереносье (4 степень) развиты сравнительно сильно. Лицевой отдел ортогнатный, средний по верхнелицевому указателю, со средними высотными диаметрами и большими широтными, включая скуловой, равный 139,5 *мм*. Горизонтальная профилировка лица средняя с тенденцией к суженному профилю. Эта суженность, видимо, создается за счет строения носового отдела. Зигомаксиллярный угол средний (130,8°) и назомалярный угол средней величины (139,4°). Клыковые ямки по сравнению с уже описанными черепами менее глубо-

кие (правая 3,5, левая 3,4 *мм*). Носовой отдел низкий и широкий, что дает при соотношении платиринию. Нос сильно выступающий, что подтверждает совокупность признаков: по общему впечатлению, по углу выступания — 34° и по сильному развитию носового шипа (3—4 по шкале Брока). Переносье глубокое и высокое с дакриальной высотой 15,2 *мм* и симотической 4 *мм*, с большим дакриальным (60,08) и средним симотическим (41,67) указателями. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Перечисленная характеристика признаков дает основание отнести данный череп к средиземноморскому типу.

Череп № 9 определен как мужской, зрелого возраста, европеоидного типа с брахикранным указателем черепа (82,45) при большом продольном и очень большом поперечном диаметре. Череп-

Рис. 2. Мужской череп № 8 в трех нормах.

ная коробка эллиптической формы, высокая, с округлым затылком значительной ширины и с очень широким прямым лбом. Развитие глабеллы и надпереносья слабое. Лицо очень высокое (80), узкое по верхнелицевому указателю (58,82) и ортогнатное по указателю выступания лица. Верхняя ширина лица очень большая (113 *мм*), средняя ширина лица и скуловой диаметр (136 *мм*) средние. Лицо сильно профилированное в горизонтальной плоскости средней части лица (зигомаксиллярный угол 123,3°) и меньше в верхней части лица (назомалярный угол 142,3°). Клыковые ямки очень глубокие (правая 7,4 и левая 9 *мм*). Сильно выступающий нос высокий и узкий, лепторинный по носовому указателю. Передненосовая ость хорошо развита (3—4 степень), нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Нос с среднеглубоким, высоким переносьем, что подтверждается дакриальной (13,5 *мм*) и симотической (5,5 *мм*) высотами, дакриальным (54,88) и симотическим (50) указателями.

Череп № 11 принадлежал мужчине возмужалого возраста, европеоидного типа, гипербрахикранного по черепному указателю 88,48.

Величина продольного диаметра средняя, а поперечного очень большая (157,5). Невысокая черепная крышка бризоидной формы с очень широким округлым затылком. Слегка наклонный лоб широкий с незначительно выраженным надбровьем и среднеразвитым надпереносьем (3 степень по Мартину). Ортогнатный лицевой отдел высокий и узкий по верхнелицевому указателю, со средней скуловой шириной 136 *мм,* большой верхней шириной лица и умеренной средней шириной. Горизонтальная профилировка средняя. Не противоречат этому и зигомаксиллярный и назомалярный углы (133,2 и 141,4°). Клыковые ямки средней глубины (правая 4,6, левая 3,6 *мм*). Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, а нос сильно выступающий с передненосовой остью среднего развития (4 степень). Переносье среднеглубокое и очень высокое. Дакриальная высота 14 *мм,* симотическая 6 *мм* и соответственно очень большие указатели (63,63 и 61,54).

Череп № 13 мужской, ранневозмужалого возраста. Антропологический тип европеоидный, долихокранный с черепным указателем 70,83 при среднем продольном и очень малом поперечном диаметре. Черепная крышка овальной формы, средней высоты. Затылок округло-угловатый. Узкий прямой лоб имеет средне выраженные надбровные дуги и слабо выраженную глабеллу. Горизонтальный профиль лица несколько сужен вперед и резко профилирован с зигомаксиллярным углом 124,2° и назомалярным — 139,6°. Лицо ортогнатное, низкое и узкое по верхнелицевому указателю с малым скуловым диаметром и малыми и средними широтными диаметрами лица. Клыковые ямки глубокие (правая 5, левая 4,5 *мм*). Нос сильно выступающий, выпуклой формы, с глубоким и очень высоким переносьем. Дакриальная высота — 14,5 *мм,* симотическая — 7,2 *мм* и соответственно очень большой дакриальный (79,23) и симотический (69,44) указатели. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, передненосовая ость средне развитая (3). Строение носового отдела говорит о некоторых элементах хорасанского типа на основе средиземноморского типа.

Череп № 15 принадлежал мужчине возмужалого возраста. По типу череп европеоидный с брахикранным черепным указателем 81,76. Черепная коробка эллиптической формы с округлым затылком средней ширины, с прямым среднешироким лбом. Надбровье и глабелла имеют среднее развитие (3 степень по шкале Мартина). Лицо ортогнатное, узкое по верхнелицевому указателю. Широтные диаметры лица средние или малые, в том числе малый скуловой диаметр (127 *мм*). Горизонтальный профиль лица сужен вперед и резко профилирован, особенно в средней части лица, о чем говорит зигомаксиллярный угол 121,1°, а назомалярный угол — 144,1° указывает на отсутствие резкой профилировки в верхнем отделе лица. Величина назомалярного угла лежит в пределах между монголоидными и европеоидными группами. Глубина клыковых ямок большая (правая 5,6, левая 7 *мм*). Носовой отдел сильно выступает и имеет очень высокое и глубокое переносье. Дакриальная

(15,4 *мм*) и симотическая (8,8 *мм*) высоты, большие и дакриальный (71,11) и симотический (60,23) указатели подтверждают очень большую высоту переносья. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, передненосовая ость средняя (3 степень по Брока).

Череп № 20 относится к мужскому черепу возмужалого возраста. Антропологический тип европеоидный, долихокранный, с черепным указателем 74,80. Высокая черепная крышка эллиптической формы с округлым затылком и покатым лбом (2) средней ширины. Надбровье и глабелла (3) имеют среднее развитие. Лицевой отдел высокий и узкий по верхнелицевому указателю, ортогнатный по указателю выступания лица. Поперечные диаметры средней величины, в том числе скуловой диаметр 135 *мм*. Горизонтальный профиль лица сужен к носу и хорошо профилирован, что подтверждают и зигомаксиллярный (125,5°), и назомалярный (140,2°) углы. Средняя часть лица профилирована сильнее верхнего отдела. Клыковые ямки глубокие (правая 6,8, левая 5,3 *мм*). Нос сильно выступающий с средне-глубоким и высоким переносьем. О большой высоте переносья свидетельствуют большая дакриальная (14,9 *мм*), симотическая (8,85 *мм*) высоты и очень большие симотический (89,23) и дакриальный (79,46) указатели. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, а предносовая ость средней выраженности (3). Антропологический тип близок к средиземноморскому.

Череп № 17 принадлежал мужчине возмужалого возраста, европеоидного типа, брахикранного по головному указателю (85,39), со средним продольным диаметром и очень большим поперечным. Черепная коробка эллиптической формы, очень высокая, с широким округлым затылком и прямым лбом. Надпереносье и глабелла средней выраженности (3). Средне-высокое ортогнатное лицо очень узко по верхнелицевому указателю, с большим скуловым диаметром. Горизонтальный профиль лица средний по общему впечатлению. Верхний отдел, по сравнению с предыдущими черепами, наиболее профилирован (назомалярный угол 137,6°). Зигомаксиллярный угол показывает на среднюю профилированность (131,6°). Клыковые ямки глубокие (правая — 5, левая 4,5 *мм*). Средней величины нос, сильно выступающий с высоким переносьем. Дакриальная высота — 12,3 *мм*, симотическая — 5,4 *мм*. Дакриальный указатель средний — 52,56, а симотический большой — 50,94.

Череп № 22, видимо, принадлежал мужчине. Сохранилась только черепная крышка брахикранного типа, с указателем — 82,61. Лоб прямой и очень широкий. Ушная ширина очень большая и, видимо, очень большой скуловой диаметр (около 144 *мм*).

Череп № 2 принадлежал женщине преклонного возраста. Антропологический тип европеоидный с гипербрахикранным указателем (96,36), при малом продольном диаметре и очень большом поперечном. Черепная коробка бризоидной формы с угловатым очень

широким затылком и покатым широким лбом. Надбровные дуги и надпереносье развиты слабо (1). Высота черепа небольшая. Ортогнатное лицо имеет малую верхнюю ширину и большую среднюю с большим скуловым диаметром. Горизонтальный профиль лица, по общему впечатлению, средний, но по назомалярному углу — 137,4° и зигомаксиллярному — 125,2°. Лицевой отдел в верхнем и среднем отделе сильно профилирован. Клыковые ямки глубокие (правая 4,9, левая 4,5 *мм*). Платиринный нос значительно выступает и имеет высокое переносье. Об этом свидетельствуют дакриальная (13,6 *мм*) и симотическая (6,3 *мм*) высоты и дакриальный (72,34) и симотический (61,16) указатели. Передненосовая ость развита слабо (2), а нижний край грушевидного отверстия переходной формы — между антропинной и фосса преназалис. Альвеолярный край верхней челюсти сильно стерт, что является результатом возрастного изменения.

Череп № 4 женский, возмужалого возраста. Череп европеоидного брахикранного типа, с черепным указателем 82,66 при среднем продольном диаметре и большом поперечном. Невысокая черепная крышка пентагоноидной формы с округлым затылком и с прямым узким лбом. Надбровье развито слабо, глабелла также незначительна (2). Ортогнатное средней величины лицо со средними широтными диаметрами (в том числе скуловым диаметром 126 *мм*). Выступание скул слабое. Горизонтальная профилировка по общему впечатлению средняя, но по измерительным данным и соответствующим углам вырисовывается весьма интересная картина. Зигомаксиллярный угол (128,3°) говорит о достаточной профилированности, тогда как назомалярный угол (150,2°) указывает на плоскую профилировку в верхнем отделе лица. Клыковые ямки средней глубины: величина правой 2 (?), левой 3,2 *мм*. Нос платиринный, со средней высотой и большой шириной. Выступание носа, по впечатлению, занимает промежуточное положение между средне и сильновыступающим. Верхняя часть носовых костей сломана и измерений, следовательно, не произведено. Передненосовая ость сильно разбита (4—5 степень), а нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Строение носового шипа указывает на сильное выступание носа.

Череп № 18, по-видимому, относится к женскому черепу возмужалого возраста. Череп европеоидный, гипербрахикранного типа, с указателем 87,04 при очень малом продольном и большом поперечном диаметре. Черепная крышка пентагоноидной формы с округлым широким затылком и средне-широким, слегка наклонным лбом. Надбровье и глабелла слабовыраженные (2). Лицевой отдел ортогнатный с малой верхней шириной и средним скуловым диаметром (124 *мм*). Маленький узкий нос лепторинный по носовому указателю, выступает сильно и имеет высокое переносье. Дакриальная высота — 12,2 *мм*, симотическая — 5,6 *мм*. Указатели очень большие, что говорит о большой высоте переносья: дакриальный указатель 68,54 и симотический 87,50. Создается впечатление,

что горизонтальная профилировка сильная и сужена кпереди. Зигомаксиллярный угол — 130,8° и назомалярный — 142,0° показывают скорее на среднюю профилированность лица. Впечатление суженности получается, видимо, благодаря совокупности строения верхней челюсти с носовой частью. Передненосовая ость имеет среднее развитие (3), а нижний край грушевидного отверстия антропинной формы.

Череп № 10 принадлежал женщине возмужалого возраста, европеоидного типа. Черепная коробка расплюснута, восстановить ее невозможно. Лицевой отдел средней высоты. Верхняя ширина лица средняя. Диаметр средней ширины лица большой. Назомалярный угол очень большой и свидетельствует о плоской профилировке верхней части лица. Зигомаксиллярный угол — 133,3° — дает среднюю профилировку. Клыковые ямки очень глубокие, правая 12, левая 0,5 (?) *мм*. Маленький нос лепторинный, выступающий, с высоким переносьем. Дакриальная (12,5 *мм*) и симотическая высота (5,2 *мм*) очень большие и соответственно велики указатели: дакриальный — 59,52, симотический — 57,78. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы.

Череп № 12, видимо, принадлежал женщине возмужалого возраста. По типу череп относится к брахикранному европеоиду, с головным указателем 81,71, с малым продольным диаметром и средним поперечным. Черепная коробка высокая, пентагоноидной формы с округлым затылком и средне широким, средненаклонным лбом. Выраженность надбровья (2) и надпереносья (2—3) средняя. Горизонтальный профиль лица по общему впечатлению средний. Зигомаксиллярный (133,3°) и назомалярный (144,1°) углы не противоречат этому впечатлению. Клыковые ямки глубокие (правая 0,6, левая 4,9 *мм*). Мезоринный нос сильно выступающий, с высотой переносья, занимающей промежуточное положение между низким и высоким. Дакриальная высота — 10,5 *мм* — большая; соответственно большой дакриальный указатель — 52,50. Симотическая высота низкая — 2,2 *мм*, а симотический указатель — 67,29 — является средним по величине. Передненосовая ость развита средне (3). Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы.

Череп № 19 принадлежал женщине зрелого возраста. Тип европеоидный, мезокранный, с указателем 77,37 при большом продольном диаметре и среднем поперечном. Высокая черепная крышка пентагоноидной формы, с округлым затылком и покатым средней ширины лбом. Ортогнатное лицо, узкое по верхнелицевому указателю, имеет большую верхнюю ширину и средний зигомаксиллярный диаметр. Скуловой диаметр (127 *мм*) средний по величине. Горизонтальный профиль по общему впечатлению кажется суженным кпереди. Зигомаксиллярный угол — 132,1° — средний по величине, а назомалярный очень маленький — 134,2°, говорящий о значительной профилировке верхней части лица. Клыковые ямки глубокие: правая 5,2, левая 8,5 *мм*. Носовой отдел мезокранный со

средними величинами. Выступание носа сильное со среднеглубоким и высоким переносьем. Дакриальная высота очень большая — 12,7 *мм,* с соответствующим указателем — 65,17. Симотический указатель (30,30) средний, хотя высота — 4,7 *мм* — большая. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Антропологический тип приближается по строению черепа к средиземноморскому типу.

Череп № 6 отнесен к женскому, зрелого возраста. По типу череп относится к европеоидному брахикранному, с указателем 84,18 при большом продольном диаметре и очень большом поперечном. Череп высокий с черепной крышкой пентагоноидной формы. Затылок средней ширины и угловатый по форме. Лоб прямой, средней ширины, со средне выраженным надбровьем и слабо выраженной глабеллой (1). Лицевой отдел узкий с малыми поперечными диаметрами и малым скуловым диаметром 120 (?). Горизонтальная профилировка, по общему впечатлению, средняя. Зигомаксиллярный угол не удалось измерить, а назомалярный — 142,6° — не противоречит визуальному определению. Клыковые ямки средней глубины, правая 3,8 *мм.* Левую измерить нельзя. Носовой отдел сильно разрушен. Левая носовая косточка и носовой отросток верхней челюсти сломаны. Правая носовая кость сохранилась неполностью. По впечатлению нос средневыступающий, с высоким и среднеглубоким переносьем. Дакриальный указатель очень большой (65,17) при большой высоте (11,67 *мм*) и симотический указатель очень большой (78,57) при очень большой высоте — 5,57 *мм* (измерения взяты по сохранившейся половине носовой кости).

Череп № 23 принадлежал женщине возмужалого возраста, гипербрахикранного европеоидного типа с черепным указателем 86,29 при среднем продольном диаметре и очень большом поперечном. Высокая черепная крышка эллиптическо-пентагоноидной формы, с угловатым очень широким затылком и прямым очень широким лбом. Надбровье и надпереносье слабо развиты (1). Ортогнатное и узкое лицо по верхнелицевому указателю, средне-профилированное по общему впечатлению. Зигомаксиллярный угол — 129,3° свидетельствует о сильной профилировке средней части лица, а назомалярный — 148,3° — о плоской профилировке верхней части лица. Таким образом, верхняя и средняя профилировка различается довольно сильно. Клыковые ямки глубокие: правая 5,6, левая 5 *мм.* Лепторинный нос очень высокий, средней ширины, по-видимому, имел среднее выступание. Переносье неглубокое, средней высоты по визуальному определению. Измерений, определяющих высоту переносья, сделать не представилось возможности.

Череп № 14 принадлежал женщине возмужалого возраста, европеоидного и брахикранного типа, с указателем 80,70 при среднем продольном и поперечном диаметре. Череп высокий с пентагоноидной формой черепной крышки, с угловатым затылком и прямым среднеширокim лбом. Надпереносье (1—2) и надбровье слабо развиты. Ортогнатное лицо по верхнелицевому указателю

узкое при малых и средних диаметрах лица. Скуловой диаметр также мал — 121 (?) *мм*. Профилировка лица средняя. Зигомаксиллярный угол — 131,9° — не противоречит этому определению. Назомалярный угол — 148,5° — указывает на плоский профиль верхней части лица. Клыковые ямки неглубокие, что сказывается и на измерении — правая 1,8 *мм*, левую измерить невозможно. Нос мезоринный, с большой высотой и малой шириной носа. Выступание носа среднее или с переходом к сильному. Переносье среднеглубокое и высокое, с дакриальной высотой 12 *мм* и дакриальным указателем 59,25. Нижний край грушевидного отверстия инфантильно-антропинной формы.

Череп № 21 отнесен к женскому, возмужалого возраста. Череп европеоидный гипербрахикранный. Измерений сделать нельзя, так как затылочная кость разрушена. Лицевая часть также сохранилась неполностью. Лоб очень широкий. Профилировка лица средняя: по зигомаксиллярному углу — 131,4° и плоская в верхней части лица. Назомалярный угол — 148,9°. Клыковые ямки глубокие: правая 4,2, левая 5 *мм*. Нос лепторинный при средней высоте и малой ширине. Выступание носа среднее, возможно даже сильное. Предносовой шип развит средне (3?). Скуловая ширина большая — 132 *мм*. Лицо очень высокое и узкое по верхнелицевому указателю. Высота переносья большая, что подтверждается и измерительными данными. Дакриальная высота — 13 *мм* с указателем 59,09, а симотическая — 7 *мм* с указателем 70,00.

Череп № 16 весьма плохой сохранности, при прикосновении он рассыпался в порошок. Описание и определение антропологического типа пришлось сделать в полевых условиях визуальным методом. Череп определен как мужской, возмужалого возраста, европеоидного типа. Черепная коробка приплюснута в теменной области и в верхней части затылочной кости, что, по-видимому, является результатом искусственного деформирования головы. Череп эллиптической формы с прямым лбом, из-за приплюснутости теменных костей, по впечатлению, очень низкий. Лоб широкий с развитыми лобными буграми (2) и надбровными дугами (2). Глабелла среднеразвитая (3). Выступающий нос с высоким и среднеглубоким переносьем и с антропинной формой грушевидного отверстия. Нос высокий, имел среднюю ширину. Носовой шип среднеразвитый (3). Клыковые ямки глубокие (2—3 степень). Скулы средневыступающие. Горизонтальный профиль лица средний. Глазницы высокие, эллиптической формы. Общая выраженность рельефа средняя.

Череп № 24 принадлежал, видимо, мужчине зрелого возраста европеоидного типа. Череп гипердолихокранный с черепным указателем 69,06, при среднем продольном диаметре 181 *мм*. Черепная крышка овальной формы с небольшим округлым затылком и, возможно, средне наклонным лбом с сильно выраженным надпереносьем (4) и средне выраженным надбровьем. Развитие сосцевидных отростков и общего рельефа среднее.

Горизонтальный профиль лица сужен (3), резко профилирован в средней части лица, о чем свидетельствуют очень малый зигомаксиллярный угол — 121,2° и назомалярный угол — 136,4°. Ортогнатное лицо — гиперлептопрозопное по черепно-лицевому указателю и мезопрозопное по верхнелицевому указателю, с малым скуловым диаметром 130 *мм* и большой средней шириной лица 102 *мм*. Клыковые ямки глубокие (правая 5,3, левая 4,2 *мм*). Нос сильновыступающий, выпуклой формы, с глубоким и высоким переносьем. Дакриальная высота очень большая — 14,2 *мм*, симотическая—4,4 *мм* и соответственно очень большие дакриальный (66,62) и симотический (59,46) указатели. Передняя носовая ость (слегка надломлена), по-видимому, сильно развита (3—4?). Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты средней величины.

Тип по визуальному впечатлению и измерительным данным средиземноморский (ее восточная ветвь).

Череп № 25 определен как мужской, возмужалого возраста. Череп по типу — европеоидный, брахикранный, с черепным указателем 80,53, при большом продольном диаметре 190 *мм*. Черепная коробка очень высокая — 145 *мм*, пентагоноидной формы, с широким средненаклонным лбом. Надбровья развиты средне. Глабелла выражена сильно (3—4). Широкий затылок имеет угловатую форму. Сосцевидные отростки сильно развиты (3). Общий рельеф средний (2—3). Лицевой скелет высокий (верхняя высота лица — 76 *мм*), ортогнатный, с лептопрозопным верхнелицевым указателем 55,07 и метопрозопным черепнолицевым указателем 90,20. Широтные диаметры лица большие с большим скуловым диаметром 138 *мм* и средневыступающими скулами (1—2). Горизонтальная профилировка, по визуальному определению, приближается к суженному типу (2—3). Зигомаксиллярный угол малый — 125,4°, говорящий о резкой профилировке лица в средней части, верхняя же часть лица профилирована меньше, так как назомалярный угол большой — 146,2°. Клыковые ямки глубокие: левая 6,6, правая 5,7 *мм*. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, с сильно развитой переднеиосовой остью (5). Нос сильновыступающий, прямой, с мезоринным носовым указателем, среднеглубоким (2) и высоким переносьем, о чем свидетельствуют очень большая дакриальная (15 *мм*) и симотическая высота (4,8 *мм*). Орбиты средней величины. Визуально тип определен как средиземноморский. Повышение черепного указателя к брахицефалии в совокупности с такими признаками, как большие высота и ширина лица, сильно выступающий нос с высоким переносьем, дает основание предполагать включение в древний средиземноморский тип широколицевого, брахицефального европеоидного типа, по-видимому, кавказско-арменоидного.

Череп № 26 мужской, возмужалого возраста, европеоидный, с гипербрахикранным черепным указателем 89,83. Очень высокая черепная коробка сфероидной формы с округлым затылком, с ши-

роким прямым лбом, с среднеразвитыми надбровными дугами и очень сильно развитым надпереносьем (5). Общий рельеф и сосцевидные отростки имеют среднее развитие с тенденцией к сильному (2—3). Отмечается некоторая приплюснутость теменных костей в задних областях. Ортогнатное лицо очень высокое — 79 *мм,* узкое по верхнелицевому указателю — 56,43 и мезопрозопное по черепно-лицевому указателю. Абсолютные величины широтных диаметров лица большие, скуловой диаметр—140 *мм* со средним выступанием скул. Горизонтальная профилировка визуально представляется в общем как средняя. Измерительные же данные указывают на резкую профилированность в средней части лица, где зигомаксиллярный угол равен 125,8°, и на сильное уплощение верхнего отдела лица, на что указывает назомалярный угол — 153,2°. Клыковые ямки глубокие: 6,4 *мм* левая, 6 *мм* правая. Средневыступающий нос имеет большую высоту и среднюю ширину, что дает в указателе лепторинию. Переносье среднеглубокое и высокое. Большая высота переносья подтверждается очень большими дакриальной высотой (15), дакриальным (69,44) и симотическим (57,14) указателями при высоте 4 *мм.* Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму, а передненосовая ость — среднее развитие (3). Орбиты высокие. По впечатлению, антропологический тип является переходным к типу Среднеазиатского междуречья.

Череп № 27 принадлежал мужчине возмужалого возраста, европеоидного типа с брахикранным указателем 84,41 при большом продольном диаметре 186 *мм.* Средней высоты черепная крышка имеет пентагоноидную форму с округлоприплюснутым затылком, прямым широким лбом, средневыраженными надбровьем и глабеллой (3). Верхняя часть чешуи затылочной кости и задняя часть теменных костей приплюснута. По-видимому, накладывалась деформирующая повязка, которая сдвинулась на затылочную область. Ортогнатный лицевой отдел высокий, средней ширины по среднеширотному диаметру и по верхнелицевому указателю (54,04), с большим скуловым диаметром (137?) и большой верхней шириной лица. Лицо мезопрозопное, по черепнолицевому указателю 87,26. Горизонтальная профилировка лица сильная в средней части, где зигомаксиллярный угол равен 125,8°, и незначительная в верхней части — назомалярный угол равен 145,3°. Клыковые ямки очень глубокие: левая 9, правая 6,1 *мм.* Сильно выступающий нос с выпуклым профилем, в нижней своей части имеет большую высоту и малую ширину, что отражается на лепторинном указателе — 42,59. Переносье среднеглубокое и высокое. Дакриальная высота 12 *мм,* а указатель 70,18. Симотический указатель 64,47 при 4,9 *мм* высоты. Орбиты средневысокие. Тип переходный к типу Среднеазиатского междуречья от средиземноморского с включением широколицего европеоидного брахикранного типа с сильно выступающим носом.

Череп № 28 относится к мужскому. Возраст возмужалый. Череп европеоидного типа с гипербрахикранным указателем 87,43 при

малом продольном диаметре 175 *мм*. Очень высокая черепная крышка — 145 *мм* — сфероидной формы. Затылок округлой формы. Лоб прямой, широкий, с надбровьем средней выраженности и значительно выраженной глабеллой (3—4). Сосцевидные отростки также сильно выражены, а общий рельеф занимает промежуточное положение между средним и сильным (2—3). Лицевой отдел ортогнатный очень высокий — 78 *мм*, узкий по верхнелицевому указателю — 57,35, со средней шириной лица и большой верхней шириной. Лицо мезопрозопное по черепнолицевому указателю. Горизонтальный профиль лица хорошо профилирован, зигомаксиллярный угол 127,2°, назомалярный угол — 135,2°. Клыковые ямки глубокие: правая 6,3, левая 5,6 *мм*. Выступающий нос очень высокий — 58 *мм*, с лепторинным указателем 44,83, глубина и высота переносья средние, с дакриальной высотой 12,1 *мм* и указателем 46,29 и очень большой симотической высотой — 5 *мм* и указателем — 41,67. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты средневысокие. По орбитному указателю отмечается мезоконхия 79,07. Общий антропологический тип приближается к типу Среднеазиатского междуречья.

Череп № 29 принадлежал мужчине зрелого возраста. По типу череп европеоидный с ультрабрахикранным указателем 91,40, при большом продольном диаметре 186 *мм*. Средневысокая черепная крышка имеет сфероидную форму и округлоугловатый затылок. Лоб прямой с среднеразвитыми надбровьем и переносьем (3). Теменные кости и верхняя часть чешуи затылочной кости приплюснуты в результате сильной искусственной деформации (рис. 3). Лицевой отдел ортогнатный, мезопрозопный по лицевому указателю 52,45, с большим высотным диаметром — 75 *мм* и большими широтными диаметрами. Самым большим среди них является скуловой диаметр — 143.

По фацио-церебральному указателю — 84,12 — отмечается эурипрозопия. Горизонтальная профилировка лица средняя, с большим зигомаксиллярным углом — 137,4° и средним назомалярным углом — 144,7°. Клыковые ямки очень глубокие: левая 6,6, правая 8,2 *мм*. Средневыступающий нос с легкими выпуклостями профиля имеет очень большие высоту и ширину — 29 *мм*, что дает по носовому указателю (53,70) платиринию. Носовой шип имеет сильное развитие (4). Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Переносье не глубокое, но высокое. Дакриальный указатель большой — 57,97 при высоте 12 *мм*, а симотический средний — 38,71 при высоте 4,8 *мм*. По орбитному указателю отмечается мезоконхия 79,07. Уточнить антропологический тип трудно из-за мозаичного сочетания признаков: ультрабрахикрания, очень большая ширина лица, большая высота, очень глубокие клыковые ямки и специфическое строение носа.

Череп № 30 принадлежал мужчине возмужалого возраста, европеоидного типа, мезокранного по черепному указателю 78,45 при среднем продольном диаметре 181 *мм*. Очень высокая черепная

крышка пентагоноидной формы с широким округлым затылком. Широкий сильно покатый лоб с выраженным надбровьем (2—3) имеет сильно развитое надпереносье (4). Общая форма черепной

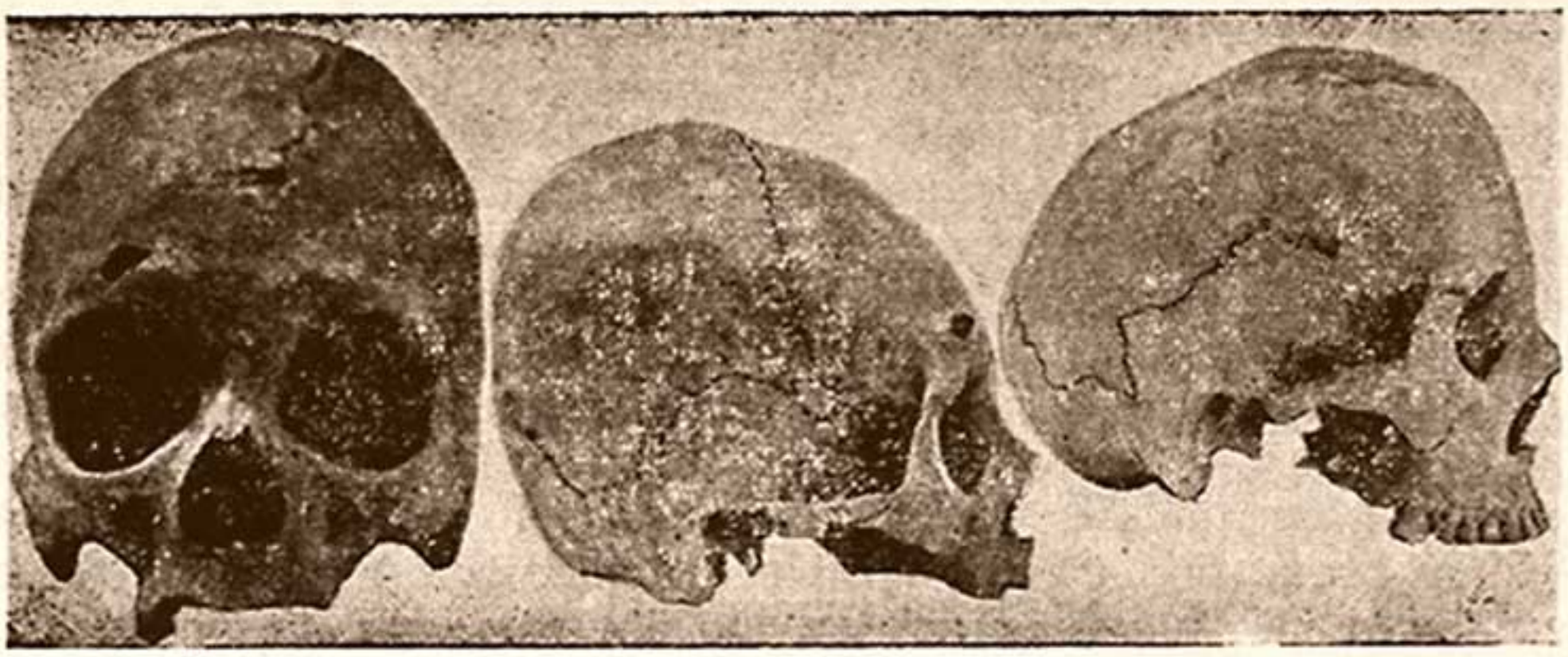

Рис. 3. Женский череп № 44 в двух нормах. Справа мужской череп № 29 с затылочно-теменной деформацией (ср. с недеформированным черепом № 44).

крышки напоминает черепа с искусственной кольцевой деформацией, но явных следов кольцевой деформации на данном черепе не прослежено, можно только угадывать, как могла проходить коль-

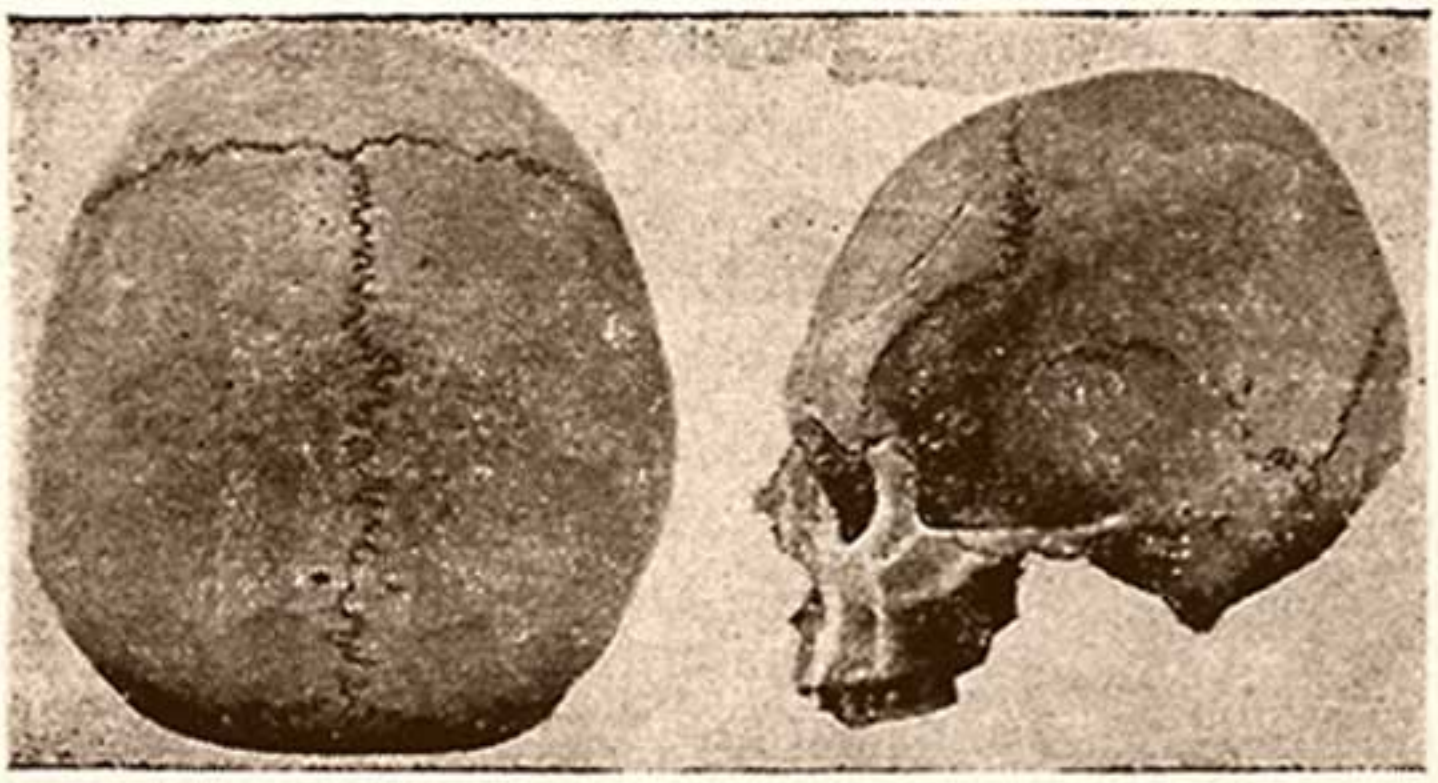

Рис. 4. Мужской череп № 30 в двух нормах.

цевая перетяжка по лобной и затылочной костям (рис. 4). Лицевой отдел ортогнатный, средней ширины. Лицо очень высокое — 78 *мм*, с большим скуловым диаметром (139 *мм*) и с большой верхней шириной лица. По верхнелицевому указателю (56,12) лицевой отдел лептопрозопный, а по фацио-церебральному указателю — гиперлептопрозопный. Лицо сильно профилировано, что подтверждается зигомаксиллярным углом 126,1° и назомалярным 138,4°. Клыковые ямки глубокие: правая 7,2, левая 6 *мм*. Сильно высту-

пающий выпуклый нос высокий — 55 *мм* с мезоринным указателем 47,27. Переносье глубокое и высокое: дакриальная высота очень большая — 15,2 *мм* и соответственно очень большой указатель — 73,25; симотический указатель большой — 50,94 при очень большой высоте — 5,4. Нижний край грушевидного отверстия имеет форму предносовой ямки (фосса преназалис). Орбиты мезоконхные 77,27. Общий тип средиземноморский, а сочетание большой верхней и скуловой ширины лица, очень большой высоты, сильной профилированности с сильно выступающим выпуклым носом и высоким переносьем дает основание предполагать примесь арменоидного варианта европеоидной расы.

Череп № 31 принадлежал, по-видимому, мужчине возмужалого возраста. Антропологический тип европеоидный с брахикранным указателем 85,08, при среднем продольном диаметре 181 *мм*. Высокая черепная крышка имеет пентагоноидную форму с угловато-округлым и среднешироким затылком. Лоб очень широкий, прямой, с надбровьем и надпереносьем (3) средней выраженности. Теменные кости черепной крышки приплюснуты в результате искусственной деформации. След деформации менее выражен, чем на предыдущих черепах и ассиметричен. Ортогнатное лицо высокое (76 *мм*), с большой верхней шириной лица (111 *мм*) и средними величинами скулового (136 *мм*) и среднеширотного диаметров. По верхнелицевому указателю (55,88) лицевой отдел относится к типу лептен, а по фацио-церебральному указателю — к типу мезопрозопии с резко выраженной горизонтальной профилировкой лица. Последняя подтверждается малыми величинами зигомаксиллярного (115,3°) и назомалярного (129,5°) углов. Клыковые ямки очень глубокие; левая 8, правая 6,5 *мм*. Лепторинный нос с указателем 45,45, сильно выступающий, со среднеглубоким и высоким переносьем. Дакриальная (13 *мм*) и симотическая (5 *мм*) высоты большие, но они сочетаются с большими широтами, что выражается в малых величинах указателей: дакриальный 42,62, симотический 34,13. Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму, а передненосовой шип — среднюю выраженность (3). Орбиты по указателю мезоконхные 83,33. Антропологический тип черепа приближается к типу Среднеазиатского междуречья, но отличается от него резкой профилированностью лица.

Череп № 32 мужской, возмужалого возраста, европеоидного типа, имеет брахикранный головной указатель 85,56. Черепная крышка сфероидной формы, с округлым затылком и прямым лбом. Надбровье и надпереносье (2) выражены слабо. Высокое лицо — 76 *мм* — мезопрозопное, по фацио-церебральному указателю 88,31 со средними величинами широтных диаметров лица. Скуловой диаметр равен 136 *мм*. Горизонтальный профиль лица по визуальному впечатлению можно определить как переходный от среднего к суженному (2—3). Измерительные данные также дают среднюю величину зигомаксиллярного угла — 132,7° и малую для назомалярного — 137°. Клыковые ямки глубокие: правая 6,8,

левая 7,1 *мм*. Нос средневыступающий, слегка выпуклый, мезоринный, по носовому указателю 49,06 при средних высотных и широтных величинах. Глубина и высота переносья, по впечатлению, средние, со средним дакриальным указателем 49,38 при большой дакриальной высоте — 12 *мм* и симотическим указателем 46,49 при очень большой симотической высоте — 5 *мм*. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты средние, по орбитному указателю 82,50, мезоконхные при малой высоте орбиты 33 *мм*. По совокупности всех данных антропологический тип приближается к типу Среднеазиатского междуречья.

Череп № 33 принадлежал мужчине возмужалого возраста европеоидного типа с гипербрахикранным указателем 87,01 при малом продольном диаметре 177 *мм* и очень большом поперечном. Высокая черепная крышка сфероидной формы с очень широким (121 *мм*) округло-угловатым затылком. Отмечается затылочно-теменная деформация, напоминающая деформацию от бешика. Задняя часть теменных костей и верхняя часть чешуи затылочной кости приплюснуты. Широкий средненаклонный лоб имеет среднее надбровье (2) и выраженное надпереносье (4). Ортогнатное высокое лицо — 75 *мм*. Лептопрозопное по верхнелицевому указателю и мезопрозопное по фацио-церебральному указателю со средними широтными диаметрами. Скуловой диаметр равен 136 *мм*. Горизонтальная профилировка средняя при зигомаксиллярном угле 133,1° и назомалярном 141,1°. Клыковые ямки глубокие: правая 7, левая 5,4 *мм*. Мезоринный нос выступает сильно. Переносье глубокое и высокое, с большим дакриальным указателем 55,31 при большой высоте — 12,5 *мм* и с очень большим симотическим указателем (62,65) при очень большой высоте — 5,2 *мм*. Грушевидное отверстие имеет антропинную форму, передненосовой шип средней выраженности (3) и приподнят кверху. Орбиты по орбитному указателю 85,00, высокие при среднем высотном диаметре 34 *мм*. По впечатлению череп приближается к типу Среднеазиатского междуречья.

Череп № 34 принадлежал мужчине зрелого возраста, европеоидного типа с брахикранным черепным указателем 84,66 при малом продольном диаметре 176 *мм*. Черепная крышка средней высоты имеет пентагоноидную форму. Затылок округлый, слегка приплюснут (напоминает деформацию от бешика). Лоб очень широк, слегка наклонный, со слабо развитым надпереносьем (2) и средне развитым надбровьем. Лицо высокое ортогнатное. По фацио-церебральному указателю граничит между мезопрозопией и метопрозопией, указатель равен 89,93, а по верхнелицевому указателю стоит на границе мезопрозопии и лептопрозопии. Верхняя ширина лица большая, а остальные широтные диаметры средние, включая и скуловой диаметр, который равен 134 *мм*. Горизонтальная профилировка лица определяется визуально, как суженная кпереди (3), со средним зигомаксиллярным углом 131,2° и очень малым назомалярным углом 133,3°. Клыковые ямки глубокие: левая 6,8, правая

5 *мм*. Нос лепторинный, сильно выступающий с слегка выпуклым профилем. Переносье средней глубины и высокое. Дакриальный указатель очень большой — 64,29 при очень большой высоте — 13,5 *мм*. Симотический указатель имеет большую величину — 49,52 при очень большой симотической высоте — 5,2 *мм*. Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму, а предносовой шип — среднее развитие (3). Орбиты мезоконхные, по указателю 78,57. Перечисленные признаки и общее впечатление дают возможность отнести череп к типу Среднеазиатского междуречья.

Череп № 35, по-видимому, принадлежал мужчине возмужалого возраста, европесидного типа, имеет брахикранный черепной указатель 80,57, при малом продольном диаметре 175 *мм* и среднем поперечном. Очень высокая черепная крышка — 142 *мм* пентагоноидной формы с округлым затылком и широким слабо наклонным (1—2) лбом. Надбровье выражено средне, а надпереносье сильно (4—5). Теменные кости слегка приплюснуты в задней своей части. Ортогнатное, средневысокое (73 *мм*), среднеширокое (97 *мм*) лицо имеет большую верхнюю ширину и большой скуловой диаметр — 137 *мм*. По верхнелицевому указателю череп относится к типу мезен 53,28, а по поперечному фацио-церебральному указателю — к гиперлептопрозопному типу 97,16. В горизонтальной плоскости лицо сильно выступает на уровне зигомаксиллярных точек. Угол равен 129,1° и меньше выступает на уровне назиона угол 139°. Клыковые ямки имеют незначительную глубину — 4,9 *мм* левая и 3,8 *мм* правая. Мезоринный, выступающий слегка выпуклый нос имеет глубокое высокое переносье. Дакриальный указатель очень большой — 71,71 при очень большой высоте — 15,2 *мм*. Симотический указатель также имеет большую величину — 60 при большой симотической высоте — 4,2 *мм*. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы со средневыраженным передненосовым шипом. Глазницы низкие по абсолютной величине высотного диаметра, но мезоконхные по орбитному указателю. Антропологический тип переходный — от средиземноморского к типу Среднеазиатского междуречья или средиземноморский с примесью широколицего брахикранного элемента.

Череп № 36 очень плохой сохранности, по-видимому, принадлежал мужчине. Измерительные точки рассыпались, что не дало возможности сделать измерения черепной коробки, но несмотря на это можно с большой долей достоверности считать череп гипердолихокранным. Черепная крышка имеет овальную форму. Лицевой отдел визуально определяется как очень узкий и по верхнелицевому указателю лицо также относится к типу. лептен при средней ширине лица 97 *мм* в зигомаксиллярных точках, а скуловой диаметр небольшой — 125 *мм* (измерение сделано по половине). Лицо высокое — 71—72 *мм*, сильно профилированное в горизонтальной плоскости, с зигомаксиллярным углом 120,1° и с глубокими клыковыми ямками: левой 5,8, правой 6 *мм*. Нос мезоринный, сильно выступающий, с высоким переносьем. Нижний край грушевидного

отверстия имеет антропинную форму. По антропологическому типу близок к средиземноморскому.

Череп № 37 принадлежал женщине пожилого возраста. Череп плохой сохранности. Перед нами только лобная кость и лицевой отдел. Лицо узкое, высокое — 69 *мм* со средним скуловым диаметром 124 *мм*. По верхнелицевому указателю (55,65) относится к типу лептен. Лицо значительно профилировано в горизонтальной плоскости. Зигомаксиллярный угол 128,2°, назомалярный — 136°. Клыковые ямки имеют небольшую глубину: левая 3,2, правая 3 *мм*. Мезоринный средневыступающий нос с выпуклым профилем и среднеглубоким высоким переносьем с большим дакриальным указателем (57,89) при большой высоте — 11 *мм* и симотическим (43,75) при высоте 3,5 *мм*. Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму, а передненосовой шип выражен средне (3). Орбиты мезоконхные с указателем 84,62 при высоте 33 *мм*. Череп европеоидного типа.

Череп № 38 принадлежал женщине возмужалого возраста, европеоидного типа, ультрабрахикранного по черепному указателю 96,11, при большом продольном диаметре 180 *мм*. Череп плохой сохранности, при расчистке рассыпался, многие измерительные точки разрушены. Черепная коробка сфероидной формы с прямым лбом, на котором отмечаются слабо развитое надбровье и средне выраженное надпереносье (2—3). Затылок имеет угловатую форму. Череп сильно деформирован. Следы деформации видны на верхней части затылочной кости и на теменных костях. Задняя часть черепной коробки очень низкая, приплюснутая. Лицевой отдел узкий, средней высоты — 68 *мм* с глубокими клыковыми ямками: левая 7, правая 4,5 *мм*. Лицо значительно выступает в горизонтальной плоскости на уровне зигомаксиллярных точек. Зигомаксиллярный угол 122,2°. Скуловой диаметр измерить нельзя из-за плохой сохранности измерительных точек, а визуально можно отметить слабое выступание скул. Мезоринный средневыступающий нос имеет среднеглубокое и высокое переносье. Дакриальный указатель большой — 59,30 при большой дакриальной высоте — 11 *мм*. Очень большие симотический указатель — 56,25 и симотическая высота — 4,5 *мм*. Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму, а передненосовой шип — среднюю выраженность (3). Глазницы эллиптической формы. Антропологический тип близок к типу Среднеазиатского междуречья.

Череп № 39 принадлежал женщине зрелого возраста, европеоидного типа с ультрабрахикранным черепным указателем 95,53 при большом продольном диаметре 179 *мм*. Череп плохой сохранности, на разрушенной черепной крышке можно проследить бризоидную форму. Теменные кости несут явные следы сильной искусственной деформации, в результате которой череп кажется низким, особенно приплюснута задняя его часть. Очень широкий затылок имеет угловатую форму. На широком средненаклонном лбе отмечаются слабо выраженные надбровье и надпереносье (2). Прогнат-

ное лицо (указатель выступания лица 105,2!) имеет среднюю высоту 67 *мм* и большую полную высоту 115 *мм*. Широтные диаметры большие: средний 102, верхний 106,5 *мм*. Очень большой скуловой диаметр — 137 *мм*, выступание скул среднее. По верхнелицевому указателю и поперечному фацио-церебральному — 80,12 — лицевой отдел относится к типу широколицых или эурипрозопных. Лицо средневыступающее в горизонтальной плоскости на уровне зигомаксиллярных точек и несколько меньше на уровне назиона. Зигомаксиллярный угол 129,8°, назомалярный 146,8°. Глубина клыковых ямок средняя с тенденцией к большой глубине: левая — 5, правая 5,8 *мм*. Платиринный нос с указателем 54,17 имеет среднее выступание, прямой профиль и неглубокое, но высокое переносье, о чем свидетельствуют очень большие дакриальный указатель — 62,52 при очень большой дакриальной высоте — 14,1 *мм* и симотический 50,0 при очень большой симотической высоте 5 *мм*. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы, а выраженность передненосового шипа средняя. Глазницы овально-продолговатой формы, мезоконхные, по орбитному указателю 80,00 при малой высоте орбит — 32 *мм*. Антропологический тип близок к типу Среднеазиатского междуречья, а такие признаки, как прогнатность, платириния, говорят, по-видимому, о примеси экваториальных антропологических элементов.

Череп № 40 принадлежал женщине возмужалого возраста, европеоидного типа с мезокранным черепным указателем 76,70 при большом продольном диаметре 176 *мм*. Череп высокий с очень большим высотным диаметром 136 *мм*. Черепная крышка пентагоноидной формы с округлым затылком и с прямым среднешироким лбом, на котором отмечаются слабо выраженные надбровные дуги (1) и надпереносье (2). Ортогнатный очень высокий (74 *мм*) лицевой отдел имеет средние широтные диаметры, за исключением большого скулового диаметра — 129 *мм*. Лицо высокое, узкое, по визуальному наблюдению и по верхнелицевому указателю (57,36) оно относится к типу лептен, а по черепно-лицевому (95,56) даже гиперлептопрозопное. Лицо очень сильно профилировано в горизонтальной плоскости. Зигомаксиллярный угол 122,9°, назомалярный угол 133,3°. Клыковые ямки неглубокие: левая 3,7, правая 4,4 *мм*. Сильно выступающий лепторинный нос (43,64) имеет среднюю ширину и очень большую высоту. Переносье среднеглубокое и высокое. Очень большой дакриальный указатель (72,19) включает очень большую высоту (13,5 *мм*). Симотический указатель очень большой — 58,20 — при очень большой высоте — 5,5. Нижний край грушевидного отверстия характеризуется антропинной формой и сильно выраженным передненосовым шипом (4). Орбиты мезоконхные, округло-эллиптической формы. По общему впечатлению и совокупности признаков череп можно отнести к средиземноморскому типу.

Череп № 41 определен как женский, старческого возраста с ультрабрахикранным указателем — 95,12, при малом продольном

диаметре — 164 *мм* и очень большом поперечном. Череп низкий с высотным диаметром 124 *мм*. Общая сохранность черепа плохая, лицевая часть разрушена, сохранились лишь отдельные фрагменты. Черепная коробка свидетельствует, что голова имела искусственную деформацию: теменные кости сильно приплюснуты, в результате чего по сагиттальному шву образовался желобок. Черепная коробка бризоидной формы имеет прямой лоб и слабо выраженное надбровье (1). Затылок округлой формы, а на чешуе затылочной кости видны следы деформации, которая является продолжением деформации на теменных костях. Сосцевидные отростки и общий рельеф слабо выражены. Лицевой отдел по поперечному фацио-церебральному указателю 87,18, мезопрозопный с очень большим скуловым диаметром — 136 *мм* и средневыступающими скулами. Определить антропологический тип весьма затруднительно из-за плохой сохранности лицевой части, но по общему впечатлению череп кажется смешанным.

Череп № 42 плохой сохранности, при расчистке черепная коробка рассыпалась, лицевая часть сохранилась. Принадлежал он женщине зрелого возраста, европеоидного типа с ультрабрахикранным черепным указателем 92,26 при малом продольном диаметре 168 *мм*. Черепная коробка имела сильную деформацию на теменных костях, подобно уже выше описанной, в виде приплюснутости. Лоб характеризуется средней шириной, средней наклонностью, слабо выраженным надбровьем (1—2) и средне выраженной глабеллой (3). Затылок округлый, с незначительным следом деформации. Сосцевидные отростки развиты слабо, а общий рельеф — средне. Ортогнатное лицо имеет большую высоту — 70 *мм*, большой скуловой диаметр — 128 *мм* и средние остальные широтные диаметры. По верхнелицевому указателю оно мезопрозопное, а по поперечному фацио-церебральному указателю (82,58) его можно отнести к эурипрозопному. Горизонтальный профиль лица выступающий, с зигомаксиллярным углом 128,3° и назомалярным — 139,8°. Клыковые ямки очень глубокие: левая 7,5, правая 7,9 *мм*. Мезоринный сильно выступающий нос средневысокий и имеет средне глубокое и высокое переносье. Дакриальный указатель очень большой (69,76) при очень большой высоте — 14,3 *мм*. Очень большие показатели имеют и симотический указатель — 63,16 и симотическая высота—4,8 *мм*. Орбиты гипсиконхные с указателем 86,05 при очень большой высоте глазниц. Приведенная характеристика свидетельствует о совмещении признаков нескольких антропологических типов. В основном череп приближается к типу Среднеазиатского междуречья, а сочетание таких признаков, как большой скуловой диаметр с очень глубокими клыковыми ямками, с выступающим носом и очень высоким переносьем, говорит с примеси переднеазиатского брахицефально-широколицего варианта.

Череп № 43 принадлежал женщине возмужалого возраста, европеоидного типа с гипербрахикранным черепным указателем

87,01 при большом продольном диаметре 177 *мм* и очень большом поперечном. Череп высокий с высотным диаметром от базиона 133 *мм*. Черепная крышка эллиптической формы с широким прямым лбом, на котором отмечаются слабо развитые надбровья и надпереносье (2). Затылок имеет угловатую форму. На теменных костях отмечается приплюснутость, захватывающая верхнюю часть чешуи затылочной кости. Сосцевидные отростки и общий рельеф развиты слабо. Ортогнатному лицу свойственны большая высота — 72 *мм*, очень большой скуловой диаметр — 133 *мм* — и большие верхний и средний широтные диаметры. Верхнелицевой указатель (54,14) и черепнолицевой (86,36) указывают на мезопрозопию лица. Горизонтальная профилировка лица слабая на уровне назиона и значительная на уровне зигомаксиллярных точек. Зигомаксиллярный угол 129,1° и большой назомалярный 148,3°. Клыковые ямки глубокие: правая 5, левая 5,6 *мм*. Высокий лепторинный нос выступает сильно и имеет слегка выпуклый профиль. Переносье неглубокое, но высокое, последнее подтверждается очень большими дакриальным указателем 60,0 при очень большой дакриальной высоте и симотическим указателем 50,0 при высоте 5 *мм*. Орбиты гипсиконхные с указателем 89,47 при средней высоте. Антропологический тип переходный — от типа средиземноморского к типу Среднеазиатского междуречья.

Череп № 44 определен как женский, зрелого возраста, с мезокранным черепным указателем 78,18 при малом продольном диаметре 165 *мм*. Череп очень высокий — 141 *мм*, имеющий овальную форму черепной коробки. Лоб прямой, средней ширины, с слабо выраженным надпереносьем и надбровьем. Затылок имеет округлую форму. Общий рельеф выражен слабо. Лицо ортогнатное, средневысокое, имеет среднюю верхнюю ширину и малые величины скулового диаметра — 121 *мм* — и средне-широтного диаметра— 87 *мм*. По верхнелицевому указателю—55,37 и черепнолицевому— 93,80 лицевой отдел относится к типу лептен. В горизонтальной плоскости лицо выступает значительно на уровне зигомаксиллярной точки и средне в области назиона. Зигомаксиллярный угол 128,2°, назомалярный 143,3°. Клыковые ямки углублены сильно: правая на 7 и левая на 6,4 *мм*. Платиринный нос имеет среднюю высоту и средне высокое переносье с дакриальным указателем 50,72 при большой высоте — 10,5 и малым симотическим указателем 26,85 с симотической высотой средней величины — 2,9 *мм*. Орбиты гипсиконхные с указателем 96,25. Антропологический тип близок к средиземноморскому (рис. 3).

Череп № 45 детский, по возрасту можно отнести его к раннему детству (до 7 лет). Он европеоидный с мезокранным черепным указателем 77,78 при продольном диаметре 153 *мм*. Черепная крышка овальной формы с округлым затылком и прямым выпуклым лбом, на котором отмечаются слабо выраженные надбровье и надпереносье (2). Мезоринный лицевой отдел выступает в горизонтальной плоскости значительно. Зигомаксиллярный угол равен 121,0° и

139,0° — назомалярный угол. Клыковые ямки неглубокие: 0,5 и 0,4 *мм*, но визуально в совокупности со всем лицевым отделом они кажутся среднеуглубленными. Платиринный средневыступающий нос имеет высокое переносье. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы с передненосовой остью, имеющей среднее развитие (2). Орбиты округлые, высокие, с гипсиконхным орбитным указателем, который равен 87,5. По антропологическому типу относится к средиземноморскому типу.

Таким образом, все исследованные черепа в антропологическом отношении являются европеоидными. Индивидуальное описание черепов позволяет выделить несколько типов, имеющих определенную специфику. Необходимо отметить наличие крайних вариантов долихокранных европеоидов, переходных и гипербрахикранных. Основным преобладающим типом в этой группе черепов является брахицефальный европеоидный. Приведенная характеристика констатирует неоднородность антропологического состава, что свойственно не только данному периоду.

Просмотр ископаемого краниологического материала Кувинского района и его окрестностей показывает, что население здесь не было однотипным и имело в каждый период свою специфику и свой облик, сохраняя в какой-то степени древнюю основу.

На краниологическом материале Кувы наблюдается наличие вариантов крайних долихоцефальных и ультрабрахицефальных европеоидов. Это случайное сочетание или повторяющиеся факты? Предварительный обзор имеющегося ископаемого краниологического материала свидетельствует о наличии таких же сочетаний в Ферганской области, в Узбекистане и в Ферганской долине в целом. Причем сочетания такого характера, кроме средневекового материала, регистрируются в период I тыс. до н. э. и в первые столетия н. э. Даже малочисленный материал по Ферганской области показывает, что во II тыс. до н. э. на этой территории преобладал длинноголовый европеоидный тип, о чем свидетельствует череп из Вадиля[17].

Косвенно этот факт можно подтвердить привлечением других краниологических материалов Узбекистана. Об этом говорят черепа Чуста[18], Дальварзина[19], Заман-баба[20], Самаркандской области (муминабадские черепа), Сурхандарьинской области (сопалитепинские черепа) и Ташкентской области (череп, найденный на Никифорских землях — в Чилдух-таране)[21].

---

[17] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии..., стр. 86, 96—99.

[18] В. Я. Зезенкова. Скелет из погребения...

[19] В. В. Гинзбург. К антропологии населения...

[20] В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии...; Т. А. Трофимова. К вопросу об антропологическом типе населения Южного и Восточного Узбекистана в эпоху бронзы. Научные труды ТашГУ, новая серия, вып. 235, Исторические науки, кн. 49, Ташкент, 1964.

[21] Все черепа относятся к древнему средиземноморскому типу. Материалы еще не опубликованы, но изучаются автором.

Констатирование в разных пунктах во II—I тыс. до н. э. долихоцефальных европеоидов (древний средиземноморский и протоевропеоидный), указывает на закономерное наличие долихоцефалов и в Ферганской области. Следовательно, долихокраны в кувинских материалах представляют отражение древней антропологической основы. Среди черепов из Кувасая[22], датированных I—III вв. н. э., встречаются черепа длинноголовые и гипербрахикранные, а средняя величина головного указателя — мезокранная. Аналогичное сочетание прослеживается на черепах из Гур-мирона в Наманганской области (Гинзбург, 1956) и на других сериях. При изучении кувинских черепов наблюдается также наличие ультрабрахикранов и долихокранов, но уже средняя величина черепного указателя брахикранная, т. е. констатируется нарастание брахикранных элементов. С чем связано это нарастание и как объяснить наличие брахикранного типа — эти вопросы необходимо разрешить. Головной указатель современного населения Кувы также брахицефальный — 85,2[23].

Несмотря на малочисленность краниологического материала по Ферганской области, подмечены изменения в антропологическом типе. Среди многих признаков следует отметить изменение величины черепного указателя от долихоцефалии к брахицефалии, с постепенным нарастанием, на увеличение верхней высоты лица, увеличение скулового диаметра от малой ширины до большой при европеоидной основе, на некоторое увеличение высоты переносья и выступания носа. Изменение указанных признаков в данном сочетании можно связать с включением брахицефального переднеазиатского варианта (арменоидного или ассироидного) или кавказского. Изменение антропологического типа в указанном направлении наблюдается не только по Ферганской долине, но и в целом по Узбекистану и Туркмении. Эти материалы были опубликованы автором в тезисах доклада и в трудах VII международного конгресса антропологических и этнографических наук, а также в работе по Туркмении[24].

Таким образом, это не случайное изменение какого-то одного признака, а изменение нескольких признаков в определенном направлении и не на узкой территории, а на довольно большом пространстве, связанное с включением брахицефального широколицего типа с сильно выступающим носом и высоким переносьем. Следовательно, увеличение черепного указателя — это не эпохальное

---

[22] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии..., стр. 89, 96—98.

[23] Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии, В сб.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953.

[24] В. Я. Зезенкова. Этногенетическая связь народов Узбекистана и Туркмении, Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 3., М., „Наука", 1968; Она же. К вопросу о происхождении туркменского народа. Научные труды ТашГУ, новая серия, вып. 235, Исторические науки, кн. 49, Ташкент, 1964.

изменение, а включение в местную основу новых антропологических элементов. В какие промежутки времени включался этот брахицефальный тип, с какой интенсивностью, кто был носителем этого типа и откуда он привнесен — все это вопросы будущего.

На основании имеющегося ископаемого краниологического материала Узбекистана и Ферганской долины наметим возможные периоды, в которые проходило включение брахицефалов в значительном количестве. Первым таким периодом, по-видимому, является промежуток времени между V и I вв. до н. э. и далее идет последующее нарастание. Свидетельством того могут служить долихокранные и брахикранные черепа из Актамского могильника, датированного V—III вв. до н. э., Кунгайского и Суфанского могильников[25], черепа из могильника в Таджикистане — Арук-Тау[26], датированные последними веками до н. э.[27] Среди последних черепной указатель колеблется от 68,7 до 96,4, т. е. от гипердолихокранных до ультрабрахикранных. Наличие крайних противоположных вариантов говорит о включении в долихокранную основу резко брахикранного типа, что исключает эпохальную брахикефалию.

В дополнение к возражению против эпохальных изменений следует сказать, что некоторые данные по эпохальной трансформации понятны и вполне объяснимы общими процессами эволюции, но по отдельным признакам возникают вопросы, возражения и большая трудность объяснения того или иного направления изменения. Так, процесс уменьшения массивности, грацилизации вполне объясним и понятен. Процесс же эпохальной трансформации скулового диаметра трудно объясним. Почему на одной территории этот процесс идет в одном направлении, на другой — в противоположном. Например, на Кавказе[28] происходит увеличение скуловой ширины. Такое же направление наблюдаем на материалах Ферганской области Узбекистана, Ферганской долины в Туркмении.

По материалам, приведенным Г. Ф. Дебецом[29], в областях Алтае-Саянского нагорья, Нижнего Поволжья и Среднего Поднепровья наблюдается противоположная картина — уменьшение скулового диаметра. Уменьшение скуловой ширины до некоторой степени можно связать с общим уменьшением массивности челюстного аппарата и с общим процессом эволюции—редукцией спланхнокраниума. Для скулового диаметра наиболее вероятным объяснением его увеличения является включение широколицего европеоидного и других широколицых элементов.

---

[25] В. В. Гинзбург. К антропологии населения...,стр. 216—217.

[26] Т. П. Кияткина. Черепа из могильника Арук-Тау (Таджикистан), Антропологический сборник III, Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. XXI, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961.

[27] В более поздней работе (1965) Т. П. Кияткина уточняет—II в. до н. э.—I в. н. э.

[28] М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии Самтаврского могильника Тбилиси, Изд-во АН ГрузССР, 1954; Он же. Об эпохальной изменчивости...

[29] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР...,стр. 296.

Также трудно объяснима и эпохальная брахикефализация. Какими причинами и биологическими процессами она вызвана? Почему процесс брахикефализации идет неравномерно в разных областях и неоднотипно? В одних случаях увеличивается поперечный диаметр и уменьшается продольный, в других только увеличивается поперечный диаметр (в Осетии), в третьих (центральные области РСФСР и Украина) указатель долгое время остается практически неизменным — например от II тыс. до н. э. и до XII—XIV вв. н. э., по материалам Г. Ф. Дебеца[30].

На территории Узбекистана черепной указатель тоже мало изменяется со II тыс. до н. э. до V в. до н. э. (если судить по имеющемуся ископаемому краниологическому материалу), а затем наступает резкий скачок, который усиливается к рубежу н. э. и в первых веках н. э. Далее, приблизительно с XI по XVIII в. н. э., опять наблюдается малое изменение черепного указателя. Такая неравномерность и неоднотипность изменения его величины уже сами говорят против эпохальной брахикефализации, указывают на большую вероятность процесса включения в состав местного населения иных антропологических типов и вызванные этим генетические изменения.

Анализ краниологического материала по Туркмении дает аналогичное возражение против эпохальной брахикефализации. Этот процесс считался хорошо доказанным на территории Туркмении[31]. Аргументом для доказательства служило повышение величины головного указателя от древнего — долихокранного до современного — мезокранного, причем повышение указателя отмечено уже в IV—VI вв. н. э. Это повышение считалось результатом эпохальной брахикефализации. В настоящее время антропологами описан найденный археологами краниологический материал, датированный рубежом н. э. и средневековьем[32] и говорящий о том, что брахикефальный тип обитал наряду с долихокефальным и на территории Туркмении, следовательно, он включался в долихокранную основу, увеличивая величину черепного указателя, давая основательное возражение против эпохальной брахикефализации.

---

[30] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР..., стр. 292.

[31] Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма, СЭ, 1957 № 3; В. В. Гинзбург. К антропологии населения...

[32] Т. П. Кияткина. Краниологические материалы из катакомбных захоронений античного времени в Южной Туркмении, Научные труды ТашГУ, новая серия, вып. 235, Исторические науки, кн. 49, Ташкент, 1964; В. Я. Зезенкова. К вопросу о происхождении; Она же. Краниологический материал с территории Туркмении XII в., „Вопросы антропологии", вып. 18, 1964; Она же. Этногенетические связи народов Узбекистана и Туркмении. М., „Наука", 1964; Н. Г. Залкинд, С. П. Поляков. Краниологические материалы из средневековых погребений Южной и Северо-западной Туркмении, „Вопросы антропологии", вып. 11, 1962; Они же. Краниологические материалы из Бедели-ата (Юго-западная Туркмения), „Вопросы антропологии", вып. 16, 1964.

Откуда мог появиться европеоидный брахикефальный тип? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо ознакомиться с местом нахождения брахикефалов в древние времена.

Появление брахикефалии в зарубежной Европе относится к позднему палеолиту, мезолиту и раннему неолиту[33]. Наличие брахикефальных европеоидов по Вайденрейху отмечено в небольшом количестве в Швеции, Великобритании, Дании, Северной и Центральной Германии и в сравнительно большом количестве в Южной Германии, Швейцарии и Италии[34], т. е. к югу наличие брахикефалов увеличивается. В Румынии[35] первые брахикранные черепа появляются в эпоху древней и средненеолитической культуры, но в это время преобладают долихомезокраны. В конце неолита брахикранный элемент становится уже многочисленным. Брахикефалы отмечаются в I тыс. до н. э. и на территории Кавказа.

В. В. Бунак в древнейшем населении Передней Азии, кроме долихокранных типов, выделяет брахи-мезокранный тип (в Дамгане — Северный Иран, в Алишере — на севере Малой Азии)[36]. Крогман в районе Дамган из слоев, датированных IV—II тыс. до н. э., выделяет немногочисленный брахикранный и два долихокранных типа[37]. Бунак считает, что древний брахикранный тип имел широкое распространение в Передней Азии, особенно на северо-восточной ее границе. В неолитическую эпоху наличие брахикефалии констатируется в Греции и на Кипре, в бронзе — в Месопотамии и на Кипре, что отмечено различными авторами, на которых ссылается А. Н. Пулянос[38]. В I тыс. до н. э. население восточной части Малой Азии относилось к арменоидному типу[39]. По сохранившимся изображениям, некоторые народы государства Урарту (IX—VI вв. до н. э.), урартийцы и хурриты, принадлежали к арменоидному типу. Брахикранный тип, аналогичный переднеазиатскому, отмечен вместе с долихокранным типом в Индии в районах Баяне, Сиалкот, Хараппа, Мохенджо-даро в III— II тыс. до н. э.[40] В северном Иране, по данным Валуа, брахикефалы обитали в конце II — начале I тыс. до н. э. Об этом свидетельствуют черепа из Сиалка. В работе Абдушелишвили приводятся индивидуальные измерения по Валуа, в которых видно наличие долихо-

---

[33] Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Антропология, М., Изд-во „Высшая школа", 1963.

[34] М. Г. Абдушелишвили. Об эпохальной изменчивости..., стр. 92.

[35] О. К. Некрасова и М. Л. Кристеску. К изучению антропологических типов румынского неолита и начала палеометаллической эпохи, „Советская антропология", 1959, № 2, стр. 56—58.

[36] В. В. Бунак. Древнейшие краниологические типы Передней Азии, КСИЭ, II, 1947.

[37] Там же, стр. 76.

[38] А. Н. Пулянос. Брахикефалия в Греции и проблема „динаризации", „Вопросы антропологии", вып. 10, 1962.

[39] Н. А. Кисляков. Население Передней Азии и его происхождение, В кн. „Народы Передней Азии", М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 35.

[40] В. В. Бунак. Древнейшие краниологические типы...

кранов, но с преобладанием брахикранных и даже гипербрахикранных черепов в сочетании с большим скуловым диаметром и большой высотой лица[41]. Такое сочетание характерно для переднеазиатского типа.

Учитывая изменения антропологического типа Ферганской области Узбекистана и всей Ферганской долины, в сочетании с такими признаками, как увеличение скулового диаметра, увеличение черепного указателя, увеличение высоты переносья с выступанием носа и высотой лица, т. е. с комплексом признаков, который характерен для арменоидного типа, можно считать, что одним из включенных антропологических типов был переднеазиатский вариант, а кто был носителем признаков этого типа, предстоит еще выяснить.

Небольшой экскурс в историю может дать некоторое представление по этому вопросу. Исторические сведения говорят о связи народов Средней Азии в культурном и языковом отношении с народами Передней Азии, Греции и Индии. Археологические находки говорят, в частности, о связи народов Средней Азии и Месопотамии[42], где отмечены брахикефалы в бронзе. В конце III тыс. до н. э. в Месопотамию проникли с запада многочисленные племена амореев, с востока — горные племена эламитов. На рубеже III—II тыс. до н. э. в Передней Азии происходило становление классового рабовладельческого общества, появились новые государственные образования, что вызвало передвижение отдельных племен и народов[43]. Поздние античные авторы сохранили легендарные сведения о вхождении областей Средней Азии в состав Ассирии при царице Шамурамат в VIII в. до н. э. В середине VII в. до н. э. среднеазиатские народы боролись против Мидии на стороне Ассирии. Среднеазиатские народы в VIII—VII вв. до н. э. связаны были с Мидией, Ассирией, Парфией, с завоевательными движениями скифов и другими историческими событиями. В более позднее время — 505 г. до н. э. — персы во главе с ахеменидами подчинили себе несколько среднеазиатских областей и владычествовали над ними. Народы Средней Азии (саки, бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы) принимали участие в войнах Ирана с Грецией[44]. Далее история говорит о том, что Средняя Азия была тесно связана с различными событиями Персии и Греции, а народы ее принимали участие в известных походах и войнах (походы Дария и Ксеркса, Александра Македонского). Таким образом, исторические источники подтверждают связь и сложные взаимоотношения Средней Азии с областями, где констатировались брахикефалы с сравнительно древнего времени. Походы Александра Македонского сопровождались закреплением завоеванных земель, он оставлял

---

[41] М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии..., стр. 101.
[42] История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 40.
[43] Н. А. Кисляков. Население Передней Азии...,стр. 36.
[44] История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, стр. 41.

своих воинов в образованных им городах-крепостях и приветствовал браки с местным населением. Свои войска Александр Македонский комплектовал из жителей территорий, на которых уже с бронзы и ранее зафиксировано наличие брахицефального типа. Кроме этого, в войска набирались воины из народов Персии.

В периоды походов и войн в совокупности с рядом других причин создавались условия для передвижения народов. Так, известно, что после войны саков и мидян сакские цари переселили мидийских пленных к Сырдарье, а мидяне пленных саков — на окраину своего государства. Аналогично поступали и ахеменидские цари, и Александр Македонский, который строил города и заселял их военнопленными — грекомакедонскими солдатами и местным населением, позже арабские и другие завоеватели. Следовательно, непосредственное участие среднеазиатских народов в различных военных походах, появление новых государственных образований, развитие ремесел, климатические колебания и природные стихии, разложение или становление классового общества и перекочевка, связанная с этим и с кочевым или полукочевым хозяйством,— все это способствовало передвижению отдельных племен, созданию сложных взаимосвязей между народами, а отсюда, как следствие, стало возможным смешение антропологических типов. Определенную лепту в это смешение внесли сарматские племена и греческие колонии.

Итак, местонахождение брахикефалов и исторические события дают основание считать вполне возможным постепенную инфильтрацию, а в отдельные периоды включение значительного количества брахицефальных широколицых элементов в население Узбекистана, Таджикистана и Туркмении. Не исключена определенная возможность просачивания и брахицефального варианта переднеазиатского типа. Учитывая исторические события и наличие ископаемого краниологического материала, можно предположить, что это включение падает на период наибольших связей древнего населения территорий Узбекистана с народами, носившими брахицефальные компоненты переднеазиатского варианта балкано-кавказской расы.

Возможно, инфильтрация начиналась очень слабо в сравнительно более раннее время, затем усиливалась примерно с VI в. до н. э. и постепенно нарастала. Включение брахицефального переднеазиатского варианта сказалось и на населении Кувы, что подтверждается наличием брахикранного европеоидного типа в сочетании с широким лицом, с сильно выступающим носом и высоким переносьем.

В качестве особенностей кувинских черепов необходимо отметить наличие искусственной деформации двух типов. Первая, так называемая, кольцевая деформация, которая отмечалась неоднократно на черепах Средней Азии, Кавказа и европейской территории уже с эпохи ранней бронзы. Другой вид деформации, отмечен-

ный на кувинских черепах, в древнее время не наблюдался, но был распространен среди хорезмийского населения в I—III вв. н. э., а в IX—XIII вв. более резко выражен. Эта деформация видна в основном на теменных костях, которые кажутся сильно приплюснутыми, иногда между костями по сагиттальному шву образуется желобок. Создается впечатление, что на теменные кости производили специальное давление. Верхняя часть чешуи затылочной кости тоже несет след деформации, но в разной степени. С одной стороны, такая деформация могла явиться результатом ношения с детского возраста каких-то тяжестей на голове, а с другой стороны, и это более вероятно, подобного эффекта можно достичь специальной деформирующей повязкой или накладкой в раннем возрасте. Известно, например, описание специальной накладки в виде мешочка с песком (арабский географ X в. н. э. Макдиси)[45], которая укреплялась на голове ребенка. Видимо, и здесь, в Куве IX—X вв., которыми датируется данный могильник, мы встретились с подобного рода искусственным изменением черепа. Окончательное решение этого вопроса пока весьма затруднительно, поскольку нет в наличии достаточного количества материала. Необходимо также изучить имеющиеся данные обо всех найденных деформированных черепах. Пока это вопрос будущего, но можно уже сейчас считать вероятным предположение, что в результате сложившихся исторических причин местное население, вернее какая-то часть его, должна была подчеркивать или приобретать брахикефальность головы.

Исследование черепов показало, что население IX—X вв. на территории Кувы не было однородным.

На черепах Кувинского могильника констатируется наличие двух европеоидных типов: долихокранного и брахикранного с разными вариациями, но брахикранный тип доминирует.

Долихокранный тип кувинских черепов является отражением древней долихокранной основы, а брахикранный тип — это метисированный тип, который частично связывается с брахикранным переднеазиатским или кавказским вариантом, возможно и с другими антропологическими компонентами, с какими именно, можно будет доказать при накоплении большего количества краниологического материала с хронологически последовательной датировкой.

Среди исследованных черепов отмечены черепа средиземноморского типа, типа Среднеазиатского междуречья и смешанные, занимающие промежуточное положение между средиземноморским, брахикефальными переднеазиатским и кавказским вариантами и типом Среднеазиатского междуречья с наличием черепов, приближающихся к какому-либо одному из этих типов.

---

[45] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1939, стр. 420.

На черепах кувинского могильника видно, что тип Среднеазиатского междуречья, свойственный современному населению Кувы, в IX—X вв. находился на стадии формирования.

Отмечается большая вариация черепного указателя — от гипердолихокранов до ультрабрахикранов.

Предварительный просмотр ископаемого краниологического материала смежных областей показывает, что древней основой был долихокранный европеоидный тип.

В процессе этногенеза наблюдается увеличение черепного указателя, скуловой ширины и высоты переносья.

Увеличивающаяся брахикефалия и увеличение скуловой ширины связано не с эпохальной трансформацией, а с включением новых антропологических элементов. Наибольший приток брахикефальных широколицых компонентов, по обзору среднеазиатского палеоантропологического материала, падает на вторую половину I тыс. до н. э. и первые века н. э.

На кувинских черепах отмечено наличие двух видов искусственной деформации: кольцевой лобно-затылочной и выраженной затылочно-теменной.

Исследованный краниологический материал Кувы поднимает ряд важных этногенетических вопросов, для окончательного разрешения которых необходимо накопить большее количество ископаемых черепов.

У. АЛИМОВ

САД-ДВОРЕЦ ТИМУРА ДАВЛАТ-АБАД

Много времени и средств уделял Тимур благоустройству своей столицы — Самарканда и его окрестностей, стараясь, чтобы она превзошла другие города Востока.

Стремясь подчеркнуть первостепенное значение Самарканда, он строит в его окрестностях селения с именами Миср (Каир), Багдад, Султания, Шираз и др. Город застраивается великолепными зданиями, составляющими его гордость и по сей день. А вокруг располагались сады, числом 12[1].

Литературные и иконографические данные дают достаточно материала, чтобы представить высокий уровень садово-паркового искусства[2].

Сады и парки Тимура известны главным образом по миниатюрам и некоторым историческим источникам, но в археологическом плане они изучены еще далеко недостаточно[3].

Широкие исследования древнего Самарканда, проводимые Институтом истории и археологии АН УзССР, коснулись и этого вопроса. Началось планомерное археологическое, историческое и архитектурное изучение садов и парков Тимура и Тимуридов. На первом этапе этих работ было намечено археологическое изучение сада Давлат-Абад.

Давлат-Абад в переводе означает благоустроенное государство (в литературе переводится и как местопребывание счастья или власти). Наиболее ранние известия о Давлат-Абаде мы находим в записках испанского посла при дворе Тимура Рюи Гонзалеса де Клавихо[4]. Но скудные исторические данные не дают представления о самом главном, о местоположении сада-дворца. В. Л. Вяткин, установивший по вакуфным документам местонахождение кишла-

---

[1] Г. А. Пугаченкова. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимуридов и Тимура, Труды САГУ, вып. XXIII, Ташкент, 1951, стр. 147.

[2] М. Е. Массон. Из лекции, где он дает историко-топографические данные о местоположении садов.

[3] Археологически частично был исследован только парк Улугбека „Чинихана" в 1941 г. См. архив Института истории и археологии АН УзССР.

[4] Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг., М., 1928, стр. 244—245.

ка Давлат-Абад XV в. между арыком Даргом и Шаудор, высказал предположение, что дворец-сад Тимура Давлат-Абад как промежуточный пункт, по-видимому, находился между перевалом Тахта-Карача и другим дворцом Тимура — Дилькушо, но, возможно, и в самом селении или вблизи него[5].

В свое время А. Ю. Якубовский тоже упоминал о саде-дворце[6]. В 1918 г. М. Е. Массон на основании письменных источников, а также осмотра местности предположил, что дворец находился под бугром, известным под названием Кафир-кала и находящимся в 12 *км* к югу от Самарканда по Термезскому тракту недалеко от арыка Даргом, на левом его берегу[7].

В 1936 г. И. А. Сухарев после тщательного обследования определил точное местонахождение сада, но так же, как и предыдущие исследователи, не проводил археологических раскопок, ограничившись только предположениями[8].

Лишь в 1967 г. началось всестороннее изучение оставшихся документов о саде-дворце Тимура Давлат-Абад[9] и была поставлена задача: вскрыть объект и уточнить планировку его. Итак, сад-дворец Давлат-Абад был расположен к югу от Самарканда, недалеко от канала Даргом. Остатки прямоугольного в плане сада окружены валом общим протяжением сторон около 4,5 *км*. Сад ориентирован по длинной оси с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Вал сильно оплыл и в высоту имеет около 30—80 *см*. Сад делится на две неравные части. Северная половина в плане прямоугольная, южная — квадратная. В центре южного квадрата находится холм, который местные жители называют Гишт-тепе.

Холм высотой 12 *м*, в плане квадратный, размером около 65×65 *м* в основании, 40×40 *м* по верхней почти горизонтальной площадке. Крутые склоны холма на южной стороне имеют ступенчатый профиль. Холм окружен рвом шириной от 25 *м* до 30 *м*. В результате раскопок установлено, что в центральной части холма находилось небольшое здание, от фундамента которого остались только траншеи после выборки кирпича окрестным населением.

Здание представляет собой прямоугольник со сторонами 20×14 *м* (см. рис. 1). Это было архитектурное сооружение типа крестообразного в плане павильона, по углам которого расположе-

---

[5] В. Л. Вяткин. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета, справ. кн. Самаркандской области, вып. VII, 1902, стр. 30.

[6] А. Ю. Якубовский. Образы старого Самарканда, „Восток", № 5, изд. „Всемирная литература", 1925, стр. 126.

[7] М. Е. Массон. О местонахождении сада Тимура Давлат-Абад, отдельный оттиск Известий Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928.

[8] И. А. Сухарев. Дворец-сад Тимура Давлат-Абад, Труды УзГУ, новая серия, № 14, история, вып. 2, 1940.

[9] Археологическое исследование проводилось археологом У. Алимовым, общее руководство осуществлял проф. Я. Г. Гулямов, научный руководитель Самаркандской экспедиции.

ны два квадратных и два прямоугольных помещения. К южному (главному) фасаду примыкает овальное с незамкнутым абрисом строение, может быть, типа парадного входного айвана.

Глубина траншеи от фундамента здания на 90 *см* ниже уровня пола, а в передней части, где был айван (определение условно.—

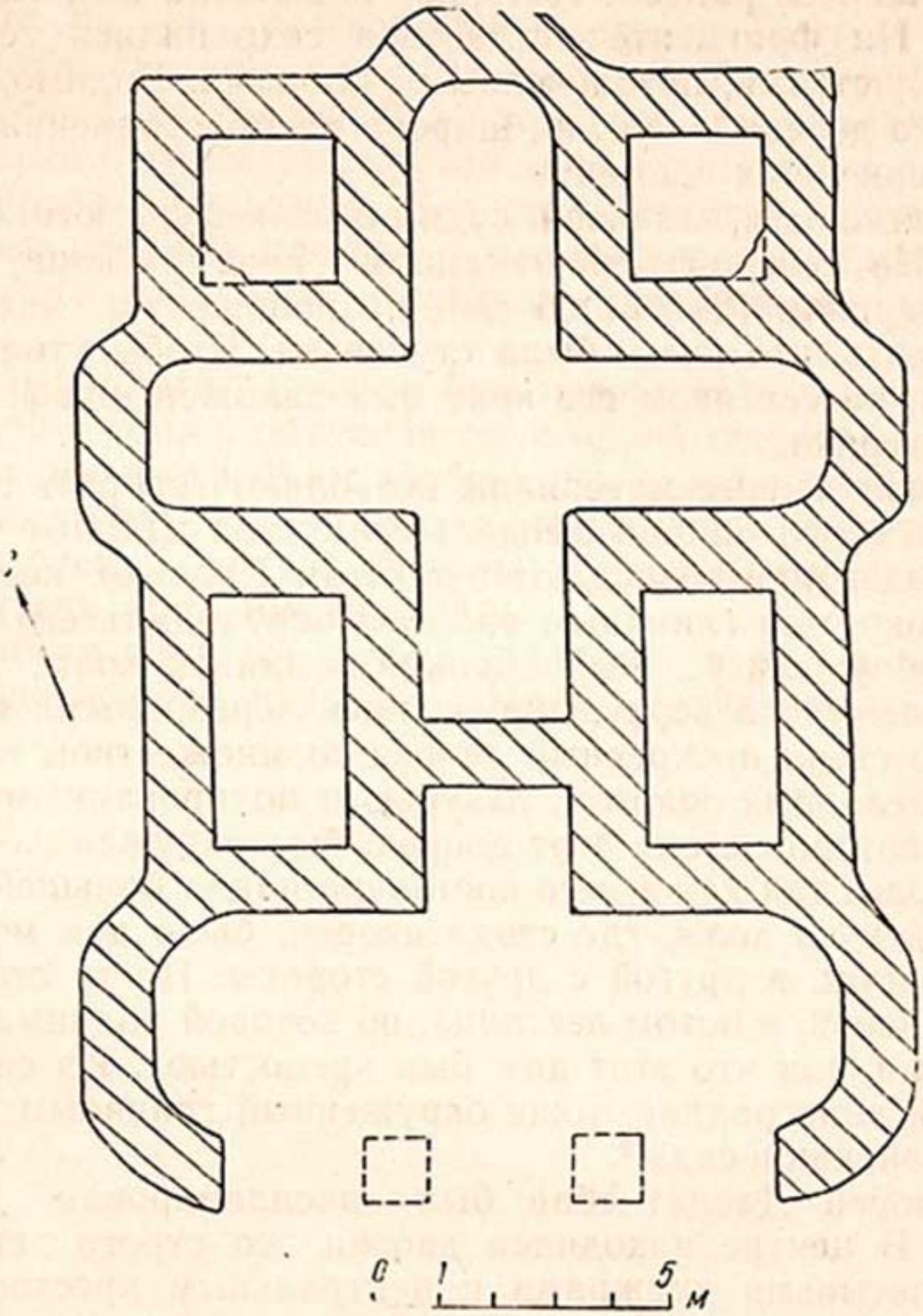

Рис. 1. Схематический план раскопа загородного дворца Давлат-Абад.

У. А.), эта глубина достигает только 15 *см*. Кое-где в траншеях осталась кладка из жженого кирпича размером 26×26×7 *см* и 28×28×6 *см*.

Полы помещений дворца были выложены жженым кирпичом размером 24×24×5 *см* и специально изготовленными плитками, от которых сохранились лишь отпечатки на ганчевом растворе. Куски таких плиток найдены в завале. Во время раскопок найдено много элементов декора. Это фрагменты мозаики, майолики, поливные

кирпичики, богато расписанные сталактиты, фрагменты штукатурки с росписью.

Судя по всему, фасады павильона были облицованы мозаичными и майоликовыми панно, известными нам по памятникам Самарканда. Среди уже знакомых мотивов декора имеются и необычные, не встречавшиеся ранее[10]. Интерьер павильона был также красиво расписан. На фрагменте сталактита сохранились темно-голубые веточки с листьями, позолоченными плодами. Видимо, это веточки гранатового дерева — мотив, широко распространенный в Средней Азии с древнейших времен[11].

Главный вход в павильон, судя по рельефу, с юго-юго-западной стороны. На северо-северо-западном крае раскопа обнаружены жженые кирпичи (24×24×5 *см*), по положению которых можно предположить, что здесь была ступенька. Чтобы уточнить основание холма, на северном его крае был заложен шурф. Шурф доведен до материка.

Итак, полученные материалы позволяют говорить о том, что на этом месте стоял ранний феодальный замок. Данные археологических исследований совпадают с текстом Клавихо, который пишет: «Он был окружен глиняным валом и окружность его была вокруг вала в добрую лигу... Был высокий земляной холм, насыпанный руками, ровный по верху, окруженный деревянными кольями. Посреди него стоял прекрасный дворец со множеством комнат, очень богато отделанных золотом, лазурью и полированными изразцами. Холм, на котором стоял этот дворец, был окружен глубоким рвом, полным воды, так как в него постоянно падал большой поток воды. Чтобы войти на холм, где стоял дворец, было два моста, один с одной стороны, а другой с другой стороны. По ту сторону мостов были две двери, а потом лестница, по которой поднимались на верх этого холма, так что этот дом был крепостью... Из сада был вход в большой виноградник, тоже окруженный глиняным валом, такой же большой, как и сад»[12].

Сад-дворец Давлат-Абад был распланирован по принципу Чарбага. В центре находился дворец со строго симметричным планом, четырьмя худжрами и центральным крестообразным залом. Видимо, дворец был двухэтажным и второй этаж был полуоткрыт со всех сторон. Возможность такого предположения дают аналогичные памятники. Например, Тараб-хана XV в. в городе Герате — небольшое двухъярусное здание с худжрами по четырем углам[13].

Клавихо в своем дневнике между прочим также дает описание крестообразных в плане дворцов[14]. Аналогии к плану нашего па-

---

[10] По определению Л. И. Рempеля.
[11] А. М. Беленицкий. Древний Пянджикент, СА, 1958, № 1, стр. 208.
[12] Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 245.
[13] Бобур-намэ, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 220—221.
[14] Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 257—261.

вильона можно найти и среди памятников Азербайджана (ханская дача в селении Нардарон XIII—XIV вв.)[15], культовых сооружений Армении[16]. Сад-дворец Давлат-Абад, судя по литературным источникам, существовал в течение 1398—1399 гг. Гийасаддин-али сообщает, что Тимур останавливался в этом дворце 27 апреля 1399 г.[17]

М. Е. Массоном высказано предположение, что сад был специально разбит ко дню торжественной встречи Тимура, возвращавшегося из победоносного похода в Индию[18]. Таким образом, перед нами сад-дворец, построенный в последние годы правления Тимура. Под дворец был выбран крутой холм с остатками раннесредневекового феодального замка. Для строительства, вероятно, были использованы пленные мастера и архитекторы из других стран, в результате чего получился павильон, необычный для Средней Азии.

То, что дворцовый павильон был разрушен и со временем почти стерт с лица земли, объясняется, с одной стороны, пренебрежением к светским постройкам вообще, чем в свою очередь объясняется номенклатура сохранившихся памятников (мечети, медресе, хонако, мавзолеи), с другой стороны — неустойчивостью политической обстановки при Тимуридах[19].

Наша работа является только началом и в будущем предполагается продолжение изучения садов и парков Самарканда XIV—XV вв.

---

[15] М. А. Усейнов. Памятники азербайджанского зодчества, М., Госиздат архитектуры и градостроительства, 1951, стр. 74.

[16] Всеобщая история архитектуры, т. I, М., Госиздат литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1958, стр. 423.

[17] Гийасаддин-Али. Дневник похода Тимура в Индию, М., ИВЛ, 1958, стр. 186.

[18] М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 44.

[19] Б. А. Ахмедов. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в., Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, „Наука", 1965, стр. 62.

М. М. ИСХАКОВ

К СТРУКТУРЕ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В СОГДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Согдийский письменный язык сложился, по всей вероятности, на основе диалекта столицы Согда — Самарканда (*Смāраканса̄*, Sm"rknδh — форма, засвидетельствованная в согдийской настенной надписи, открытой в 1964 г. на Афрасиабе)[1]. Старейшие согдийские рукописные тексты — так называемые «Старые письма», написанные в начале IV в. н. э. в согдийских поселениях на территории Восточного Туркестана, являются первыми дошедшими до нас образцами этого языка. «Старые письма» были написаны выходцами из Самаркандского Согда; на некоторых из писем указано, что они адресованы в Самарканд. Более поздние согдийские тексты, написанные собственно согдийским письмом, отражают в основном грамматические нормы, характерные для «Старых писем». Это относится как к памятникам, открытым на территории самого Согда, так и к согдийским текстам, происходящим из районов, в которых согдийский язык играл роль lingua franca, языка международной торговли и городской культуры,— в Восточном Туркестане, в Монголии, в Семиречье, в Ферганской долине. Афрасиабская надпись конца VII или начала VIII в. и согдийские документы с горы Муг первой четверти VIII в. с точки зрения грамматических (морфологических и синтаксических) норм не отличаются сколько-нибудь существенным образом от памятников, составленных или переписанных в Центральной Азии, в частности, от согдийских изводов буддийских текстов, переписывавшихся в восточнотуркестанских оазисах в VII—IX вв., от согдийской надписи VI в., недавно открытой в Бугуте, в северо-западной Монголии[2], и от согдийской версии Карабалгасунской надписи (также территория Монголии), относящейся к началу IX в. Все эти памятники,

---

[1] В согдийских „Старых письмах" (нач. IV в.) представлено написание Sm'rknδh, в документах с горы Муг выступает прилагательное sm'rknδc — „самаркандский" (в док. A = 14—smrknδc). См.: В. А. Лившиц. Согдийские документы с горы Муг, Выпуск II: Юридические документы и письма, М., 1962, стр. 81; W. B. Henning, Mitteliranisch, „Handbuch der Orientalistik", 1. Abt., 4. Bd.: Iranistik, 1. Abschn.: Linguistik, Leiden — Köln, 1954, S. 54, Anm. 3.

[2] С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута, Сб. „Страны и народы Востока", вып. X, М., 1971, стр. 121—146.

написанные собственно согдийским письмом, отражают, таким образом, нормы письменно-литературного согдийского языка, опиравшегося на диалект столицы Согда. Большая устойчивость норм согдийского письменного языка (явление, характерное вообще для древних и средневековых письменных языков) сочеталась с традиционностью и архаичностью его орфографии. В согдийском, как и в других среднеиранских языках, пользовавшихся письменностями арамейского происхождения (среднеперсидский, парфянский, хорезмийский) орфография памятников VI—IX вв. сохраняла нередко написания, утвердившиеся еще в пору возникновения согдийской письменности (видимо, во II—I вв. до н. э.) и уже давно не соответствовавшие реальным произносительным нормам. Такие архаические написания уживались на протяжении столетий рядом с более новыми орфографическими вариантами, ближе стоящими к языковой реальности VI—IX вв. Например, в одних и тех же категориях согдийских памятников, а иногда в пределах одного и того же памятника рядом выступают написания типа z't'k' и z'ty, z'tyy, z't'y «сын» (древнеиранское *zātaka=, старосогдийское *zātak, в VI—IX вв.—zāte, ср. ягнобское zuta), δry, 'δry и sy, šyy „три“ (из θray-, старосогдийское *θrē, в VI—IX вв. šē). Смешение различных орфографических принципов, а также многообразие орфографических приемов обозначения гласных в начале, середине и в конце слова, весьма характерное для согдийской письменности (так, долгое *ā* в середине слова может обозначаться одним *'алефом* или двумя; краткое *a* в середине слова либо вовсе не отражается на письме, либо передается через *'алеф;* краткое *i* может либо не отражаться, либо выписываться через *y,* либо передаваться сочетанием *'y;* долгое *i* — либо *y,* либо *'y,* либо *yy* и т. д.), создают на первый взгляд впечатление весьма слабой нормированности согдийского письменного языка, однако это впечатление обманчиво: за многообразием орфографических вариантов скрывается большая традиционность грамматических норм. Как правило, лишь характер начертаний букв позволяет датировать текст. Эволюция грамматического строя, а во многом и фонетической системы, в памятниках, начертанных собственно согдийским письмом, вскрывается с большим трудом. Можно говорить лишь о второстепенных, частных отличиях во флективных формах имен, местоимений и глаголов в «Старых письмах» сравнительно с более поздними памятниками VI—IX вв.; бóльшее значение имел так называемый «ритмический закон», регулировавший в согдийском языке поведение гласного элемента флексий и утвердившийся, очевидно, в конце IV или в V в. н. э.[3]

Об отражении в письменном языке взаимодействия различных территориальных согдийских диалектов говорить в настоящее время трудно. Можно заметить, что в некоторых согдийских надписях вы-

---

[3] Ср.; **W. B. Henning. Mitteliranisch, S. 107—108.**

ступают слова и словоформы, не засвидетельствованные в дошедших до нас согдийских буддийских текстах (последние составляют основной массив памятников, написанных собственно согдийским письмом) или представленные в буддийских текстах в иных значениях и функциях[4], однако вряд ли есть основания говорить в таких случаях о диалектных различиях. (В надписи из Бугута отмечены неизвестные ранее орфографические формы для глагола «спрашивать» (pwrs- при обычных для других памятников написаниях prs-, 'prs-), а также претерит pr'yt («умер») для глагола *pr'y-: pr'yt- «уходить; умирать» (ср. скр. prеta-), впервые засвидетельствованного в согдийском языке (сообщено В. А. Лившицем).

Обширная территория распространения согдийского языка (от западных пределов Бухарского оазиса до Китайской стены) членилась, несомненно, на ряд диалектных областей, однако в настоящее время еще трудно реконструировать схему согдийских диалектов и говоров, их классификацию и степень влияния на письменно-литературный язык. Можно лишь утверждать, во-первых, что существовало различие между западными и восточными территориальными диалектами; во-вторых, что диалект или, точнее, диалекты Бухарского Согда имели определенные отличия от самаркандских диалектов, причем эти отличия сохранялись стойко в течение столетий (ср. упоминания об особом «бухарском языке» у мусульманских авторов, приводящих и отдельные слова из этого языка — календарные названия у ал-Бируни, названия лекарственных растений у ал-Ахавайни — бухарского врача X в., и др.), хотя в качестве письменного в Бухарском оазисе постепенно утвердился согдийский письменный язык, базировавшийся на самаркандском диалекте; в-третьих, что согдийский диалект, нашедший продолжение в современном ягнобском языке, весьма значительно отличался по историко-фонетическим и грамматическим характеристикам от самаркандского диалекта, отраженного в памятниках письменности.

Для суждения об эволюции грамматического строя согдийского языка первостепенное значение имеет сопоставление памятников, написанных собственно согдийским письмом, с согдийскими (как правило, переводными) текстами, написанными двумя другими письменностями — сирийской (христианские согдийские тексты) и манихейской (манихейские тексты). Эти памятники не скованы традиционной письменностью, почти не знают исторических написаний и в целом язык их гораздо ближе к живой согдийской речи VI—IX вв., нежели язык памятников, начертанных собственно согдийским письмом. Наиболее близки к нормам живой речи христианские тексты; необходимо лишь учитывать, что на синтаксис этих текстов наложило сильный отпечаток стремление переводчи-

---

[4] См. примеры такого рода из Афрасиабской надписи (чтение В. А. Лившица) в нашей статье „Глагольные формы в согдийских документах с горы Муг", „Народы Азии и Африки", 1970, № 6, стр. 105, прим. 9.

ков калькировать конструкции сирийских оригиналов. Манихейские тексты выделяются своим стилистическим совершенством; с точки зрения близости грамматических норм к живой речи, они занимают промежуточное место между памятниками собственно согдийской письменности и христианскими текстами.

В течение довольно долгого времени иранисты считали, что христианские и манихейские тексты отражают особые согдийские диалекты. Ныне благодаря работам В. Б. Хеннинга, А. А. Фреймана и В. А. Лившица это мнение оставлено, и язык манихейских и христианских памятников рассматривается прежде всего как менее консервативная разновидность общесогдийского письменного языка. Нельзя, однако, не отметить, что детали взаимоотношений языковых особенностей трех категорий согдийских письменных памятников до сих пор во многом неясны. Это обстоятельство нашло отражение и в исследовательской литературе по согдологии. Грамматики языка всех согдийских памятников еще не существует. Наилучшая в настоящее время грамматика И. Гершевича[5] основывается главным образом на материалах манихейских текстов. Исследование М. Шварца (Martin Schwartz), посвященное системе глагольных форм в христианских текстах, еще не опубликовано. О памятниках, написанных собственно согдийской письменностью, имеется лишь грамматический очерк Э. Бенвениста[6], опубликованный более 40 лет назад и ныне во многом уже устаревший.

В качестве подготовительных работ к составлению сводной согдийской грамматики необходимо провести исследование отдельных грамматических категорий, прежде всего глагольных, поскольку глагол в согдийском языке обладает наиболее многообразной и сложной системой морфологических форм (флективных и аналитических), причем значения и функции этих форм во многом зависят как от структуры предложений, так и от типа глагольной флексии. Исследование согдийских глагольных форм велось нами в плане сопоставления материалов различных памятников (буддийские тексты, документы с горы Муг, «Старые письма», манихейские тексты, христианские тексты). Предлагаемая ниже статья посвящена характеристике форм будущего времени.

Формы будущего времени в согдийском языке образуются присоединением суффиксальной частицы -k'm (=kām) к личным глагольным формам настоящего времени изъявительного наклонения, формам конъюнктива, оптатива, прекатива и инъюнктива. В буддийских и манихейских текстах наряду с -k'm употребляется, хотя и реже, вариантная форма частицы — -k'n. Этот вариант является, несомненно, чисто фонетическим альтернатом частицы

---

[5] I. Gershevitch, A grammar of Manichean Sogdian, Oxford, 1954 (в дальнейшем в сокращении: GMS).

[6] E. Benveniste. Essai de grammaire sogdienne, Deuxième Partie, Paris. 1929 (в дальнейшем в сокращении: Gr. II).

-k'm; написание -k'n отражает либо произношение -kān (с необычным для согдийского чередованием -m/-n в конце словоформы[7]), либо, скорее, произношение -k$\tilde{a}$, с назализованным -$\tilde{a}$, выступающим в качестве аллофона долгого -$\bar{a}$[8]).

Назализация долгих гласных отмечена как характерная черта фонетической системы хорезмийского языка, близко родственного согдийскому. В хорезмийском назализованные гласные[9] развились из сочетаний типа „долгий (реже—краткий) гласный $+n$". Хорезмийская графика XII—XIV вв., базирующаяся на арабско-персидской письменности, нерегулярно отражает назализованные гласные в позиции конца слова; ср. такие написания в хорезмийской версии словаря ал-Замахшари „Муқаддимату 'л-адаб" и в хорезмийских глоссах в сочинении ал-Газмини „Кунйату 'л-мунйа" как δуп и δу „женщина" (=δ$\tilde{i}$), γw „цвет" (=γ$\tilde{u}$ из др.-ир. *gaunа-, но ср. γwnk = γūnik „волос" из *gaunaka), xr'=x$\tilde{a}$ra „(если) я съем" (1 Sg. Conjun., из др.-ир. *xwarāni), но 'wz'nc =$\bar{u}\tilde{z}$a-ci (или $\bar{o}$za-ci) „если же я выйду оттуда", и т. п.[10]

Для письменного согдийского назализация долгих гласных не характерна, так что случай -kām > -kān > -k$\tilde{a}$ представляет собой исключение[11]. Вряд ли, однако, можно сомневаться в том, что

---

[7] Ср.: R. Gauthiot. Essai de grammaire sogdienne. Première partie Paris, 1914—1923 (в дальнейшем в сокращении: Gr. I), § 80—83; GMS, § 348—350, 448.

[8] См.: W. B. Henning. Mitteliranisch, S. 106.

[9] Вопрос о том, являются ли в хорезмийском языке назализованные гласные самостоятельными фонемами или аллофонами соответствующих долгих ($\tilde{a}$ — аллофон $\bar{a}$, $\tilde{i}$ — $\bar{i}$, $\tilde{u}$ — $\bar{u}$) и кратких, нуждается в дальнейшем исследовании.

[10] Назализация долгих гласных в хорезмийском языке XII—XIV вв. была весьма активным процессом, на что указывают, в частности, случаи назализации в заимствованных из арабского и персидского словах или основах. Ср., например, хорезм. qrb'-kurb$\tilde{a}$ из араб. qurbān; хорезм. 'm'=am$\tilde{a}$ „защита" из араб. amān; хорезм. zynd'=z$\tilde{i}$nda из перс. zīndān; хорезм. s'qyn'wk (=sāk$\tilde{i}$awik или sāk$\tilde{i}$awk?) „должность кравчего", См.: W. B. Henning, The Khwarezmian Language, — „Zeki Velidi Togana armagan", Istanbul, 1955, p. 431; W. B. Henning. Mitteliranisch, S. 114—117; М. Н. Боголюбов. О некоторых особенностях арабо-хорезмийской письменности, „Народы Азии и Африки", 1961, № 4, стр. 183—187.

[11] В ягнобском языке назализация гласных, особенно долгого $\bar{o}$ (отражающего согд. и др.-ир. $\bar{a}$), отмечена в записях М. С. Андреева (например, fir$\breve{o}\tilde{n}$ta=fir$\acute{o}$nta, наряду с более обычным вариантом fir$\acute{o}$nta=fir$\acute{o}$nta, ср. также h$\tilde{o}$m, h$\tilde{o}$n, ho$^{\tilde{n}}$ наряду с hom, ho, xo „да", тадж. hon, on, ho), См:

написание -k'n отражает произносительную форму -k̃a. Такое предположение находит подкрепление в согдийско-христианских текстах, в которых частица будущего времени в графике передается обычно через -q' (=-k̃a), причем представлена вариантная форма -g' (=-g̃a), которая выступает в 1 Sg. после -n, восходящего, в свою очередь, к -m (-mk > -ng, см. GMS § 448)[12]. Например, в ST I[13]: 'z'ng' „я признаю" (10, 13), γwzng' „я попрошу" (75,4), tbrng' „я дам" (36,7), pryсng' „я оставлю" (75,9), swng' „я отправлюсь" (75,10), wyng' „я увижу" (73,11)[14]. Таким образом, написание -g' является для согдийско-христианских текстов аллографом для -q', строго обусловленным определенной позицией (-n-g')[15]. Примечательно также, что этот аллограф вы-

---

М. С. Андреев, Е. М. Пещерева. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М. — Л., 1957, стр. 10. В работах, специально посвященных фонетике ягнобского языка, это явление не отмечается и, видимо, нуждается в дальнейшем исследовании. Ср.: В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков, II, М.—Л., 1953, стр. 64—72; М. Н. Боголюбов, Ягнобский язык, „Языки народов СССР", т. I: „Индоевропейские языки", М. 1966, стр. 343—346.

[12] См. также: C. Salemann. Manichaica V. Beiträge zur christlich-soghdischen Grammatik, „Изв. имп. АН", VI сер., т. VII, 1913, № 18, S. 1141; S. Telegdi. Notes sur la grammaire du sogdien chrétien, — JA, t. CCXXX, 1938, p. 208.

[13] ST I — F. W. K. Müller, Soghdische texte, I, „Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften", 1912, Nr. 2.

[14] См.: C. Salemann, op. cit., S. 1138—1144; S. Telegdi, op. cit., p. 208. И. Гершевич отмечает, что формы 1 Sg. Fut. на -g' представлены также в согдийско-христианской рукописи B 49, стк. 8 (см, GMS, § 686).

[15] Ср. согд.-христ. "mng „настоящий, подлинный" наряду с христ." mnkcyk (с тем же значением), См.: BBB, S. 76; GMS, § 1014 (приведенное у В. Б. Хеннинга, BBB, S. 76, слово 'm'nk в документе X, изданном Г. Райхельтом (HR II, S, 58—69; Taf. XI—письмо, написанное поздним курсивом, характерным для согдийских и уйгурских текстов IX—X и последующих столетий, от имени „Пресвитера Сергия" — srkys msyδr, и адресованное „его сердечному другу (и) товарищу Ил Барс Кутлуг Алп-Тархану" — γurδ δrz-cykw syrγwz-y"δ'sm yr p'rs γwtrwγ'ip trγ'n), вряд ли имеет значение „настоящий, подлинный". В соответствующем месте письма (R, стк. 19) речь идет, по-видимому, о том что автор письма что-то посылает адресату (или жене и детям последнего—ср. стк. 17—18: tw' γurδ. δβnmn "z-wnt s't γwp'k γnt 'ntwγc n' γwr' „твои жена (и) дети все здоровы, не волнуйся"): '(zw?) 'yw 'm'nk mγδy p.. km „Я (?) ... немного яблок (и) фруктов посылаю (?)". Для согдийского 'm'nk-amāng) „яблоко" ср. мундж. amiṅgā, шугн. mūn, барт., орош. mōun, руш, язг. māun, ишкаш. mend, вах. mör, афг. (пашто) mana, māna, староваджское mayn, См.: И. И. Зарубин. К списку памирских языков, ДРАН, серия В, 1924, стр. 80; А. З. Розенфельд. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях, ТИЯ, т. VI, М., 1956, стр. 278—277; См: также: И. И. Зарубин, МЯ, стр. 136; G. Morgenstierne, EVP, p. 45.

ступает лишь в нескольких согдийско-христианских рукописях; его нет в текстах, вошедших в ST II, в переводе жития Св. Георгия и в обширной рукописи C II, опубликованной О. Хансеном (BST II). Такое положение не должно нас удивлять, поскольку, как убедительно показали Ф. Мюллер, В. Ленц и особенно С. Телегди, среди дошедших до нас согдийско-христианских текстов можно выделить по крайней мере 4 группы, различающиеся не только с точки зрения орфографических особенностей, но и по некоторым деталям грамматической структуры, а также по стилю (ср., например, регулярное употребление личных местоимений в постпозиции к глагольным формам Pres. и Fut. в согдийских переводах текстов Нового Завета, объясняющееся буквальным копированием синтаксической структуры сирийского, с которого переводили согдийцы-христиане).[16]

Наряду с -q' и его аллографом -g' в некоторых согдийско-христианских текстах засвидетельствованы также формы -q'm и -q'n, соответствующие согдийско-буддийским и манихейским -k'm и -k'n и выступающие — для согдийско-христианской орфографической традиции — очевидно, в качестве исторических написаний. Форма -q'm представлена в ST II в фрагменте 5 — отрывке согдийского перевода христианского текста, являющегося сирийской версией книги Даниила (весьма далекого в деталях от библейского текста), а также в BST II (860, 38 — текст C 2/5 (3) = T II B 62 b, T II B 13, I и T II B 13). В фрагменте 5 отмечены две формы с -q'm: wxstqm „он освободит" (5, 20: m't xw wxstq'm wyspw „dy cn byzy' „ибо он освободит всех людей от зла") и zγyrntq'm (5,19: "mng xšywny qy n'm zγyrntq'm (20) šy mšyh' „настоящий царь, имя которого назовут Мессия"). В BST II 860, 38 представлена форма prwrtntq'm „они превратятся, станут" (3 pl. Fut. Ind. от prwrt-): ms yty xw't prwrtntq'm s't wyškt qy p (...„также вот (?) станут слабыми все те, кто...").

Форма -q'n засвидетельствована в ST II в текстах 1 (qwnymq'n „мы сделаем", 1,84) и 6 (byrymq'n „мы обретем", 6,37), а также в фрагменте перевода хомилии (bwtq'n „он станет", ST I, 81, 11).[17]

В буддийских и манихейских текстах вариант -k'n представлен гораздо реже, чем -k'm. Для манихейских текстов И. Гершевич[18] отмечает следующие случаи употребления -k'n при формах Pres. Ind.: 3 Sg. βwtk'n „он будет, станет" (M 771, 16; T II D 52 a 6; M 118 II V 3)[19]; βyrt'k'n „вы обретете" (M 894

---

[16] См.: S. Telegdi, op. cit., p. 206—221.
[17] См.: S. Telegdi, op. cit., p. 229.
[18] GMS § 650.
[19] Об этих согдийско-манихейских фрагментах см.: M. Boyce. A catalogue of the Iranian manuscripts in Manichean script in the German Turfan collection, Berlin, 1960 (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Institut

I 4)[20] в отрывке[21]: (2) fryyt ''jwndt (m'?) [nd?] m'(t) ['ptryy] (3) pryct'x't oo z'rkyy (m?)['t] 'pt [ryy] (4) frtrstr βyrt'k'n „(Если вы), дорогие дети, оставите этих (=ваших) родителей [„мать (и) отца"], (то) вы обретете тысячекратно (z'rkyy)[22] лучших родителей"; 1 Pl. βymk'n „мы станем, будем" (M 771, 10); pršt'ymk'n „мы приготовим" (T II B V 3 — в этом тексте представлены рядом формы с k-'n и с k'm: βwtk'm: „(это) будет", T II B V 5, см. GMS § 646).[23]

Поскольку большинство согдийско-манихейских текстов еще не опубликовано, трудно с уверенностью сказать, привел ли И. Гершевич (он пользовался фотографиями манихейских текстов, имевшихся в Лондоне в распоряжении В. Б. Хеннинга) все случаи употребления -k'n в согдийской турфанской манихеике или ограничился несколькими примерами.

Для согдийско-буддийских текстов И. Гершевич (GMS § 650—651) привел следующие примеры на формы с -k'n:

а) при Pres. Ind: 1 Sg. βyr'm k'n „я найду" (Frg. II[a], 19), контекст: rty w'n'kw šym'r wδy 'tn skwy cyk δ'r'wk βyr'm k'n „И так он подумал: там вот[24] я найду топливо (?)"[25]; 3 Sg. pswγsty k'n „станет очищенным > очистится" (Frg. III, 70—71), контекст: rtγw ywn'yδ pswγsty k'n „и оно тотчас очистится";

б) при Opt.: 3 Sg. šw'yk'n „(если) он должен будет пойти" (P 3,53), контекст: (52) rty kδ' ZKn mrtγm'k δnn ''δ'k (53) pr'w y'r β'y rty kw pδkh šw'yk'n „если у этого человека будет ссора с кем-либо и если он должен будет пойти в судебное ведомст-

---

für Orientforschung, Veröffentlichung Nr. 45), p. 52 [M. 771: фрагмент нижней части листа, сохранились только части 16 (8+8) строк на обеих сторонах листа], 102 [T II D 52 *a* = 4701 — фрагмент, части 8 (4+4) строк], 10 [M 118— фрагмент двойного листа, части 72 (18+18+18+18) строк, текст содержал религиозные наставления, отрывки из него публиковались (см.: M. Boyce, ibid.), однако строка 3 Verso в этих публикациях не приводилась].

[20] См.: M. Boyce. op. cit., p. 61: маленький фрагмент двойного листа, части 44 строк (14+14+8+8).

[21] См.: I. Gershevitch: Iranian notes. — TPhS, 1948, p. 63 (нумерацию строк мы даем согласно M. Boyce, op. cit., p. 61).

[22] z'rkyy. букв. „по тысяче", см. дистрибутивный суффикс -kI//-ik в ягнобском, см. ЯТ, стр. 272. Этот отрывок, как отметил И. Гершевич (TPhS, 1948, p. 64), несколько напоминает Евангелие от Марка, X, 29, и находит параллели в манихейских среднеперсидских текстах.

[23] Об этом фрагменте см.: M. Boyce, op. cit., p. 131.

[24] 'tn — Dat. ethicus. Здесь либо сочетание подкрепительной союзной частицы 't с местоимением-энклитикой -n, либо (менее вероятно) личноместоименная энклитика 2 Pl., ср. tn в „Старых письмах".

[25] Г. Райхельт (HR I, S. 59) читает skwy cyk и переводит это слово „Brennholz". Читать, быть может, $\overset{\vee}{s}$kwy cyk, образование с суффиксом -cyk от (?) $\overset{\vee}{s}$kw-„сухой" (h$\overset{\vee}{s}$ku-)? Ср. GMS 93, 397; BBB, s. 53.

во...“[26]; kwn’yk’n „(если) захочет сделать“ (P3, 123), контекст: rty kδ’ ZK mrtγm’k ZKw cδw kwn’yk’n „и если человек захочет совершить волхвование (по камню)...“.

Помимо этих примеров, приведенных в грамматике И. Гершевича, в буддийских текстах можно отметить еще ряд случаев употребления -k’n как вариантной формы частицы будущего времени[27]:

с Pres. Ind.—3 Sg. ’nc’ytk’n (P 3, 304: rty γyδ ZK w’r ywn’yδ ’nc’ytk’n“ и тот дождь тотчас прекратится“); ’pswγsty k’n „он очистится“ (P 3, 299—300; ср. выше пример из Frg. III, 70—71); ’šm’rtk’n „он подумает“ (P 12, 52); ’’stk’n „он возьмет“ (P 12, 52, контекст: rtšw prw s’n pδkh ’’stk’n rtms ’šm’rtk’n „и как врага (?) он возьмет его и подумает о нем (?)“)[28]; L’ ’ystk’n „он не придет“ (P 22,4, контекст: ’nyw ’wt’k cyk s’n ’sp’δy’n L’ ’ystk’n „другое чужеземное вражеское войско не придет“)[29]; βwtk’n „он станет, будет“ (P 3,264; P 7,52 и др.).

С формами Opt.: —3 Sg. ’škry k’n (P 12, 61: mz’yγw w’γrš ZY mz’yγw pδ’nkh ’škry k’n „(чтобы) он изгнал великую беду и великое несчастье“)[30];

При потенциальных формах: 3 Sg. Potent. Fut.: ’šk’rtkwn’y k’n „он сможет изгнать“ (P 12,67, контекст: rty pštrw pδkh[31] ZY w’γrš ’šk’rtkwn’y k’n „и затем он сможет изгнать несчастье и беду“).

Форма Fut. Conj. с -k’n засвидетельствована, по-видимому, в заключительной (23-й = V, 4) строке документа X: (22) ’z-w šm’γ (23) βnty ’ym spγš’nk’n „я есть Ваш раб (и) я буду служить (вам)“[32].

В мугских документах формы будущего времени с k’n не засвидетельствованы.

---

[26] Так, видимо, следует здесь переводить kw pδkh, ср.: Э. Бенвенист (TSP, p. 62): „en justice“. Буквально kw pδkh $\overset{v}{s}$w’yk’n — „(если) он отправится к закону („прибегнет к правосудию“)“.

[27] Э. Бенвенист (Gr. II, p. 40—41, § 29) отмечал форму -k’n для части согдийско-буддийского текста P 3, хранящейся в Британском музее и опубликованной Г. Райхельтом (HR I, S. 62—65), См. Gr. II, p. 199—200 и TSP, p. 59.

[28] Толкование этого отрывка остается неясным, ср. TSP, p. 132. В. А. Лившиц указал, что оборот prw s’n pδkh по структуре схож с pr swzwn pδkh „по словесному (?) уговору“ в мугском контракте Nov. 3, R, стк. 7—8, ср. СДМ, II, стр. 21, 23, 29 (вместо swzwn, которое было истолковано как тюркское заимствование в согдийском — тюрк. sözün „слово его“, В. А. Лившиц считает возможным и чтение swnwn, ср. скр. śuná- „Erfolg“, авест. *a-sū-na-* „erfolgreich“, ср. Air. Wb., Sp. 211).

[29] Ср. TSP, p. 235.

[30] См. TSP, p. 255; СДМ II, стр. 86.

[31] Описка вм, pδ’nkh.

[32] Чтение В. А. Лившица. Г. Райхельт (HR II, S. 58) читал spγ$\overset{v}{s}$’ (?) k’nc (?) и оставил это слово без перевода.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что частица -kām, выступающая в написании -k'm (будд., маних., в христ. q'm), имела в качестве вариантной форму -kān, которая в конечном счете приобрела вид -k̃a (с назализованным -ã). Конечный этап развития этой частицы засвидетельствован христианскими текстами, для которых наиболее характерно написание -q'. Промежуточный этап представлен графическим вариантом -k'n, нередким в буддийских текстах и засвидетельствованным также в манихейских и христианских (-q'n) текстах, равно как и деловыми документами (документ X). Отсутствие соответствия в ягнобском языке для форм согдийского будущего с частицей -kām > -k̃a не позволяет точно реконструировать все этапы истории этой частицы в согдийском [ср. развитие послелога -s'r: согд.-будд. и маних. -s'r = -sār или -sâr (из др.-ир, sāra), христ. -s' = -sā или -s̆a, ягнобский послелог -(i)-sa], однако вряд ли есть основания полагать, что графические варианты -k'm||-q'm, -k'n||-q'n, -q' в разных категориях согдийских текстов отражают диалектные различия. Поэтому нам представляется неправильным утверждение И. Гершевича о том, что „различные формы этой частицы, по-видимому, принадлежат разным диалектам“[33].

Согдийские формы будущего времени с частицей -k'm имеют ближайшую аналогию в формах с كام (-k'm) в хорезмийском языке (как о нем можно судить по текстам XII—XIII вв., написанным хорезмийским письмом арабо-персидского происхождения)[34]. Наличие форм будущего времени с частицей -k'm в хорезмийском было отмечено первыми исследователями этого языка — В. Б. Хеннингом[35] и А. А. Фрейманом[36]. В тексте сочи-

---

[33] GMS, p. 101, § 646: Although the various forms of this particle appear to belong to various dialects, one Man. text, T II B, has both *k'm..*, and *k'n*. Ср. Gr. II, p. 41, § 29. Э. Бенвенист сравнивал отношение будд. -k'm, -k'n к христ. -q'n, -q' с отношением вариантных форм частицы длительности—будд. (')skwn и христ. -sq (-*$^{\partial}$ sk^{wo}n и *-s^{o}k, *-sk), а также согд.-будд. 'stn (частица длительности) к янг. -ist. Однако нам кажется, что наиболее близкая параллель к -kām > -k̃a заключена в развитии послелога *-sār.

[34] Как сообщил В. А. Лившиц, в дошедших до нас хорезмийских текстах, написанных хорезмийским письмом арамейского происхождения и относящихся к периоду I—VIII вв. н. э. (надписи на керамике из Кой-Крылган-калы I—III вв. н. э.; документы на коже и дереве из дворца Топрак-калы, II—III вв.; надписи на серебряных сосудах VI—VIII вв.; надписи на оссуариях из Гок-калы и Миздахкана VII—VIII вв.; фрагменты документов из Якке-парсана VI—VII (?) вв.), формы будущего времени с частицей -k'm не засвидетельствованы.

[35] W. B. Henning. Über die Sprache der Chvarezmier, — ZDMC, N. F., Bd. 90, 1936, S. *30*—*34*.

[36] А. А. Фрейман. Хорезмийский язык, ЗИВАН, VII, 1939, стр. 316 [перепечатано в кн.: А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. Материалы и исследования, I (в дальнейшем в сокращении — ХЯ), М.—Л., 1951, стр. 13].

QCL. N.Ver

нения „Кунйату 'л-мунйа“ хорезмийского законоведа XIII в. Наджм ад-дин Абу-р-раджа Мухтар ибн-Махмуд аз-Захиди ал-Газмини среди хорезмийских глосс засвидетельствован ряд глагольных форм будущего времени с частицей -k'm, причем как можно заметить по опубликованным А. А. Фрейманом глоссам, эти формы по своей грамматической характеристике во всем основном аналогичны согдийским формам будущего времени:

а) Формы изъявительного наклонения: Fut. Ind. I Sg: xurām-kām (или xurāmikām) „я съем“: šyk β'br xr'mk'm w'b' x^{u}rc[37] p'rwzd „я три развода съем над тобой или (они уже) съедены“[38]; ikkamkam „я сделаю“: pr'c h' 'ββ' c šyy'wr^{a} kh k'byn 'kk^{a}mk'm „пусть будет та разведена трижды, с которой я сделаю брако-сочетание“ (ХЯ, стр. 85; ср. ХЯ, стр. 101); 2 Sg. -$\breve{\bar{a}}$s(s)ikām „ты придешь“: y' γd k'ss^{i}k'm dy δyn'r hβr'mk'm (= havirāmkām) “как только ты придешь“, я дам тебе динар“[39]; cγcy'k'm k'ssk'm dy δyn'r hβr'mk'm „каждый раз, как ты придешь, я дам тебе динар“ (ХЯ, стр. 84); niδikām „ты сядешь“· 'dhr'm nyv^{i}k'm „то ты сядешь запрещенной“ (ХЯ, стр, 102); havirīkām „ты дашь“: km^{i}yh hβryk'm 'y zrny ny d β'c 'yw 'pš^{a} x^{a}rj nykk'm b^{a}'h^{i} isp^{a}n^{i}y x^{i}n'mk'm „когда мне дашь золото, то из него ни одного гроша не истрачу, куплю (xināmkām) за него железо“ (ХЯ, стр. 86); I Pl. —wē-$\breve{\bar{n}}$amanikām: m'nb' kn' wyn'mnyk'm „когда же мы их увидим“ (С 2311, л. 84); 2 Pl. ikkiv (vīkām „вы сделаете“: m'nb' k^{i}m^{i}yh hl'l^{a} ^{i}kk^{i} ββ^{i}yk'm d^{u}w^{a} 'nγwss'mk'm (=ənγussām^{i}kām) „когда же

Ср. также: А. А. Фрейман. Согдо-хорезмийские диалектологические отношения, ХЯ, стр. 40. „Будущее время образуется, как и в согдийском, сложением форм настоящего времени с частицей (неизменяемой формой) — основой глагола kām со значением „желать“: ikkām kam. Эта же частица может присоединяться и к желательному наклонению, образуя особое сложное желательное наклонение: ikkix kām (2 ч. ед. л.), оттенок значения которого в данном скудном материале пока не удалось выяснить. Эти формы желательного наклонения, простая и сложная (ikkix и ikkix kām), засвидетельствованы в наших фразах вследствие того, что значительная их часть представляет различного рода условные предложения, условия реальные и ирреальные. Сложное желательное наклонение, аналогичное хорезмийским образованиям, имеется и в согдийском (δβr'y k'm), но опять-таки не отмечено в грамматике. В согдийском языке имеется даже повелительное наклонение с частицей k'm ("s k'm), также не отмеченное в грамматике“. (Под желательным наклонением типа ikkix и ikkix kām А. А. Фрейман имеет в виду хорезмийские формы Conj. — сослагательного наклонения).

[37] В транскрипции мы отмечаем надстрочными *a*, *i*, *u* знаки фатха, кесра и дамма в тексте глосс „Кунйату 'л-мунйа“.

[38] А. А. Фрейман. Хорезмийский язык, ЗИВАН, VII, стр. 318; ХЯ, стр. 75; ср. ХЯ, стр. 111.

[39] Хорезмийский язык, ЗИВАН, VII, стр. 319; ХЯ, стр. 84.

мне ее вы сделаете дозволенной, тогда-то я послушаю“ (ХЯ, 67);

б) Формы сослагательного наклонения: Fut. Conj. 2 Sg. — kkixkam „если ты сделаешь“: k'βynd nykyxk'm „если ты не выйдешь замуж („супругом не сделаешь“)“[40]; k'n 'y n'n'm βynd nykyxk'm“ „если ты такого-то не сделаешь мужем“ (ХЯ, стр. 83)[41].

А. А. Фрейман отметил, что в хорезмийском языке имеются также формы, в которых аффикс -*y* (-*ē*?) присоединяется к форме будущего с частицей k-m таким образом, что этот аффикс располагается после -k'm:prmm^{i}k w'jyb ky'δynk βr'mk'my=virām^{i}-kamē/ī) „на мне обязанность, чтобы я постился в день пятницы“ (перс. bar man vājib ki rōz-i ādīna rōza dāram)[42]. Форма βr'mk'-my является сочетанием 1 Sg. Fut. Ind. с частицей -*ē*, в последней А. А. Фрейман был склонен видеть „признак Optativ'a в зависимом предложении (?)“[43]. Еще один пример такого сочетания формы Fut. с тем же, очевидно, аффиксом, но выступающим в написании -yy, привел М. Н. Боголюбов из рукописи С 2311 (собрание Рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР) сочинения „Кунйату 'л-мунйа“: kb' 'wsp myδ 'δw pnd'k 'kyk'myy (=ikkīkamē/ī dzcmyncy (С 2311, л. 159) “что вот каждый день два раза ты будто бы будешь совершать кражу“[44]. Судя по переводу М. Н. Боголюбова, в этом предложении форма с аффиксом -yy выступает со значением предположительного (или ирреального?) будущего.

В согдийских текстах, насколько известно, форм будущего с постпозитивным аффиксом, располагающимся после частицы -k'm, до сих пор не отмечено.

Происхождение частицы -kām в согдийском и в хорезмийском достаточно ясно — эта частица этимологически связана с глаголом kām- „желать, хотеть, любить“, который хорошо засвидетельствован и в согдийских[45], и в хорезмийских текстах, равно

---

[40] Хорезмийский язык, ЗИВАН, VII, стр. 318; ХЯ, стр. 83. А. А. Фрейман толковал βynd (فيند) как „связь“ (ср. ХЯ, стр. 70), однако более вероятно, как полагает В. Б. Хеннинг (W. B. Henning. The Khwarezmian language,— „Zeki Velidi Togan'a Armagan“, Istanbul, 1955, p. 429, 434), видеть в этом слове отражение др.-ир. fsuyant-„хозяин“, имеющего в хорезмийском, подобно перс. sūy, значение „муж“.

[41] Ср.: М. Н. Боголюбов. Частицы в хорезмийском языке, УЗЛГУ, № 305, Серия востоковедческих наук, вып. 12, Языки народов Востока, Л., 1961, стр. 81.

[42] ХЯ, стр. 110.

[43] Там же.

[44] М. Н. Боголюбов. Частицы в хорезмийском языке, стр. 83.

[45] См., например, формы этого глагола, отмеченные в GMS, § 96, 755, 901, 908, 1068 (будд. k'm-, маних., христ. k'm-, q'm-, христ. q'm-); см. также в мугских документах B—18, 7, 13; I-I, 17; B-17V1 (см. СДМ, II, стр. 202).

как и в средне-западноиранских языках — среднеперсидском (kāmistan, kāmīdan)[46], парфянском (парф. -маних. k'm-: k'm'd--)[47], откуда и армянское k'amim „я хочу", а также в некоторых новоиранских — осетинское (ирон.) komyn, (диг.) komun „соглашаться (что-либо сделать), поддаваться", ваханское kami-, kəmi -„хотеть", ишкашимское kam-:kimd- сангличи kəmay- „хотеть"[48].

Глагольная основа kam- засвидетельствована и в древнеиндийском в значениях „хотеть, любить" (Perf. cakamé, PPP. kāntah, Caus. kāmàyati и т. д.)[49], однако давно установлено, что этот глагол, равно как и соответствующие иранские глаголы, является древним деноминативом, образованным от имени существительного kāma- „желание, страсть, любовь" (ср. древнеинд, kāmah, авест. kāma-, древнеперс. kāma-). В свою очередь, древнеиндийское и древнеиранское kāma- является производным от глагольного корня *km̥-, ср. авест. kā- „желать" (Pres. kaya-, Perf. I cak-, Aor. I kāh-, ppp. kāta-)[50]. Единственным известным нам отражением этого корня *km̥- в среднеиранских языках является парфянское ''g'dg, 'g'dg „желание, пожелание", agādag (или aγāδaγ), восходящее к древнеир. *ā-kā-ta-ka-[51]. Во всех других случаях глагол kām- в среднеиранских языках — старый деноминатив (ср. тип образования среднеперсидских kāmistan и kamidan), это относится и к согдийскому kām-, тогда как среднеиранское существительное kām „желание" является прямым продолжением древнеиранского kāma- или *kāmaka-: среднеперс. kāmak, kāmag, парф. kām (k'm, ср. также парф. прилагательное и наречие 'g'm'y = agāmāy „невольно, неохотно")[52], согд., хорезм. k'm, армянское k'amk „желание", заимствованное из парфянского или среднеперсидского, н.-п. kām, kāma, осет. kom (в сочетании kom dœddyn „соглашаться")[53] и др.

---

[46] См.: C. Salemann. Mittelpersisch, GIPh, Bd. I, Abt. 1, S. 329 Bahram Faravasi. Farhang-i, pahlavi, Tihrān, 1346/1967, стр. 250—251.

[47] См. B. Ghilain. Essai sur la langue parthe, Louvain, 1939, p. 60, 98, 101, 122.

[48] См.: В. И. Абаев. ИЭСОЯ, т. I, стр. 601. Приведенное у В. И. Абаева (там же) со ссылкой на записи К. Г. Залемана ягнобское kam-„жениться" в текстах М. С. Андреева и Е. М. Пещеревой не засвидетельствовано (ср. ЯТ, стр. 264: inc nōs-„жениться").

[49] См.: M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. I, Heidelberg, 1956, S. 159.

[50] См. Air. Wb., Sp. 462.

[51] A. Ghilain, op. cit., p. 60; ср. C. Salemann, Manichaeische Studien, СПб.,1908, S. 130. Сюда же и согд. "γδu „желание"? Ср. глагол "γuδ- „желать" (-δ- =ϑ-?).

[52] Ghilain, op. cit., p. 60.

[53] В. И. Абаев, ИЭСОЯ, т. I, стр. 599

Частица -k'm в формах будущего времени в согдийском (и в хорезмийском) является, таким образом, по происхождению основой согдийского деноминативного глагола k'm-. Определение Э. Бенвениста, данное им 40 с лишним лет назад, согласно которому частица -k'm является производным непосредственно от корня kā- и лишь этимологически связано с иранским kāma- „желание" и согдийским глаголом k'm- „желать, любить", является не вполне точным[54].

Ближайшей типологической аналогией к выступлению основы глагола *k'm-* в качестве неизменяемой суффиксальной частицы, прибавляемой к уже „готовой" флективной форме, является употребление частиц (')*skwn* (и ее вариантов *sk, sq, kn, k)* и *'štn*, придающих значения длительности и многократности действия и связанных по происхождению с глагольными основами (')skw- „пребывать" и *hišta- „стоять". Сходство это подчеркивается еще и тем, что частица -(')skwn, подобно -k'm, имеет ряд вариантов, связанных с постпозиционным (и, видимо, безударным) положением частицы и отражающих тенденцию к фонетическому упрощению и сокращению конечной части глагольной формы. Нельзя в то же время не отметить и различия между -k'm, с одной стороны, и частицами (')skwn и 'štn, с другой,— последние происходят не прямо из основы глагола, а из отглагольных имен с суффиксом -(a) na-.

Необходимо коснуться и вопроса о том, в какой мере сочетания глагольных форм с частицей -k'm (и ее вариантами) являются едиными формами и какое место, с точки зрения структуры, занимают эти сочетания в системе глагольных форм согдийского языка. Нельзя не заметить, что формы с -k'm по своей структуре достаточно отчетливо отличаются от основных типов согдийских глагольных форм, построенных по схемам: „основа настоящего времени + личные окончания", „основа настоящего времени, осложненная аугментом, + личные окончания", „основа прошедшего (исторически — неосложненное причастие на -ta), + личные формы вспомогательных глаголов ($\sqrt{}$ah-, βw-, m't-, wm't-, δ'r-, kwn-, wn-)", „причастие прошедшего времени (исторически — осложненное причастием на -ta) + личные формы вспомогательных глаголов".

В то же время формы будущего с -k'm отличаются по своей структуре и от таких типов согдийских глагольных форм, которые включают в себя глагольную основу, суффикс и личные окончания, то есть от форм типа прекатива, претерита с суффиксом -$\breve{\bar{a}}$z-, ирреальных форм прошедшего с суффиксом -wt-.

---

[54] Gr. II, p. 40, § 29: „Le troisième suffixe que le présent de l'indicatif est susceptible de recevoir est celui du futur *k'm*; c'est là évidement un dérivé de la rasine *kā-* „désirer", un élément, devenu invariable, qui se rattache à l'iranien *kāma* „désir" et au verbe sogdien *k'm-* „désirer, aimer".

Как уже было отмечено, формы с -k'm, с точки зрения структуры, имеют ближайшую аналогию в длительных формах с частицами (') skwn (и ее вариантами) и 'štn. Длительные формы в согдийском письменном языке соотнесены в плане категорий вида и кратности с формами Praes. Ind., Opt. Pret., -$\breve{\bar{a}}$z- Pret., причем, очевидно, степень интонационной слитности частицы длительности (') skwn с собственно глагольной формой была значительной, что и вызвало появление вариантных стяженных форм этой частицы (см. GMS § 654—645). В то же время нельзя не отметить, что в отличие от ягнобского языка, в котором аффиксальная частица -išt, восходящая к глагольной основе* hišta-(ср. 'štn), образует не только длительную форму прошедшего времени (от формы простого прошедшего), но и форму настоящего-будущего времени индикатива (от формы „аориста" сослагательного наклонения) и, таким образом, является грамматической приметой как категорий вида и кратности, так и категории наклонения, в согдийском частицы (') skwn и 'štn в образовании новых модально-временных форм не участвуют, они лишь привносят оттенки длительности, обычности и многократности действия (это касается и формы Opt. -Pret. с частицей (') skwn).

Со сходным типом грамматических образований мы встречаемся и в сочетаниях личных глагольных форм с частицей будущего времени. Здесь также вряд ли можно говорить о том что частица -k'm является единственным показателем футурального значения. Ведь в согдийском осуществление действия в будущем, после момента речи, выражается отнюдь не только с помощью частицы k'm — формы Praes. Ind., формы Subj (Conj.) и Opt. и без этой частицы достаточно широко выступают в значении будущего, так что частица -k'm, собственно, лишь подчеркивает значение будущего — значение, уже заключенное потенциально в самих глагольных формах Praes. Ind., Subj. и Opt. и выступающее на первый план в определенных условиях контекста и без прибавления частицы -k'm.

Можно, таким образом, наблюдать весьма значительное не только структурное, но и функциональное сходство между сочетаниями глагольных форм с частицами (') skwn, 'štn, с одной стороны, и -k'm, с другой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ—Вестник древней истории
-ГУОПМК—Главное управление по охране памятников материальной культуры при Министерстве культуры УзССР
ЗИВ—Записки Института востоковедения АН СССР
ИМКУ—История материальной культуры Узбекистана
КСИА—Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ—Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ—Материалы по истории туркмен и Туркмении
ОНУ—Общественные науки в Узбекистане
СА—Советская археология
СЭ—Советская этнография
ТИИА—Труды Института истории и археологии АН УзССР
ТХАЭ—Труды Хорезмской археологической экспедиции
ТХАЭЭ—Труды Хорезмской археолого-энтографической экспедиции
ЮТАКЭ—Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

А. Аскаров. Некоторые итоги полевых археологических работ Института археологии АН УзССР в 1971 году 3
М. Р. Касымов. О результатах работ Ахангаранского палеолитического отряда (по данным раскопок 1971 г.) 11
М. Д. Джуракулов, Р. Х. Сулейманов. Новые находки останков первобытного человека на Самаркандской верхнепалеолитической стоянке 21
Н. Х. Ташкенбаев. Новая мустьерская стоянка Кутурбулак . . . 24
С. К. Кабанов. Руины здания времени Кушан близ Карши 27
Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе 38
З. И. Усманова. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш 52
И. Ахрiаров. Археологические раскопки в шахристане городища Кува. 58
Т. М. Юнусов. Антропологические материалы из Ниёзбошитепе . . 66
В. Я. Зезенкова. Описательные данные черепов Кувинского кладбища IX—X веков 69
У. Алимов. Сад-дворец Тимура Давлат-Абад 103
М. М. Исхаков. К структуре форм будущего времени в согдийском языке. 108
Список сокращений 123

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА, ВЫПУСК 10

Утверждено к печати Ученым Советом Института археологии, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *Н. М. Сальникова*
Художник *Ш. Булгаков*
Технический редактор *М. Сухарева*
Корректор *Н. В. Хазова*

Р08546 Сдано в набор 18/X-73 г. Подписано к печати 11/XI-73 г. Бумага тип. № 1. Формат 60×90/16. Бум. л. 3.88. Печ. л. 7,75. Учетно-изд. 8,0. Изд. № 325. Тираж 1000. Цена 90 к. Заказ 221.

Типография издательства „Фан" УзССР. Ташкент, проспект М. Горького. 21.
Адрес издательства: Ташкент, ул. Гоголя. 70.

Цена 90 к.

„ФАН"